

A large red crescent moon is positioned horizontally across the center of the page. It is divided vertically by a thin black line. The left half of the crescent is solid red, while the right half is outlined in red.

Антология

Библиотека
современной
фантастики
в 15 томах

МОСКВА 1966

● ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

А. ЕРМОЛАЕВ

Антология
фантастиче-
ких
рассказов

5
том

И
А72

Италия
Польша
Франция
Чехословакия
Швейцария
Япония

Художник

Е. ГАЛИНСКИЙ

Редакторы:

К. АНДРЕЕВ,
А. ГРОМОВА,
И. ЕФРЕМОВ,
С. ЖЕМАЙТИС,
Е. ПАРНОВ,
А. СТРУГАЦКИЙ

География фантастики

География фантастики еще ждет своего исследователя. Если попытаться разместить на предназначенной для школьных упражнений контурной карте мировые центры научно-фантастической литературы, то взгляду откроется довольно странная картина. Прежде всего мы увидим «белые пятна» девственных земель, характерные для эпохи великих географических открытий. Причем эти «белые пятна» будут располагаться не на территориях антиподов, не в скифских степях, а скорее на землях древних цивилизаций. Это похоже на негатив географической карты, на «антигеографию». Но писатель не город, и книги не уподобишь горам и низменностям. Иногда один художник представляет собой целую литературу, порой сотни произведений не создают ни школ, ни традиций. Можно, конечно, подсчитать, сколько писателей-фантастов живет в той или иной стране, сколько книг они выпустили, сколько выходит там фантастических журналов. Получится безликая среднестатистическая сетка, сквозь которую утечет драгоценная суть. В Польше сейчас активно работают 10—12 фантастов, и где-нибудь еще, допустим, столько же. Но в Польше — Станислав Лем, а где-то его еще нет, и рассыпаются все хитроумные построения.

Мало помогут и исторические экскурсы. Современная научная фантастика — поистине дитя нашего космического и атомного века, века так называемых «малых войн», в которых угнетенные нации отстаивают свои права на человеческое существование, века победы социализма на большей части земного шара. Она не похожа даже на довоенную фантастику, качественно не похожа. Конечно, какие-то приблизительные связи можно наметить. В частности, расцвет американ-

ской фантастики можно попытаться объяснить давними традициями. Ведь признанным родоначальником этого жанра был великий американец Эдгар По. Но при ближайшем рассмотрении становится ясным, что По оказал гораздо большее влияние на европейскую литературу, в частности, на французскую, чем на американскую.

Жюль Верн дал жизнь, без преувеличения, тысячам эпигонских подражаний в разных странах, но не создал французской школы научной фантастики. Пожалуй, лишь о влиянии Уэллса на формирование английской фантастики можно говорить достаточно серьезно. Уэллсовская традиция ясно прослеживается, допустим, в романах Джона Уиндэма. Но в то же время творчество Кингсли Эмиса никак не назовешь традиционным, а Артур Кларк сам создал целую школу.

Имея в виду генетическую связь фантастики с головокружительным научным прогрессом последних лет, часто говорят, что этот вид литературы присущ странам с высоким уровнем науки и индустрии. Но почему-то фантастика абсолютно не популярна в Италии, Швеции, ФРГ, да и во Франции она далеко не так развита, как в Англии.

Трудно нашупать какие-то закономерности. В Японии сейчас фантастика расцветает бурным цветом. Фантастические произведения печатаются в журналах Аргентины и Кубы, но вся огромная территория Бразилии на карте фантастики — сплошное «белое пятно».

О трудностях «географического» подхода к проблемам фантастики можно говорить достаточно долго. В то же время познакомить читателя с современной фантастикой, отбирая лишь наиболее значительные и интересные произведения вне зависимости от их географии, очевидно, тоже нельзя. Отсюда и проистекает необходимость такого оптимального варианта, в котором бы гармония близких по уровню мастерства произведений сочеталась с широтой охвата. Такой вариант, как и всякое явление, взятое в чистом виде, недостижим. Но приблизиться к нему все же возможно.

Данный сборник составлен из произведений авторов различных стран: Италии, Польши, Франции, Чехословакии, Швейцарии и Японии. Такой подбор может несколько удивить любителя научной фантастики.

— Позвольте! — воскликнет он. — Какая может быть современная фантастика без СССР, США, Англии?

Действительно, на «фантастической» карте мира советская и англо-американская литература выглядели бы огромными континентами среди больших и малых островков. Более двух третей общего потока научно-фантастических книг приходится на долю этих трех стран. Именно поэтому и решено выпустить отдельные тома антологий фантастических повестей и рассказов этих стран. Один том будет составлен из лучших произведений советских авторов, другой познакомит читателя с фантастами, пишущими на английском языке, а третий... Третий... именно его и держит сейчас в своих руках читатель.

Коротко о произведениях, вошедших в эту книгу. Италию рассказом «Онирофильм» представляет писатель Лино Алдани. «Онирофильм» — острое, напряженное и беспощадное произведение. Действие его происходит в будущем столетии, но это рассказ о наших днях. Гротескный, подчеркнуто тенденциозный и горький.

Не проходит дня, чтобы газеты не принесли известий об очередной трагедии, связанной с так называемым «коммерческим кино». Трагическая судьба голливудской «секс-бомбы», замечательной актрисы Мэрилин Монро, и разразившийся недавно в Италии скандал, закончившийся привлечением к суду крупнейших кинопродюсеров и актеров по обвинению в пропаганде порнографии. Это две стороны одной и той же ленты. Коммерческое кино породило в современном мире острые и неразрешимые проблемы. Они-то и легли в основу конфликта «Онирофильма» — рассказа о масовом искусстве, которое превращает людей в роботов, блокирует все их нервные и психические центры. Уже сегодня в ряде стран кино сделалось средством обол-

ванивания масс. Уже сегодня ведутся успешные опыты по активному воздействию средствами кино на область подсознания. Уже сегодня с экранов льются потоки кровви и похоти... Если все это будет так продолжаться, то что же будет завтра? На это отвечает «Онирофильм». Это рассказ, проникнутый тревогой и болью за сегодняшний день.

Прославленный французский юмор осветил своим солнечными бликами и жанр научной фантастики. Герой рассказа Пьера Буля «Бесконечная ночь», недалекий буржуа Венсан, вовлечен в невероятнейший круг событий. Действие развивается сначала неторопливо. Прежде всего появляется столь любимая фантастами «машина времени». Правда, путешественник во времени прибывает не из будущего, а из далекого прошлого, но дань традиции будет отдана, и появится другой путешественник, из будущего. Но незачем пересказывать фабулу этого блестательного, наполненного стремительными и все убыстряющимися событиями и головокружительными парадоксами рассказа.

Другой образец французской фантастики, памфлет Марселя Эме «Талоны на жизнь», представляет собой острую политическую сатиру. Атмосфера некоего тоталитарного общества, отмеривающего своим гражданам дни жизни, заставляет обратиться к недавнему прошлому, к позорным дням Виши. Дневник Жюля Флегмона — это дневник коллаборациониста. Такие всегда ко всему приспособливались. Столкнувшись с подлостью, насилием, бесчеловечностью, «герой» может лишь «мысленно выкрикнуть слова протеста». Но даже на это его не хватает. «Стараюсь взять из жизни все» — вот начальная и конечная формула его философии. Марсель Эме двумя-тремя штрихами дает понять, что возникшая в мозгу у читателя аналогия с Виши отнюдь не случайна. Автор намеренно нацеливает на нее. Какой-то фашист произносит фразу, подобную заклинанию: «во всем виноваты евреи», кто-то упоминает о «неоккупированной зоне» и т. д. Замысел писателя предельно ясен. Дух тех, кто предал Францию, все еще витает над страной. Он жив, этот зловонный пар, подымавшийся над болотом ме-

щанского, узкособственнического мирка. Он вползает во все щели, плывет над всеми улицами. Но увидеть его можно лишь в прямых лучах света. Поэтому и написал свой памфлет французский писатель Марсель Эме.

Швейцарский драматург Фридрих Дюрренматт пользуется мировой известностью. Его пьесы часто идут на сценах советских театров, многие из них были опубликованы на страницах журнала «Иностранный литература». Поворот Дюрренматта к фантастике не случаен. Его можно было бы предсказать сразу после «Физиков». Конечно, предсказывать задним числом легче всего, но факт остается фактом: «Операция Вега» — произведение явно фантастическое.

Это гротеск, изящная насмешливая сатира, но сквозь нее проглядывает тревога за судьбу современной цивилизации. Противопоставляя агрессивным землянам суровую общность венериан (Венера сделалась местом ссылки преступников-землян), Дюрренматт отнюдь не хочет оказаться над схваткой. Он не всеобщий обличитель, не объективист с холодным сердцем, разглядывающий в микроскоп проблемы разделенного мира. Симпатии и антипатии его вполне определены. Недаром слова министра Вуда о демократии, идеалах, равенстве и всеобщем прогрессе ежесекундно прерываются раскатами грома. Точно сама природа не может удержаться от хохота, слыша набор трескучих фраз, без которого не обходится ни один политикан, будь то мэр провинциального городишко или дипломат самого высокого ранга.

Именно эта автоматическая словесная демагогия предшествует приказу обрушить на мирных и мужественных людей груз водородных бомб в кобальтовых оболочках. Вуд афористичен, как Талейран, и в то же время узко запрограммирован, как робот. Проволочный каркас из лжи и цинизма, расцвечиваемый в зависимости от надобности суррогатами человеческих чувств и эмоций. Остальные участники полета на Венеру еще более схематичны. Каждого из них автор сделал олицетворением того или иного социального института. Все их действия заранее предопределены и

неизбежны, как неизбежна и заранее предопределена атомная бомбардировка Венеры.

Другими приемами исследует грядущее японский писатель Сакье Комацу. Сквозь атомный пепел и обломки милитаризма пробивается зеленый росток. Суждено ли ему вырасти? Во что он превратится? В уродливого мутанта? Или надежда все же есть?

Лицом к лицу столкнулся японский мальчик с неизвестимой для него службой времени. Временные экраны рассекают повествование. Под разными углами проецируют возможное будущее. И как маленький мир, собравший в себя вселенную, многогранен и изломан мозг японского мальчика, стремящегося отдать жизнь за императора.

Японию по справедливости можно назвать «четвертой фантастической державой». Фантастическая литература Японии богата и разнообразна. Встречаются чисто традиционные произведения, навеянные богатым опытом волшебных повествований средневековья. Впрочем, даже авангардистские произведения тоже окрашены национальным своеобразием. Но много и таких произведений, в которых о Японии напоминают лишь имена героев. Влияние англо-американской фантастики легко проследить и на представленном в сборнике юмористическом рассказе Синити Хоси «Когда придет весна».

С польской научно-фантастической литературой советский читатель знаком в основном по книгам Ст. Лема, у которого в нашей стране миллионы горячих поклонников. Им, безусловно, будет интересно познакомиться с творчеством еще одного польского фантаста, Кшиштофа Боруна. Повесть Боруна «Восьмой круг ада» следует отнести к категории философской фантастики. Переместив инквизитора Модестуса Мюнха из средневековья в коммунистическое общество, писатель меньше всего заботится о хитроумных поворотах сюжета, о внешней занимательности. Он нарочно отвергает путь научного детектива, ставя читателя перед свершившимся фактом на первых же страницах. Этим он как будто предупреждает, что разговор пойдет об очень серьезных проблемах человеческой морали. Это

вечные темы: добро и зло, борьба идеологий, схватка прошлого с настоящим. И вечно будут черпать в них вдохновение художники. Боруню удалось раскрыть эту тему по-своему, умно, тактично, убедительно. Он показал нам интереснейший процесс духовной эволюции средневекового изувера, попавшего в общество, где восторжествовали самые высокие проявления человеческих отношений. Эволюция Мюнха заставляет о многом задуматься. Человек связан с обществом сложной системой обратных связей. Некоторые из этих связей и сумел вскрыть Борунь, воспользовавшийся в своей интересной повести традиционным приемом фантастики.

Рассказ чехословацкого фантаста Вацлава Кайдоша «Опыт» переносит нас в мрачную лабораторию доктора Фауста. Но знакомые всем события средневековой легенды окрашиваются холодным светом космической техники. Этот свет не терпит геней и полутона. Вот почему и сам доктор Фауст предстает перед нами совсем иным, не похожим на того мужественного, сурового гения, каким он запечатлен в нашем воображении.

Вообще идея вмешательства космических пришельцев или людей из будущего в легендарные, сказочные события часто бралась на вооружение многими фантастами. Айзек Азимов как-то заметил, что любой миф можно превратить в фантастический рассказ, заменив вмешательство богов вмешательством науки. В этом отношении рассказ Кайдоша не является исключением из общего правила. Но он интересен для нас именно трактовкой Фауста. Глубоко символично, что независимый партнер Мефистофеля, человек, повелевавший незримым миром духов в столкновении с моралью общества, которое стоит неизмеримо выше существующего, выглядит слабым и жалким. Это сближает «Опыт» с повестью Боруня. И не случайно, что именно польский и чехословацкий писатели сумели, каждый по-своему, показать могучую силу высокой человеческой морали.

Узор калейдоскопа возникает случайно. Не в нашей воле добиться появления самого совершенного ор-

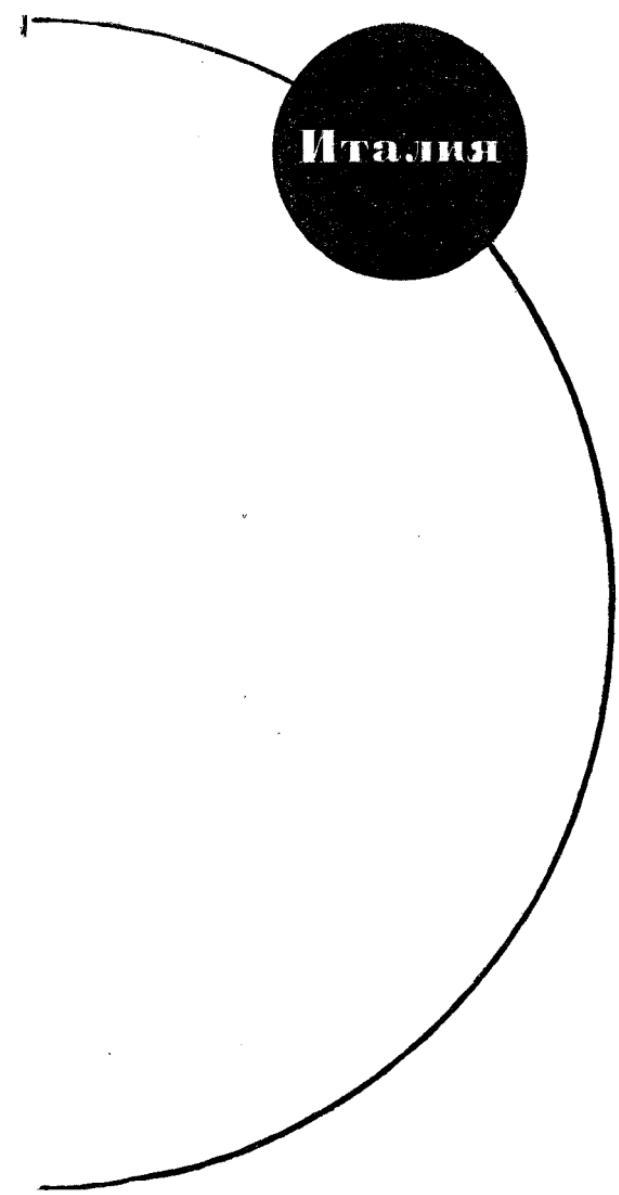
намёнта. Так же случаен и произволён лик будущего в представлении отдельных фантастов. Будущее обусловлено множеством ускользающих от нашего знания причинно-следственных связей. Но в нашей воле верить и надеяться, работать и готовиться к встрече с гармоничным будущим, светлый контур которого вырисовывается сегодня.

Разноцветные стекла современности порой складываются в черный крест расизма или грибообразное облако атомного взрыва. Закон возникновения того или иного рисунка бесконечно сложен, причины таинственны, следствия трагичны. Не раз и не два из темной глубины стекла на нас взглянет ужас, отчаяние и бессилие человека современного мира. Об этом пишут итальянцы, японцы, французы. Совсем другой свет, свет мудрой веры в человека и его силы, льется со страниц произведений писателей социалистических стран. Здесь, пожалуй, теряет смысл аналогия с калейдоскопом. Случайность уступает место необходимости, произвол сменяется целенаправленными усилиями доброй воли, растерянность отступает перед уверенностью. Мысль и воля людей творят будущее. Оно всегда создается сегодня.

M. ЕМЦЕВ, Е. ПАРПОВ

Италия

ЛИНО
АЛДАНИ

ОНИ-

РО-

ФИЛЬМ

Комбинезоны, голубые и серые, двигались вдоль шоссе. Голубой и серый, других красок не было. Не было ни магазинов, ни контор, ни одного бара, ни даже витрины с игрушками или парфюмерией. Время от времени в закопченной стене, поросшей мхом и заваленной мусором, открывалась вращающаяся дверь в лавку. Там были «сновидения»: онирофильм — счастье на любую цену, доступное всем; там была нагая Софи Барлоу для каждого, кто захотел бы ее купить.

Их было семеро, они приближались к нему с разных сторон. Одного он с невероятной силой ударил кулаком в челюсть, тот покатился по ступенькам из зеленого мрамора. Другой, высокий и мускулистый, подскочил снизу, размахивая дубиной. Внезапно пригнувшись, он уклонился от удара, крепко обхватил раба и швырнул его на колонну храма. Он уже приготовился разделаться с третьим, но тут горло его сжало, словно тисками. Он пытался освободиться, но третий раб вцепился ему в ногу, а еще один повис на левой руке.

Его волокли по земле. Со дна громадной пещеры доносились ритмичные звуки цитр и tabla — напряженная, навязчивая музыка, полная пронзительных заявлений.

Раздев пленника догола, рабы привязали его у алтаря. Потом они разбежались по галереям, которые, точно глазницы черепов, пронзали стены пещеры. Сильно пахло смолой, мускусом и миррой; от факела, треножника и подвесных курильниц шел возбуждающий, чувственный запах.

Когда появились танцующие девушки, музыка на мгновение смолкла, но тут же зазвучала сильнее, а откуда-то издалека донеслось женское пение. Начался разнужданный, пьянящий танец. Одна за другой проплывали мимо него девушки, чуть касаясь его живота, лица, груди легкими покрывалами и длинными, нежными перьями головных уборов. Диадемы и ожерелья переливались в полутьме.

Наконец покрывала упали, медленно, по одному. Он увидел упругие груди и почти ощутил податливость тел, извивающихся перед ним в круговороте неудовлетворенного сладостраствия.

Внезапно долгий и леденящий душу звук гонга прервал танец. Цитры затихли. Танцовщицы, словно призраки, растворились в глубине пещеры, и в наступившей тишине появилась прекраснейшая жрица в леопардовой шкуре. Ее голые ноги были маленькие и розовые, в руке она сжимала длинный голубоватый кинжал. Черные, глубокие и очень живые глаза жрицы, казалось, проникали в душу.

Долго ли тянулось это невыносимое ожидание? Кинжал томительно медленно резал пугы, большие черные глаза, влажные и жаждущие, неотрывно разглядывали его, а слух ласкали бесвязные, тихо шелестящие слова.

Она потащила его к подножию алтаря. Шкура леопарда соскользнула на пол; сладострастно распростершись, жрица нежным и повелительным жестом привлекла его к себе.

* * *

Бредли выключил аппарат, снял пластмассовый шлем и вышел из кабины. Лоб и руки были влажные от пота, он тяжело дышал, сердце учащенно билось.

Двадцать техников, режиссеров и исполнительница

главной роли подбежали к Руководителю и окружили его. Бредли посмотрел по сторонам, отыскивая кресло.

— Дайте воды, — сказал он.

Он откинулся на широкую надувную спинку кресла, вытер пот и глубоко вздохнул. Один из техников принес стакан, Бредли залпом выпил холодную воду.

— Ну как? Тебе понравилось? — взволнованно спросил режиссер.

Бредли сделал нетерпеливый жест и покачал головой.

— Нет, не то, Густавсон.

Софи Барлоу потупила взор. Бредли погладил ее руку.

— Ты не виновата, Софи. Ты была великолепна. Я... я наслаждался твоей страстью, так сыграть может только великая актриса. Но все же в целом онирофильм получился надуманным, беспорядочным, негармоничным.

— В чем же наше упущение? — спросил режиссер.

— Густавсон! Я же сказал, что фильм негармоничен, неужели ты не понимаешь?

— Я понял. Ты говоришь, не достает гармонии. Согласен. Музыка индейская четырехвековой давности, а костюмы из Центральной Африки. Но Потребитель не обращает внимания на такие тонкости, его интересует другое.

— Густавсон! Потребитель всегда прав, не забывай этого. Речь идет не о музыке и костюмах. Недостаток в другом: этот онирофильм расстроит нервную систему даже у быка!

Густавсон нахмурил брови.

— Дай мне сценарий, — сказал Бредли, — и позвови специалиста по эстетике.

Бормоча что-то себе под нос, он несколько раз перелистал тетрадку, как бы собираясь с мыслями.

— Итак, — наконец сказал он, захлопнув тетрадь, — фильм начинается с долгого путешествия в лодке, главный герой один в чужом и таинственном мире, затем борьба с крокодилами, и лодка тонет. Потом джунгли, очень опасные джунгли, подходящие вплотную к туземным поселкам. Главного героя запирают

в хижине, но ночью к нему пробирается Алоа, дочь вождя, освобождает его и объясняет, как добраться до храма. Затем любовная сцена с Алоа под луной. Кстати, где Моя Моагри?

Режиссер и техники отодвинулись, и вперед вышла Моя Моагри, высокая, гибкая сомалийка.

— Ты тоже превосходно сыграла, Моя, но эту сцену придется переснять.

— Переснять? — воскликнула Моя. — Я могла бы повторить эту сцену сто раз, но сомневаюсь, будет ли от этого толк. Я выложилась до конца, Бредли, это предел моих возможностей.

— Вот здесь-то и заключается ошибка Густавсона. В этом онирофильме основная сцена в самом конце, когда жрица соблазняет главного героя. Остальные сцены нужно дозировать, они должны быть своеобразным фоном, прелюдией. Нельзя делать онирофильм только из ключевых сцен.

Он обратился к специалисту по эстетике:

— Какой показатель ощущения у среднего зрителя?

— В сцене с Алоа?

— Да.

— 84,5.

— А в сцене финального объятия?

— Немного меньше девяноста семи.

Бредли почесал затылок.

— Теоретически это, пожалуй, допустимо, но практически, конечно, нет. Сегодня утром я просмотрел подряд все сцены первой части. Они превосходны. Но фильм не заканчивается на берегу реки, когда Алоа отдается главному герою. В нем есть и другие изрядно утомительные эпизоды, которые я только что видел, — есть еще один переход через джунгли, схватка с рабами в храме. Когда Потребитель дойдет до этого места в фильме, он очень устанет, его чувственное восприятие снизится до минимума. Эротический танец девушек решает задачу только частично. Я смотрел фильм в два приема, и поэтому смог воспринять заключительное объятие с Софи во всей его стилистической безупречности. Но не следует путать абсолютный по-

Казатель с относительным. Важен последний. Я уверен, что если бы мы смонтировали фильм по сценарию, то в конце показатель восприятия опустился бы по меньшей мере ниже сорока, несмотря на все искусство Софи.

— Бредли! — взмолился режиссер. — Ты преувеличиваешь.

— Ничего подобного, — возразил Руководитель. — Повторяю, финальная сцена — шедевр, но Потребитель подойдет к ней уже усталым и удовлетворенным. Густавсон, не можешь же ты требовать от Софи чудес, а у нервной системы есть свои пределы и свои законы.

— Что же делать?

— Послушай меня, Густавсон. Я двадцать пять лет был режиссером и уже шесть лет Главный Руководитель. Думаю, у меня достаточно опыта, чтобы дать тебе совет. Если ты оставишь онирофильм в таком виде, я не допущу его в прокат. Не могу. Не говоря уже о том, что будет недовольна публика, я рискую погубить карьеру такой актрисы, как Софи Барлоу. Не спорь, ослабь напряжение во всех сценах, кроме последней, выброси любовное неистовство героя и Алоа, пусть это будет просто свидание.

Моа Моагри состроила недовольную гримасу. Бредли взял ее за руку, усадил на подлокотник кресла.

— Послушай меня, Моа. Не думай, что я хочу лишить тебя возможности добиться успеха. Ты талантлива, я это признаю. В сцене на берегу реки есть и пыл, и темперамент, и невинная примитивная страсть, все это, несомненно, восхитило бы Потребителя. Ты была превосходна, Моа. Но я не могу погубить фильм, который стоит миллионы, понимаешь? Я предложу Координационному Совету парочку фильмов, где главную роль будешь играть ты. Миллионы Потребителей обожают онирофильмы про дикарей. Тебя ждет головокружительный успех, поверь мне. Но не теперь, сейчас не время...

Бредли встал. Он чувствовал сильную усталость. Ноги были словно ватные.

— Мой совет, Густавсон. Сократи также сцену

борьбы с рабами. Слишком много движения, слишком много насилия. Огромный расход нервной энергии.

Окруженный техниками, он, слегка покачиваясь, направился к выходу.

— Где Софи? — спросил он, дойдя до конца зала.

Софи Барлоу улыбнулась ему.

— Зайди ко мне, — сказал Бредли. — Надо поговорить.

— Я согласен, что не открываю ничего нового, это старые, избитые слова, ты сотни раз слышала их в школе и во время учебы в студии. И все-таки тебе следует подумать над ними.

Заложив руки за спину, Бредли медленно расхаживал по комнате. Софи Барлоу полулежала в кресле, время от времени вытягивая ногу, чтобы взглянуть на кончик туфли.

На мгновение Бредли остановился рядом с ней.

— Что с тобой, Софи? Нервный кризис?

Софи недоуменно пожала плечами.

— Кризис? У меня?

— Да. Поэтому-то я и позвал тебя сюда, в свой кабинет. Учи, я не люблю проповедей. Просто мне хочется напомнить тебе основные положения нашей системы. Я уже не молод, Софи. И некоторые вещи — я их схватываю на лету, с первого взгляда. Софи! Ты гонишься за призраками!

Софи Барлоу прищурилась, потом широко по-кошачьи раскрыла глаза.

— Призрак? Что это такое, Бредли?

— Я же тебе сказал, что некоторые вещи я схватываю на лету. У тебя нервный кризис, Софи. Меня бы не удивило, если бы ты оказалась под влиянием пропаганды, которую эти свиньи из Лиги борьбы со сновидениями неустанно ведут, чтобы подорвать наш общественный строй.

Казалось, Софи не восприняла упрека. Она сказала:

— Моа действительно хорошо играла?

Бредли провел рукой по затылку.

— Конечно! Моагри далеко пойдет, я уверяй в этом...

— Дальше, чем я?

Бредли фыркнул.

— Ты задаешь бессмысленные вопросы.

— И все же я выражаюсь достаточно ясно. Хотелось бы мне знать, кто тебе больше понравился. Я или Моя?

— А я тебе повторяю, что это грубый, бессмысленный вопрос, он окончательно подтверждает подозрения и даже уверенность, что у тебя нервный кризис. Это пройдет, Софи. Рано или поздно такое случается со всеми актрисами. Кажется, это почти обязательный этап....

— Одно мне неясно, Бредли. Об этом не говорили в школе, об этом никто не говорил. Раньше. Что было раньше? Действительно, все были несчастливы?

Бредли снова начал ходить вокруг кресла.

— Раньше был хаос.

— Бредли! Я хочу знать, были ли они несчастны. Бредли огорченно развел руками.

— Я не знаю, Софи. В то время меня не было, я еще не родился. Ясно одно: если система установилась, значит для этого были объективные условия. Я хотел бы, чтобы ты поняла простейший факт: техника позволила осуществить все наши желания, даже самые сокровенные. Техника, прогресс, совершенство наших приборов и точное знание законов нашего мозга, нашего «я»... все это реальность, действительность. Следовательно, и наши сновидения — реальность. Не забывай, Софи, что только в очень редких случаях онирофильм делают для комфортабельного отдыха и успокоения Потребителя. Почти всегда его цель в нем самом, как, скажем, только что, когда я обладал тобой, наслаждался твоим телом, твоими нежными речами и твоим ароматом в круговороте экзотических эмоций.

— Да, но это была лишь обычная имитация.

— Согласен, но я не сознаю этого. И потом даже смысл слов меняется со временем. Ты придаешь слову «имитация» презрительный оттенок, как это делали двести лет назад. А сегодня — нет, сегодня искусствен-

ный продукт уже не суррогат, Софи. Правильно выбранная флуоресцентная лампа дает свет, который лучше солнечного. Так же и оноирофильм.

Софи Барлоу рассматривала свои ногти.

— Когда все началось, Бредли?

— Что?

— Система.

— Восемьдесят пять лет назад или около того, ты должна бы знать это.

— Знаю, но я говорю о сновидении. Когда люди начали предпочитать его реальности?

Бредли потер переносицу, желая собраться с мыслями.

— Кинематография начала развиваться в начале двадцатого века. Сначала это были двухмерные изображения, которые двигались по белому экрану. Потом появился звук, панорамный экран, цветная съемка. Сотни Потребителей собирались в специальных залах, они видели и слышали, но не чувствовали фильма; самое большее, чего удавалось добиться, — это первичного участия с помощью силы воображения. Очевидно, фильм был суррогатом, самой настоящей имитацией. И все-таки уже тогда кинематография была инструментом психосоциального превращения. Женщины той эпохи чувствовали потребность подражать актрисам в движениях, в тембре голоса, в одежде. Мужчины не отставали от них. Жизнь протекала в кинематографическом ключе. В первую очередь от этого выигрывала экономика: громадный спрос на одежду, автомобили, удобные жилища возникал не столько из-за естественных потребностей, сколько из-за беспощадной рекламы, которая постоянно изводила и соблазняла Потребителя. Я говорю о кинорекламе. Уже тогда человек стремился к мечте, днем и ночью был ею одержим, но до реализации было еще очень далеко.

— Они были несчастливы, правда?

— Я же тебе сказал, что не знаю. Я ограничиваюсь рассказом об этапах развития. К середине двадцатого века уже существовала женщина-стандарт, ситуация-стандарт. Были, правда, режиссеры и продюсеры, ко-

торые успешно делали культурные, идеологические фильмы — носители определенных идей. Но это явление длилось недолго. В 1956 году ученые открыли существование в мозгу центров наслаждения; на опытах убедились, что электрический импульс, поданный в определенный участок коры мозга, вызывает мощную, всегда одинаковую реакцию организма. Потребовалось двадцать лет, прежде чем плодами открытия начала пользоваться публика. Демонстрация первого трехмерного фильма с частичным участием зрителя означала смертный приговор интеллектуальному кино. Теперь публика воспринимала запахи, эмоции, могла уже как-то слиться с происходившим на экране. Но экономика подверглась беспрецедентному потрясению. Жаждавшие наслаждений, роскоши и силы зрители требовали удовлетворения всех своих желаний за какие-то гроши.

— А онирофильмы?

— Онирофильмы во всем своем блеске появились через несколько лет. Нет реальности, которая могла бы превзойти сновидение, публика в этом твердо убедилась. При полном участии зрителя любое состязание с природой смешно, любое восстание бесполезно. Если произведение безупречно, то Потребитель доволен, а общество устойчиво. Такова система, Софи. И безусловно, ее не смогут изменить ни твои преходящие сомнения, ни мелодраматическая болтовня натуралистов, бессовестных людей, которые мутят воду не для торжества ложной с самого начала идеи, а для собственной выгоды. Хочешь посмеяться? На прошлой неделе Герман Уолфрид, один из главарей Лиги борьбы со сновидениями, отправился в правление «Норфолк компани». А знаешь зачем? Ему был нужен личный онирофильм, пять знаменитых актрис, снятых в оргии, которая могла бы довести до инфаркта. Компания приняла заказ. Если Уолфрид протянет ноги, тем хуже для него.

Софи Барлоу резко поднялась.

— Ты лжешь, Бредли! Бесстыдно лжешь.

— У меня есть доказательства, Софи. Лига борьбы со сновидениями — это ловушки для дурачков, неизле-

чимых ипохондриков и поклонников старого искусства. Где-то на дне, наверно, есть остаток религиозного чувства, но на поверку остается только алчность.

Актриса была готова расплакаться. Бредли подошел к ней и, как бы желая защитить, осторожно обнял ее за плечи.

— Не думай больше об этом, Софи.

Он подвел ее к столу и вынул из ящика маленькую плоскую прямоугольную коробочку.

— Держи, — сказал Бредли.

— Что это?

— Подарок.

— Мне?

— Да, поэтому я и позвал тебя в кабинет. Ты снилась в двадцати фильмах нашей Компании. Заметный этап. Этот дар — лишь слабое признание твоих заслуг.

Софи пыталась открыть коробочку.

— Оставь, — посоветовал Бредли. — Откроешь дома. А теперь иди, у меня много работы.

У выхода из здания стояла вереница вертолетов-такси. Софи вошла в первый, вынула из кармана на дверце журнал, закурила сигарету и, польщенная, принялась созерцать собственное изображение на обложке. Вертолет мягко поднялся и направился в центр города.

На снимке рот был призывающе полуоткрыт; великолепные краски, почти чрезметный переход от света к тени, двусмысленная улыбка... Все было продумано до мельчайших деталей.

Софи рассматривала себя как в зеркале. Прежде в работе любой актрисы были отрицательные стороны. Когда снимали любовную сцену, «партнер» был настоящим, и приходилось обнимать его, ощущать на своем лице его дыхание и поцелуи. Съемочный автомат запечатлевал сцену, которую зрители видели на экране. Теперь все стало иначе. Ученые изобрели «Адам» — манекен, набитый электронными устройствами, с двумя миниатюрными кинокамерами в глазницах.

«Адам» был чудом восприимчивости: когда актриса ласкала его, приемное устройство записывало ощуще-

ние ласки и одновременно фиксировало изображение в онирофильме. Таким образом Потребитель, просматривая впоследствии этот фильм, воспринимал ласку в полной чувственной достоверности. Он был уже не пассивным зрителем, а главным героем.

Естественно, что существовали онирофильмы отдельно для мужчин и для женщин. Они не были взаимозаменяемыми: и если болезненное любопытство заставило бы Потребителя вставить в свой приемный шлем ленту для Потребительниц, то это вызвало бы у него ужасную головную боль, и кроме того, тонкие контакты аппарата могли бы расплавиться.

Софи попросила водителя остановиться. Машина одолела не больше десятка кварталов, но Софи захотелось пройтись. Голубые и серые комбинезоны двигались вдоль шоссе. Голубой и серый, других красок не было. Не было ни магазинов, ни контор, не было ни одного бара, ни даже витрины с игрушками или парфюмерией. Время от времени в закошенной стене, поросшей мхом и заваленной мусором, открывалась вращающаяся дверь в лавку. Там в витринах из полированного стекла были сновидения, счастье, доступное всем, на любую цену, была она сама, нагая, для каждого, кто захотел бы ее купить.

Софи Барлоу шла среди погруженных в грезы людей, которые работали три часа в день, томясь одним единственным желанием — поскорее вернуться в свои угрюмые хижины, тут же надеть шлем и включить аппарат. И сразу начинали бесшумно разматываться катушки, катушки с онирофильмами, миллионы чудесных сновидений о любви, мести, славе.

Посреди площади, на громадной эстраде, украшенной зеленью, взъявленный толстяк простирая руки.

— Граждане!

Голос звучал сильно и ясно, как в онирофильме, когда весь мир склоняется к ногам торжественного зрителя.

— Граждане! Древний философ сказал, что добродетель — это платье человека. Я здесь не для того, чтобы требовать от вас невозможного, я был бы безум-

цем, если бы домогался вашего немедленного и полного отказа. Вот уже много лет мы остаемся безмолвными рабами, пленниками лабиринта снов, годами блуждаем мы в темной чаще разобщенности и изоляции. Граждане, я призываю вас освободиться. Свобода — это добродетель, а добротель — это платье человека. Мы слишком долго обманывали природу, но теперь мы должны одуматься, пока не настала полная и окончательная гибель духа.

Пропаганда Лиги борьбы со сновидениями была назойливой и всегда раздражала Софи. Но сейчас она ощутила какую-то внутреннюю тревогу. Когда ораторы на площади говорили о грехе и о гибели и призывали толпу Потребителей отказаться от сновидений, быть может потому, что она актриса, ей казалось, что обвиняют именно ее. Она чувствовала свою ответственность за всю систему. Может быть, во взволнованных словах ораторов была какая-то правда. Может, в школе ей сказали не все, может быть, Бредли не прав.

Возбужденный толстяк на эстраде бил кулаком по деревянному бортику; он побагровел, к лицу прилила кровь. Но его никто не слушал.

Когда из боковой дверцы вышла девушка под покрывалом, кое-кто из прохожих на миг остановился. Из динамика послышалась древняя восточная мелодия. Девушка, танцуя, начала раздеваться. Она была молода и красива. Ее движения были четки, но не слишком ритмичны.

«Дилетантка, — подумала про себя Софи, — недавшаяся актриса».

Когда девушка на эстраде осталась совсем голой, те немногие мужчины, которые было остановились, зашагали дальше. Одни посмеивались, другие разочарованно покачивали головой.

Девушки из Лиги борьбы со сновидениями останавливали прохожих, подходили к мужчинам, выставляя грудь, глупо и трогательно предлагая себя. Софи ускорила шаг, но кто-то схватил ее за руку. Это был невысокий смуглый молодой человек, его черные глаза пристально смотрели на нее.

— Что тебе нужно?

Юноша показал на пурпурный значок, приколотый к комбинезону.

— Я из Лиги борьбы со сновидениями, — сказал он.

— Превосходно. Что же тебе от меня нужно?

— Хочу предложить тебе кое-что.

— Говори.

— Проведем эту ночь вместе.

София засмеялась.

— С тобой? Зачем? Что мне это даст?

Юноша чуть улыбнулся — терпеливо, но снисходительно.

— Ничего, — не смущаясь, ответил он. — Но наш долг...

— Оставь. Проведем ночь, оскорбляя друг друга, в жалких попытках добиться естественных отношений. Дружок, твой приятель там, на эстраде, наговорил уйму глупостей.

— Это не глупости. Добродетель — одежда человека. Я бы мог...

— Нет, ты не можешь. Не можешь, потому что не хочешь меня, а не хочешь меня, потому что я, настоящая, живая, человеческая, оказалась бы суррогатом, суррогатом кинолент, которые можно купить за гропши. А ты? Что ты мне можешь предложить? Глупый дерзкий мальчишка!

— Послушай, прошу тебя...

— Процдай! — София продолжала свою прогулку.

Пожалуй, она слишком сурово говорила с этим юношем. Бесполезная реакция, можно было бы отвергнуть его предложение так же, как это делали другие прохожие, вежливо или, самое большее, с улыбкой превосходства. В конце концов этот парень верит в свои слова. Какое она имела право обижать его? Он-то верит! А главари Лиги? Бредли много раз уверял ее, что руководители Лиги — это сборище свиней. А если Бредли все время лгал?

Сомнения овладели ею несколько недель назад. Эти речи на площадях, плакаты на стенах, пропагандистские брошюры, публичные предложения испытать естественные отношения с активистами Лиги... Неужели

все это ложь? А может, в утверждениях ораторов Лиги есть доля правды: мир загнивает и только отдельные люди способны увидеть весь ужас нашего положения.

Человек — остров. Вот к чему все свелось. С одной стороны класс Предпринимателей — правящий класс, к нему принадлежала и она сама, знаменитая актриса, с другой — армия Потребителей — мужчины и женщины, жаждущие одиночества и полуутымы, шелковичные черви, завернутые в кокон собственных снов, бледные бескровные личинки, отравленные бездействием.

Софи родилась в колбе. Как все. Она не знала свою мать. Миллионы женщин отправлялись раз в месяц в Банк Жизни, миллионы мужчин доходили в сновидениях до оргазма и сдавали семя в Банк, который вел отбор и использовал его в соответствии со строгими законами генетики. Брак стал архаическим институтом. Софи была дочерью сновидения неизвестного и безымянного мужчины, который в своих грезах обладал актрисой. Каждый мужчина старше сорока лет мог быть ее отцом, каждая женщина от сорока до восьмидесяти — матерью.

Когда она была моложе, мысль об этом тревожила ее, потом она привыкла. Но в последнее время сомнения и тревоги отрочества возникли снова, как стервятники, которые терпеливо кружатся, дожидаясь минутной слабости. Кто был тот юноша, который остановил ее? Образец высшей гуманности или человек, лишенный самого необходимого?

Конечно, если бы он сказал ей: «Я узнал тебя, Софи. Узнал, несмотря на стандартный костюм и черные очки». Если бы он ей сказал: «Ты моя любимая актриса, наваждение всей моей жизни...» И потом добавил бы: «Хочу узнать тебя такой, какая ты есть на самом деле...»

Вместо этого он говорил о долге. Предложил ей провести с ним ночь только для того, чтобы таким способом отдать дань новой воображаемой морали. Добродетель — платье человека. Привычка к нормальным отношениям. Любите друг друга, мужчины и женщи-

ны, самоотверженно соединяйтесь. Каждый акт любви послужит поражению и распаду преступной системы. И тогда наши дети станут развиваться в тепле чрева, а не в холодном стекле колбы. Не это ли предсказывал толстяк с эстрады?

Она вошла в переполненную лавку и направилась к длиной стойке, где были выставлены сотни ониро-фильмов в элегантных пластмассовых коробках. Ей нравилось читать пояснения, выдавленные на крышках, слушать замечания, которыми покупатели иногда обменивались между собой, или советы продавцов, что-то шептавших на ухо нерешительным Потребителям. Она прочла несколько названий.

Сингапур: евроазиатская певица (Милена Чунг-лин) бежит с Потребителем. Приключения в порту, действие происходит в 1950 году. Ночь любви на сампане.

Битва: в качестве героя-офицера Потребитель проникает во вражеский лагерь и взрывает склад с горючим. Жестокий и победный заключительный бой.

Экстаз: реактивный самолет персидской принцессы, которую превосходно играет Софи Барлоу, совершает посадку в Гранд Каньоне. Принцесса и летчик (Потребитель) проводят ночь в пещере.

Более подробные описания находились в коробке. Ничего страшного, если Потребитель знает содержание. Показатель возбуждения от этого не снижается. Проекция сопровождалась кататоническим обмороком, когда из памяти исчезало все случайное, второстепенное. Участвуя в первой сцене, Потребитель не мог угадать, что произойдет во второй и в последующих. Даже если выучить наизусть пояснения, даже если этот фильм вы уже смотрели и наслаждались им двадцать раз. Сознание, повседневное «я», исчезало, поглощенное потоком вождений с катушки: человек переставал быть самим собой, усваивая облик, движения, голос, поступки, подсказанные фильмом.

К ней подскочил продавец.

— Желаете выбрать подарок?

Софи вдруг заметила, что она единственная женщина среди покупателей. Это было мужское отделение. Она подошла к противоположной стойке, смешавшись с женщинами всех возрастов, разглядывавших громадные фотографии самых модных актеров.

Космос на ш: командир космического корабля (актер Алекс Моррисон) влюбляется во врача (Потребительница), направляет ракету на один из спутников Юпитера, высаживает остальных членов экипажа, а затем улетает с возлюбленной. Путешествие в космос.

Торт у га: время действия — 1650 год. Галантный пират (Мануэль Альварец) похищает придворную даму (Потребительница). Ревность и дуэли. Любовь и море под жарким небом юга.

— Ну как? — спросила высокая девушка, цветущее тело которой стягивал слишком узкий комбинезон.

— Здорово, — сказала ее подруга. — Я купила сразу четыре копии.

Но цветущая девица была настроена скептически. Она вытягивала шею, становилась на цыпочки, чтобы прочитать пояснения на стоявших сзади коробках. Потом что-то шепнула подруге, а та ответила ей совсем тихо.

Софи отошла, постояла несколько минут в отделе классики, украдкой глядя в конец магазина, где толпились мужчины и женщины, покупая так называемые «онирофильмы для отдыха».

В школе ей объяснили, что когда-то все относившиеся к вопросам пола считалось запретным. И в высшей степени неприличным было читать или писать о различных сторонах личной жизни; ни одна женщина никогда бы не рассказала посторонним о своих сексуальных желаниях и мечтах. Существовали порнографические открытки и журналы, большинство которых запрещались законом. Их покупали тайно, всегда с чувством вины или неловкости, даже если они были одобрены цензурой. Но с появлением «системы» со-

вершенно исчезла примитивная традиция стыдливости. Целомудрие, если и существовало, то разве только в некоторых видах сновидений, в фильмах для отдыха пятидесятилетних. Но из жизни целомудрие ушло, по крайней мере на словах. Без тени стыда или неудобства каждый мог потребовать эротический фильм, так же как любой приключенческий или военный.

Ну, а подлинная, настоящая стыдливость? Кто среди толпящихся у прилавков, чтобы купить сладострастие в коробке, осмелился бы при всех раздеться? Кто не пришел бы в ужас, если бы ему пришлось вступить в нормальные отношения? Только активисты Лиги борьбы со сновидениями совершенно свободно предлагаю себя, но так ли они ловки в выполнении того, что сами считают тяжким долгом, неизвестно. Дело в том, что около ста лет мужчины и женщины соблюдали почти полную физическую чистоту. Одиночество, мягкая полутьма в тесных стенах комнаты и кресло с укрепленным аппаратом. Человечество не желало ничего другого. В жертву возвышенной привлекательности сновидений была принесена гордость обладания комфортабельным домом, элегантной одеждой, автоворотом и другими удобствами. Зачем утомляться ради достижения реальных целей, когда дешевый онирофильм дает возможность по-королевски прожить целый час, когда великолепные женщины восхищаются и благоговеют перед тобой, прислуживают тебе?

Миллиарды человеческих существ прозябали в нищенских городах и жалких жилищах, пищей им служили витаминные концентраты и соевая мука. Они не ощущали никаких настоящих потребностей. Финансовые группы давно перестали интересоваться производством предметов потребления, вкладывая средства в изготовление онирофильмов — единственного дефицитного товара.

София взглянула вверх на световое табло и почувствовала, что противна сама себе. В красноречивой таблице индексов продажи цифры были убедительнее любых слов. Она была самой модной актрисой! Наибольшим спросом пользовались онирофильмы с ее

участием. Софи вышла из магазина и, опустив голову, медленно и неуверенно ступая, побрела домой. Она не понимала, кто же эти мужчины, которые шли на встречу, не узнавая ее, — рабы или хозяева?

Зазвонил видеотелефон, в бархатной черноте экрана появилась полоска света, перезвон раздавался как бы с высоты колоколен, упиравшихся шпильями в свинцовый рассвет дремоты. Софи потянулась к кнопке аппарата.

На экране мелькнула красная змейка, задержалась, вспыхнула ярче, потом исчезла, уступив место изображению Бредли.

— В чем дело? — сказала Софи заспанным голосом. — Который час?

— Полдень. Вставай, детка, ты должна лететь в Сан-Франциско.

— В Сан-Франциско? Ты с ума сошел.

— Софи, мы заключили контракт на совместное производство с «Норфолк компани». Ты должна была прибыть на место в будущий понедельник, но нас торопят. Ты очень нужна.

— Но я еще в постели, я очень плохо спала. Вылечу завтра, Бредли.

— Одевайся, — сухо сказал Руководитель. — Реактивный лайнер Компании ждет тебя в Западном аэропорту. Не теряй времени.

Софи фыркнула. Эта срочная работа не входила в ее планы; она бы предпочла хорошо отдохнуть за день; со слипавшимися глазами она все же вскочила с постели и торопливо и неловко стала снимать ванной пижаму. Стоя под холодным душем, она поежилась от колющих струек воды. Затем вытерлась, быстро оделась и чуть не бегом вышла из дома.

Она знала систему работы «Норфолк компани». Это придиры хуже Бредли, они всегда готовы выискать дефекты даже в самых удачных сценах.

Вертолет доставил ее к воротам аэропорта за восемь минут. Оглядываясь по сторонам, она направилась к дорожке, где стояли частные самолеты. Из служеб-

нного помещения вышел летчик и упругим шагом двинулся ей навстречу.

— Софи Барлоу?

Он был высокий, очень светловолосый и такой загорелый, что лицо казалось терракотовым.

— Я Марко Глигорич из «Норфолк компани».

Софи ничего не ответила. Летчик не удостоил ее взглядом, он говорил, глядя в пространство холодными, враждебными глазами темно-серого цвета. Взял ее чемоданчик и быстро пошел к центральной дорожке, где самолет Компании был уже готов к вылету. Софи с трудом поспевала за ним.

— Эй! — сказала она гневно, притопнув ногой. — Я ведь не спринтер! Нельзя ли чуть потише.

— Мы опаздываем, — не оборачиваясь, спокойно ответил летчик и продолжал шагать. — Через три часа мы должны быть в Сан-Франциско.

Когда они подошли к самолету, Софи никак не могла отдохнуться.

— Ничего, если я войду первой?

Пилот пожал плечами. Он помог ей подняться, сел на свое место и стал ждать команды диспетчера.

Софи с любопытством осматривалась; приборы и рычажки панели управления пугали ее. Пока пилот нетерпеливо насвистывал, Софи достала из кармана в сиденье с десяток старых пожелтевших журналов; среди них попадались даже прошлогодние. Она нашла каталог, где была загнута страница со списком фильмов, в которых Софи играла главную роль.

— Это твой каталог?

Летчик не ответил. Он напряженно смотрел вперед. Взлетели хорошо, Софи ничего не заметила; она выглянула в окошко и с трудом удержалась от восторженного восклицания: под ними простиравлось множество домов, а там, на горизонте, открывалась, словно веко, серая раковина полей.

— Твой? — повторила Софи.

Летчик слегка повернул голову. Незаметное движение, быстрый взгляд. Потом он снова напрягся, прежде чем ответить сквозь зубы:

— Да.

Она попыталась скрыть удовольствие, которое овладевало ею каждый раз, когда кто-нибудь признавал ее неотразимой.

— Как тебя зовут?

— Глигорич, — пробормотал летчик. — Марко Глигорич.

— Русский?

— Югослав.

Она снова посмотрела на него. Узкие сжатые губы, четкий прямой профиль. Молчаливый и мускулистый, Марко, казалось, был высечен из глыбы. Софи не вытерпела.

— Можно задать тебе вопрос?

— Ну.

— Там... в аэропорту. Ты вышел мне навстречу и спросил: «Вы Софи Барлоу?» Зачем? Разве ты не знаешь меня? Эти журналы и каталог. Держу пари, что ты мой почитатель. Почему же ты притворился, что не узнал меня?

— Я не притворялся. В жизни ты совсем другая. В конце концов я тебя узнал, потому что ты с минуты на минуту должна была появиться у входа. В толпе иное дело. Я б тебя даже не заметил.

Софи закурила сигарету. Может быть, пилот прав, в толпе ее никто бы не узнал, даже и без этих черных очков. Она обиделась немного на своего пилота. Попыталаась снова заговорить с ним, но Марко оставался безучастным. Он поморгал два или три раза и выставил вперед подбородок. Софи схватила Марко за руку.

— Послушай, дружище! Включи автопилот — мы сможем вместе покурить.

— Предпочитаю сам вести машину.

— Глупец!

Она закурила вторую сигарету, потом от этой еще одну; нервно перелистывая журналы, она порвала несколько страниц, затем стала напевать, притопывая ногой по резиновому настилу кабины, сердито фыркала и в конце концов даже притворилась, будто ей плохо. Марко порылся в карманах комбинезона и достал таблетки.

Софи побледнела от ярости.

— Идиот! Мне здесь надоело, я ухожу в салон.

Небольшой салон позади кабинки пилота был очень удобным: диван, откидная кушетка, столик и бар. Софи налила себе высокий стакан бренди и выпила его до дна большими глотками. Тут же налила второй, и сразу очертания предметов задрожали в зовущем голубоватом тумане; она откинулась на диване, думая о Марко, таком же глупом Потребителе, как и все. Скорее бы приехать в Сан-Франциско, сняться в фильме и обратно в Нью-Йорк.

На этот раз она проглотила бренди с трудом. А когда поставила стакан на столик, то ненадолго потеряла сознание. Опираясь на валик дивана, она ощущала внутри пустоту, словно в падающем лифте. Стакан заскользил по столику и упал на пол... Потом боль в плече, удар в лоб и... туман, красные и голубые круги, бешеный рев моторов.

— Марко! — позвала она, приподнявшись.

Казалось, что дверь, которая вела в кабину, нагло заперта. Последним усилием она схватилась за не послушную ручку и, шатаясь, толкнула дверцу. Пустота внизу живота, круги перед глазами, странное ощущение невесомости. Она увидела плечи Марко, его руки, крепко сжимавшие штурвал, и несущиеся навстречу облака.

Теперь Марко заговорил. Он что-то кричал, но Софи не слышала его. Она прижалась к спинке кресла и, стиснув зубы, ждала удара. Самолет вошел в питопор.

Когда она приоткрыла глаза, то увидела в небе белое облако. В голубой вышине кружил ястреб. Она лежала на спине и чувствовала, что лоб покрылся испариной. Софи приподняла руку, провела по лицу, по вискам и, повернувшись на бок, достала из кармана платок. Марко стоял у шасси. За ним возвышались гигантские красные скалы, закрывавшие небо.

— Что случилось? — тихо спросила она.

Летчик развел руками.

— Не знаю, — сказал он, покачав головой, — сам не могу понять. Самолет внезапно потерял управление и начал падать. Чудом мне удалось выровнять его, но было уже поздно. Смотри, какой мы проделали спуск, прежде чем очутиться у этой скалы!

Софи привстала, потирая ушибленное плечо.

— А теперь? Ты хоть знаешь, где мы?

Марко потупился.

— Это Гранд Каньон, мы в боковом ущелье, здесь самое пустынное место, но Брайт Эйнджел Трейл, должно быть, недалеко.

Софи широко раскрыла глаза.

— Гранд Каньон? Гранд Каньон! — повторила она через секунду и громко засмеялась. — Действительно здорово. Невероятно.

— Что невероятно?

— Не притворяйся глупцом, Марко. Отказали моторы, вынужденная посадка, причем именно здесь, в Гранд Каньоне... Все как в прошлогоднем фильме. «Экстаз», ты, конечно, помнишь?

Молнией мелькнуло подозрение.

— Скажи-ка, не сделал ли ты все это нарочно? Слишком уж много деталей совпадает. Ты действительно пилот, но я не персидская принцесса, а Софи Барлоу. Ты хотел остаться со мной, не так ли? Хотел быть со мной, как в фильме?

Возмущенный Марко выпрямился. Он взял ее за плечи, отодвинул, подошел к самолету и, с трудом открыл погнутую дверцу, влез внутрь. На землю полетели вещи: два одеяла, пластмассовая фляга с водой, коробки с синтетическими продуктами, фонарик. Потом вышел из кабины, держа в одной руке бутылку бренди, а в другой тяжелый аппарат.

— Пошли, — сказал он, — возьми все, что сможешь донести.

Софи восхищенно смотрела на него.

— Куда?

— Мне совсем не хочется сгинуть среди этих скал. Нужно добраться до главного Каньона. Фентон Ранч должен быть не далее чем в пятидесяти милях, и потом всегда найдется какой-нибудь глупый восторжен-

ный турист, который заберется дальше к востоку, чтобы сфотографировать пейзаж.

— Ты пробовал связаться с базой по радио?

— Передатчик сломан. Быстрее. Бери самое необходимое — и пошли отсюда.

Собрались быстро. Марко шел длинным пружинящим шагом. Бутылка бренди прыгала в набедренном кармане, а сам он согнулся под тяжестью большого узла из одеял, в которые были завернуты аккумуляторы и порядочных размеров металлическая коробка. За ним вприпрыжку следовала Софи с продуктами и флягой.

Через полчаса они остановились. Софи задыхалась, ее взгляд молил о пощаде.. Марко смотрел прямо перед собой, но Софи понимала, что была для него обузой, от которой, увы, не так легко отделаться.

— Ты шагаешь слишком быстро, Марко.

Летчик поглядел на закрытый тучами горизонт.

— Идем, через пару часов будет совсем темно.

Когда они вышли к главному Каньону, уже смеркалось. Марко показал какую-то точку на красно-коричневой скалистой стене.

— Пещера, — сказал он словно в бреду.

— Пещера, — повторила Софи. — Точно, как в фильме. Все как в фильме, Марко.

Летчик помог ей вскарабкаться по склону, потом сбросил свой груз у входа в пещеру. Софи увидела, что он начал собирать траву и хворост и большими охапками складывать у входа.

— Скоро станет холодно. Нужно развести костер.

Он включил фонарь и осмотрел пещеру — коридор длиной в пятнадцать метров в середине заворачивал почти под прямым углом. Сложив хворост посреди пещеры, Марко, не скрывая радости, зажег его. Они поели в молчании, на стене дрожала огромная тень от крыла летучей мыши.

— Пока ты собирал хворост, — сказала Софи, — я развернула сверток и увидела, что там проекционный аппарат. Зачем ты взял его с собой?

— Он стоит сто двадцать монет, — сказал Марко. — Для актрисы это пустяки. А мне, чтобы столь-

ко заработать, нужно тянуть лямку три месяца, поняла?

Он взял металлическую коробку и футляр с пленками.

— Ну, а теперь что ты собираешься делать? — удивленно спросила Софи.

— Пойду в глубь пещеры. Разве я не имею права на уединение?

— Да, но при чем здесь аппарат? Что ты хочешь делать?

Марко смущался. Когда Софи схватила футляр и открыла его, он не сопротивлялся. Безуспешно позволил ей прочитать все пояснения.

— Это же мои фильмы, Марко! Господи, да тут все: «Голубые небеса», «Совращение», «Цейлонские приключения». Даже матрица! «Экстаз» на матрице. Это твой любимый оцифрованный фильм, да?

Марко молчал, опустив глаза. Софи закрыла футляр. Матрица высшего сорта, только немногие могли себе это позволить. Обычный оцифрованный фильм приходилось выбрасывать после одного просмотра, так как в аппаратуре он размагничивался. Матрица же была практически вечной.

— Когда ты ее купил?

Раздосадованный Марко пожал плечами.

— Оставь, ты слишком любопытна. Что тебе от меня надо? Твои фильмы продают миллионам потребителей. Я только один из них. Я купил «Экстаз» на матрице. Что здесь странного? Этот фильм мне особенно нравится. Я...

— Продолжай, — попросила Софи, стиснув его руку.

— Я смотрю его каждый день. — Голос летчика стал глухим, недовольным. — А теперь отойди, попытайся заснуть, завтра с утра нам придется пройти несколько миль. Я пойду в глубь пещеры.

— С аппаратом?

— Конечно! А тебе что за дело? Хочу насладиться фильмом в спокойной обстановке.

Софи овладело внезапное чувство потери, как будто все ее существование лишилось всякого смысла.

«Что со мной происходит? Чего я добиваюсь от этого человека? Он тысячу раз прав, не удостаивая меня взглядом». Она чувствовала потребность обидеть, оскорбить его, надавать ему пощечин. Но мысль о его объятиях возникла и завладела всем ее существом.

— Но ведь здесь я сама, — неожиданно сказала она.

Марко резко обернулся.

— Что?

— Я сказала, что я сама здесь, Марко, сегодня тебе не нужна лента.

— Не нужна?

— Нет. Ты можешь провести со мной ночь, как в фильме... лучше, чем в фильме...

Марко рассмеялся.

— Это не одно и то же... И вообще не смеши меня — твои слова достойны активистки Лиги. Ты, видно, шутишь?

— Я повторяю, ты можешь обладать мною.

— А я тебе повторяю, что это разные вещи.

— Марко! — взмолилась актриса. — Я нужна тебе, каждый день ты смотришь этот фильм и продолжаешь видеть во сне эту пещеру, огонь, продолжаешь мечтать о моих поцелуях, о моем теле, которое я тебе сейчас предлагаю. Все как в фильме, глупый. Чего ты ждешь? Я сделаю для тебя все, что ты захочешь, даже...

На миг Марко заколебался. Потом покачал головой и направился в глубь пещеры.

— Марко, — в отчаянии позвала Софи. — Я Софи Барлоу! Софи Барлоу, понимаешь?

Она сбросила бретельки комбинезона, обнажила плечи, яростно стащила с себя рубашку и швырнула ее на землю.

— Посмотри на меня!

Вспыхнуло пламя, яростные красные и зеленые языки огня, острый запах древнего леса. Она видела, как Марко сжал кулаки, его губы задрожали, словно от боли.

Секунду он стоял в нерешительности, потом бросил катушки с лентами в огонь и кинулся к ней.

Сначала голубой цвет, потом красный. Затем снова голубой. Когда катушка кончилась, аппарат остановился. Софи сняла с головы шлем амплекса. Виски вспотели, сердце билось неровно. Все тело дрожало. Особенно руки.

Никогда в своей жизни она не жила в сновидении так интенсивно, ни один онирофильм не позволил ей настолько полно выразить себя. Нужно скорей поблагодарить Бредли. Она вызвала его. Но, увидев его на экране, почувствовала, что слова застряли у нее в горле. Сильно волнуясь, она пробормотала несколько бесполезных слов и расплакалась.

Бредли терпеливо ждал.

— Небольшой подарок, Софи. Так, ерунда. Когда актриса достигает высот своей карьеры, она имеет право и не на такие знаки признания. И они будут, Софи. Ты получишь все, что заслуживаешь. Ведь система совершенна. Не обратима.

— Да, Бредли. Я...

— Это пройдет, Софи. Рано или поздно, так бывает со всеми актрисами. Последнее препятствие, которое нужно преодолевать, — это всегда тщеславие; ты тоже думала, что мужчина сможет предпочесть тебя фильму, и впала в самую опасную ересь, но мы все заметили и поспешили на помощь. С подарком. Эта матрица поможет тебе справиться с первым кризисом.

— Да, Бредли. Поблагодари техников, операторов, режиссера, поблагодари всех, кто участвовал в создании онирофильма. Особенно актера, сыгравшего летчика...

— Этот новичок — молодец...

— Поблагодари его. Я пережила прекраснейшие моменты. И главное, спасибо тебе, Бредли. Представляю, сколько времени и денег стоил вам этот фильм. Он превосходен. Я буду хранить его на почетном месте в своей ониротеке.

— Пустяки, Софи. Ты принадлежишь к правящему классу. Можешь себе позволить персональный онирофильм, по мерке. Все мы, Промышленники, можем себе это позволить. Мы ведь всегда помогали

друг другу. Я хотел бы, чтобы ты усвоила только одно.

— Что, Бредли?

— Эта матрица больше, чем подарок, — это предупреждение.

— Согласна, Бредли. Кажется, я поняла.

— Не забывай этого. Нет ничего лучше сновидений. И только сновидение может убедить тебя в обратном. Я уверен, что, посмотрев эту матрицу раз пять-шесть, ты поймешь урок и выбросишь ее.

Она слушала его в слезах.

— Увидимся завтра, в просмотровом зале.

— Хорошо. Спокойной ночи, Бредли.

— Спокойной ночи, Софи.

НОВЫЙ

*Так говоря, на новый свод взошли мы,
Над следующим рвом, и, будь светлей,
Нам были бы до самой глуби зрины
Последняя обитель Злых Щелей
И вся ее бесчисленная братья...*

Данте Алигьери,
„Божественная комедия“,
„Ад“, песнь XXIX

**КИШТОФ
БОРУНЬ**

ВОСЬМОЙ

КРУГ

АДА

Лета господня 1593 богообязненные жители Кондровихта тяжкому испытанию подвергнуты были. Зима в том году выдалась на удивление мягкая, уже на Трех Королей лужайки покрылись свежей зеленью, а на Обручение Пресвятой Девы солнце припекало словно в день Тела Господня. Говорили также, что сразу после Воскресения Христова птицы стаями бор Опатовский, позже Чертовым называемый, покидали, и был то первый знак, что некое зло там творилось.

Когда же свет, необычайный и красный, аки зарево пожара, над лесом появился, никто не отважился к бору оному подступить. Токмо один смельчак сыскался, и был то лекарь и алхимик Матеус Рылюс. Именно он на другой же день после того, как свет оный появился, к бору поспешил, дабы, как позже на пытках признал, верноподданнический поклон посланникам ада учинить. Но о мэтре Матеусе давно уже по углам шептались, будто был он со дьяволом в сговоре и токмо благодаря заступничеству пресветлого бургграфа, коему свинец в золото преобразить обещал, ранее на костре спален не был.

Однако же когда, несмотря на молитвы неустанные и звон колокольный, дьявол бор Опатовский по-

кинуть не пожелал и даже, обнаглев, образ огромного, аки глава воловья, паука принял, мирных жителей ночью, а то и днем наведывать почал, бургграф дале оттягивать не мог и Его Святейшеству Епископу вместе со отцами духовными свиток со просьбою о заступничестве выслать соизволил. Незамедля явился в Кондовихт отец Модестус, один из знаменитейших инквизиторов графства, коий не одного черта изгнал и множество ведьм, чародеев и еретиков на костер очищающий отправил. И теперь, выслушав свидетелей посещений дьявольских, а вечером собственными очами свет над бором Опатовским узрев, всю ночь в ревностной молитве, крестом пред алтарем собора Святого Иосифа лежа, провел, а наутро приказал оного мэтра Матеуса изловить и пред очи свои доставить.

Мэтр Матеус пытался вначале с отцом инквизитором в диспут вступить, отрицая, что в говоре с сатаной был, однако же признал, что к бору Опатовскому хаживал и там преогромный и светящийся гриб, из земли выросший, видел и, тревогой охваченный, ушел. Дьявольские пауки копошились вокруг гриба онего, по воздуху, аки осы, летая, но ни один на лекаря внимания не обратил и кривды какой-либо протекции оному не оказал. И посему он, лекарь, еретически утверждал, якобы то не посланцы ада, а токмо неизвестные оку человеческому творения Природы. Однако же отец Модестус на эти хитроумные выверты внимания не обратил, а, наоборот, ясно указал, что Матеус Рылюс со дьяволами, несомненно, стакнулся, ибо иначе они не выпустили бы оного из Опатовского бора.

Признав тогда, что мэтр Матеус достаточно доказательств супротив себя нагромоздил, инквизитор Мюнх еще раз принялся его по-отцовски увещевать и просить, дабы тот в своих говорах с дьяволом признался, иных сообщников либо же сообщниц черта назвал и бога о милосердии молил. Поелику же и это не помогло — с тяжким сердцем согласие на пытки дать вынужден был. Мэтр Матеус вину свою на муках признал, однако же сотоварищей либо сото-

варок не назвал. Когда же пред судом предстал, начал запираться, еретические мысли возглашать и дьяловов обронять так, что трибунал святой не мог иного приговора вынести, как только спалить его живьем и пепел по дорогам развеять.

Когда мэтр Матеус уже на плацу базарном у столба встал и палач огонь подложил, налетели оные дьявольские пауки из-за леса и, видно, хотели своего куманька вызволить, ибо долго над плацем кружили. Люд собравшийся, стража градская и даже сам бургграф со супругою в панику впали, в соборе Святого Иосифа укрылись, и токмо бесстрашный отец Модестус крестом святым чертей отгонял дотоле, доколе лишь пепел от Матеуса Рылюса остался, а дьявольские кумовья обратно в бор улетели.

В то время весь вечер и всю ночь в колокола звонили и во всех церквях народ господа бога нашего молил дать ему победу над сатаной, а когда начало светать, двинулась к бору Опатовскому процессия. Вел ее отец инквизитор в сопровождении приора, всех отцов и братьев ордена. И чем глубже в бор заходили, тем больший всех страх охватывал, однако же большинство дошло до поляны, о коей Рылюс суду говорил. И истинно, не покривил душой чернокнижник: стоял там оный гриб дьявольский, из земли как бы выросший. Отец Модестус наказал всем остановиться, а сам токмо со крестом и кропильницею смело на поляну вышел, знак святой муки господней к оному чертову диву обратил и, восклицая «Изыди», черта изгонять почал.

Страх охватил верующих, ибо разверзлось чрево гриба оного и вылетели оттуда два дьявольских паука и к отцу инквизитору по воздуху устремились. Тут страх всех зело сильный обуял, что черти отца Модестуса на части раздерут, однако же устоял святой отец и даже начал продвигаться шаг за шагом исчадиям ада насупротив, литанию громко возглашав, и дьяволы не токмо не могли его испугать, но и сами понемногу к оному чреву разверстому заотступали. Отец инквизитор шел за ними и был уже почти на расстоянии броска камня от дива адского, когда из-под гриба вы-

ползла туча бурая, огромная и отца Модестуса охватали.

Кинулись верующие бежать. Никто никого не удерживал, такой страх людей обуял. Да и не диво, ибо тут же вихрь адский в лес ударил, а потом разнесся далеко сначала свист дикий, а за ним грохот непрестанный, словно бы сто громов ударило в поляну дьявольскую.

Ни один из бегущих обернуться не посмел, но те, кто в городке остался, видели, как в оный момент над бором огромное растущее облако вознеслось и в небесах исчезло, оставляя только длинную светлую полосу, видимую еще в полдень, когда звонили к обедне.

Отец же Модестус не вернулся. Сначала говорили, что сам Люцифер завлек инквизитора в ад, но отец епископ заверил, что, видно, святой муж после изгнания им чертей был в награду живым на небо вознесен.

Лишь спустя много лет первые свидетели отважились в Опатовский бор углубиться и к адской поляне приблизиться.

Единственным следом дьявольского посещения остался там неглубокий, но длинный ров, лесным молодняком поросший.

1

День был теплый и солнечный. Прозрачная вуаль тумана, покрывавшая утром горы, уже совсем рассеялась, и только на самых высоких пиках Карконоши висели в воздухе одинокие облака, похожие на хлопья ваты. От обсыхающего после вчерашней грозы леса шел аромат влажной хвои.

Стеф Микша поставил селектон в траву и, присев на замшелый камень, разложил карту. Поиски, которые он вел с самого рассвета, не дали результатов, хотя он тщательно прочесал весь район, очерченный радарными засечками. Вероятно, в замеры вкрадась ошибка.

Микша как раз вычерчивал на карте новые границы поиска, когда шелест листьев и хруст ветвей привлек его внимание.

В первый момент метеоритолог подумал, что у него за спиной пробирается какой-то зверь. Он встал, оглянулся, потом сделал несколько шагов к ближайшим зарослям и остановился.

Из кустов глядели два человеческих глаза.

— Эгей! — окликнул Микша, немного удивленный неожиданной встречей.

Ветки снова зашумели, и перед Микшей появилась странная фигура с волосами, спадающими на плечи, и давно не стриженной темной бородой. На мужчине была длинная, почти касавшаяся земли, одежда, черный плащ. Широкий, сползший с головы капюшон, толстый шнур, опоясывавший одежду, и сандалии на босу ногу дополняли этот необычный наряд.

«А этот еще откуда взялся?» — подумал метеоритолог. Объяснение удивительного маскарада, по его мнению, могло быть только одно: где-то поблизости снимали костюмированный фильм. Ему тут же пришло в голову, что среди участников съемочной группы могут оказаться случайные свидетели полета болида и они помогут ему более точно определить место падения метеорита. Поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, он тут же приступил к «допросу».

— Я Микша, метеоритолог. Ищу метеорит. Ты случайно не видел? Он упал вчера вечером во время грозы. А ты давно тут бродишь?

Незнакомец молчал, уставившись на астронома глазами, полными удивления и беспокойства.

Микша тоже пепонятно почему почувствовал себя не в своей тарелке.

— На съемку прилетел? — спросил он спустя минуту, хотя совершенно не сомневался, что перед ним актер или статист.

— Откуда ты, господин? Кто ты? Скажи мне, прошу... — дрожащим голосом отзывался незнакомец. К огромному удивлению Микши, слова эти он произ-

нес по-латыни. Правда, это не был язык Овидия, тем не менее в нем звучал отголосок каких-то давних времен.

— Шесть часов назад я сел неподалеку отсюда, на поляне. Я ищу метеорит... Он вчера упал где-то тут, — ответил Микша на интерязе, но по выражению лица незнакомца можно было легко догадаться, что тот не понимает. «Не понимает интеряза? Странно. Варослый человек, житель Земли, не знает международного языка!»

— Откуда ты, господин? — повторил незнакомец по-латыни.

— О небо, да сверху же! Шесть часов назад... там, на поляне. — Тут Микша сделал движение рукой, изображая посадку. Увы, его знание латыни было не столь основательным, чтобы бегло пользоваться этим языком.

На лице незнакомца отразилось возбуждение.

— Хвала господу нашему на небеси! — воскликнул он взволнованно. Колени у него сами собой подогнулись, и он повалился в траву к ногам метеоритолога.

Микша, решив, что незнакомцу дурно, достал из сумки плоскую бутылочку с подкрепляющим напитком и, слегка подтолкнув бородача, прижал флякон к его губам. Тот с трудом сделал несколько глотков, и в его глазах засветилось удивление.

«Бедняга, — подумал Микша. — Видно, он был где-то поблизости от места падения метеорита. Шок. Может, он голоден и ослаб?»

Астроном вытащил коробочку с регтоном и подал бородачу таблетку. Незнакомец подобострастно принял ее.

Бодрящее средство подействовало быстро. Бородач явно ожила, немного осмелел и то и дело с каким-то радостным ожиданием поглядывал на Микшу.

— Хвала господу! — прошептал он.

— Хвала господу! — повторил Микша, думая, что незнакомец, вероятно, употребляет это выражение взамен приветствия.

— Господин, возьмешь ли ты меня с собой? — спросил бородач, умоляюще глядя на астронома.

— Возьму, — сказал Микша, кивнув головой, и одновременно подумал, что, конечно же, не оставит его тут, в лесу.

— Откуда ты взялся? — спросил он по-латыни. — Заблудился?

Глаза незнакомца потухли.

— Не знаю, господин, заблудился ли... — тихо ответил он. — Всегда, как умел, я старался служить во славу господа всеведающего...

— Да, да, — успокоил его Микша. — А может, ты помнишь, где был, прежде чем оказался здесь?

Незнакомец задрожал. В его глазах снова появился страх.

— Был... Я был... в пекле... — с трудом прошептал он. — Господин, будь милостив к грешнику...

— Ты видел огонь? — подхватил Микша, подумав, что незнакомец действительно был свидетелем падения метеорита. — Где это произошло?

— Не знаю, господин... Дьяволы, образ пауков приняв, мучали мою душу несчастную... Видно, согрепши я зело, поверив в силу свою, а не в могущество всевышнего. Но бог милосердный...

Было ясно, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут. Бородач упорно возвращался к своим бредням. Тут прежде всего нужен был врач.

То, что незнакомец знал средневековую латынь и был в курсе религиозных представлений того времени, не вызывало особого удивления Микши. Сейчас, когда обязательный рабочий день сократился до трех часов, люди порой занимались самыми необычными вещами. Если он сам когда-то пытался переводить Овидия, почему бы этому человеку не изучать историю христианской религии? Впрочем, могло быть и так, что под влиянием первого потрясения бедняга продолжал играть роль, предназначенному ему сценарием. А может, он просто психически болен и его надо как можно скорее передать медицинскому центру?

Микша уже собирался подать сигнал связи на бли-

жайший пункт медицинской скорой помощи, когда случайно взглянул на часы, и ему в голову пришла новая мысль: Кама должна быть сейчас в институте. Почему бы не попросить ее помочь найти врача, который займется незнакомцем? Или, может быть, она сама захочет его исследовать. В конце концов психиатрия — ее специальность. Впрочем, лучше поставить ее перед свершившимся фактом. Сто двадцать километров — это всего полчаса полета...

— Ну, пошли! Полетим! — астроном взял незнакомца под руку и повел к тропинке.

— Хвала господу!

— Хвала, хвала...

Они вышли из зарослей на поляну. Только теперь незнакомец заметил машину и как будто заколебался.

— Не бойся. Она поднимет нас обоих! — ободряюще улыбнулся Микша.

Они подошли к машине. Астроном поднял ветрозащитный колпак, выдвинул запасное сиденье.

— Сядешь здесь.

— Я верю тебе, господин...

Однако, несмотря на заверение, бородач нервно дрожал, когда Микша, усадив его в машину, застегивал пояс.

Ротор протяжно завыл, и гелиорот поднялся в воздух. Незнакомец судорожно сжал пальцы на рукаве комбинезона метеоритолога, а его губы беззвучно шептали молитвы.

Поднявшись на триста метров, Микша увеличил скорость.

Темное пятно леса, покрывающего склон Шренницы, спряталось за горами. Машина мчалась над цветной мозаикой домов зоны отдыха, разбросанных среди садов и лесных парков. Там и тут блестели светлые прямоугольники плавательных бассейнов и посадочные площадки аэробусов.

Сразу за Еленьей Гурой вышли на радиошоссе восток-запад, и Стеф передал управление службе движения.

В воздухе было полно машин. То и дело проноси-

лись огромные сигары аэробусов и пузатые веретена колеоптеров. Однако бородача изумляли больше всего не они, а летящие параллельно гелиороту Микши другие легкие машины. Сквозь их прозрачные ветрозащитные купола, напоминающие мыльные пузыри, подвешенные под вращающимися дисками роторов, были видны силуэты людей... На щеках у незнакомца выступили красные пятна, а полуоткрытый рот и блестящие глаза попеременно выражали то изумление, то немое восхищение. Казалось, весь мир перестал для него существовать.

Так они пролетели больше ста километров. Из-за горизонта начали появляться вершины стреловидных домов Радова. Теперь они летели над шахматной доской коллектора промышленных плантаций водорослей и огромными фабриками синтеза пищевых продуктов, с их будто вырастающими из-под земли высокими и стройными, наподобие карандашей — башнями абсорбции.

Промышленное кольцо, доставляющее огромному городу пищу, воду и кислород, уступило место жилым корпусам. Блестевшие на солнце радужными бликами строения вздымались все выше и выше. Пересеченные многоярусными улицами и тротуарами, они постепенно поглощали пространство и, наконец, заполнили его по самый горизонт.

Незнакомец теперь уже не смотрел на воздушные машины, пролетающие вблизи, а широко раскрытыми глазами пожирал эту новую картину.

Вдруг он резко схватил руку астронома и, с беспокойством глядя ему в лицо, спросил:

— Я... я... не умер?

— Я думаю, ты... был без сознания. Некоторое время. Но это не страшно...

— Так, значит, я живой человек?

— Наверняка! — подтвердил Микша, раздумывая над тем, куда клонит незнакомец.

— А кто ты, господин?

— Я уже говорил. Метеоритолог. Как бы тебе это объяснить? Я собираю такие... осколки небесных тел. Упавших с неба на Землю.

— Мне, господин, трудно понять, чем ты занимаешься на небе... — после минутного молчания начал бородач. — Скажи мне, если это можно, где я? На Земле или тоже на небе?

Мишка с трудом подавил улыбку.

— Пока что мы... в воздухе! Но скоро спустимся на Землю.

— А это город?

— Город.

Лицо незнакомца расцвело.

— А это город... это город... о котором святой Иоанн Евангелист...

— Да! Да! — Мишка не хотел продолжать разговор, потому что машина уже вышла на окружной путь и сигнальная лампочка показывала, что начинается посадка.

Под ними распростерлось огромное здание с блестящим посадочным эллипсом на крыше.

Незнакомец в каком-то радостном возбуждении принялся нараспев декламировать:

— «И вознес меня на великую и высокую гору и показал мне великий город, святой Иерусалим. Он имеет славу божию; светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню япису кристалловидному; он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот, и на них двенадцать ангелов; стена его построена из яписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу, а двенадцать ворот — двенадцать жемчужин; каждые ворота были из одной жемчужины; храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель — храм его...»

II

— Стеф!

Он очнулся. Пред ним стояла Кама Дарецкая, уже в плаще, готовая идти.

— Кажется, я заснул... — неуверенно пробормотал Мишка и оглянулся. — Сколько сейчас?

— Около часа.

— Невероятно! — удивился он. — Стало быть, я спал почти четыре часа?

Девушка улыбнулась.

— Ты ждешь меня?

— Да. Я здорово устал. Просто не знаю, как уснул.

— Мог хотя бы сказать, что ждешь. Если бы я тебя не заметила...

— ...то я спал бы в этом кресле до утра, — докончил он, вставая.

Они вышли на улицу. Ночь была холодной. Улица, днем и вечером кипевшая жизнью, сейчас, во время четырехчасового периода ночного отдыха, была почти совершенно пуста. Погасли разноцветные огни, только стены домов, излучающие зеленоватый свет, казалось, имитировали предвечерний сумрак.

Они спустились с главного тротуара на бульвар. Тут было еще темней: аллея тенистых тополей, бегущая по краю бульвара, отгораживала его от огней города. Только в черном зеркале Одры отражались освещенные желтоватым светом нижние этажи высотных зданий на противоположном берегу.

Несколько минут шли молча. Кама заговорила первой:

— Ну, отыскался твой метеорит?

— Нет. Как в воду канул. Ни следа... Словно его вообще не было.

— Он мог испариться...

— Нет, не мог. Замеры, сделанные перед самым падением, когда он был на высоте около трехсот метров, показали, что метеорит имел диаметр около трех метров. Гигант. Разве что замеры были ошибочными...

— Возможно.

— И все равно должен быть какой-то след, — задумался метеоритолог. — Правда, с этим объектом были хлопоты с самого начала. Из предварительных вычислений получалось, что его траектория пересечется с поверхностью Земли в районе Северной Атлан-

тики. Однако это было лишь начало. Потом пришли поправочные данные, а за ними следующие, так что точка предполагаемого падения все больше перемещалась на восток. Получалось, что метеорит вместо того, чтобы увеличить, уменьшил скорость. Но это была, пожалуй, ошибка в вычислениях. Впрочем, раздумывать было некогда. Последние данные, которые я получил за две с небольшим минуты до столкновения болида с Землей, говорили, что вероятнее всего точка эта будет находиться в районе Карконоши, а стало быть... в моем секторе. Конечно, о том, чтобы успеть добраться туда раньше метеорита, нечего было и думать. Тогда я связался с обсерваторией на Снежке, чтобы хоть на экране наблюдать явление. Однако оказалось, что плотный туман делает оптические наблюдения невозможными. На то, чтобы разогнать тучи, уже не хватало времени. Пришлось ограничиться радаром и инфракрасными лучами.

— И диаметр метеорита тоже определили так?

— Да. Но результаты наблюдений и замеров оказались на удивление скучными. Никаких световых или термических эффектов. На пленках нет и следа инфракрасного излучения. Сравнительно больше информации дали радарные замеры. Скорость метеорита упала на последних десятках километров почти до нуля. Что еще удивительней, некоторые данные указывают на горизонтальные перемещения. К сожалению, пункт падения находился за пределами поля видимости станции на Снежке, так что его удалось локализовать только с точностью до трех километров. Но, наверно, и это неточно. Вдобавок ко всему сразу после падения разразилась адская гроза и еще больше затруднила поиски. Если бы этот бородач мог хоть приблизительно указать место падения.

— К сожалению, вынуждена тебя огорчить: он не видел твоего метеорита.

— Ты уверена? Но ведь он говорил об огне...

— Я провела специальные фантовизионные испытания. Никакой реакции связи. Он никогда не видел падения какого-либо болида. Со всей этой историей у него нет ничего общего.

— Значит, опять все сначала... — вздохнул Микша. — А я рассчитывал...

Она подала ему руку.

— Не знаю, откуда ты выкопал этого типа, но я тебе благодарна за то, что ты привез его ко мне. Это действительно необычайный случай галлюционального комплекса.

— Я нашел его в лесу. В Карконошах. Я же говорил...

— Ну да. Однако дело в том, что мы до сих пор ничего о нем не знаем. Персонкод он потерял... где-нибудь в лесу. Но для того чтобы отыскать его сигнал, надо знать, кто этот человек.

— Словом, порочный круг!

— Сегодня утром анализатор из СЛБ снял с него персограмму. Данные мы выслали в Глобинф. Завтра должен прийти ответ.

— Наделал я вам хлопот.

— Не в хлопотах дело. Идентификация — вопрос скорее чисто формальный, и если бы дело сводилось только к этому, можно было бы твоего бородача передать ближайшему управлению СЛБ. Однако это настолько любопытный случай, что мы хотим обязательно задержать незнакомца в институте. Завтра из Варшавы прилетает Гарда.

— Сами не справитесь? Отберут его у тебя!

— Ты не знаешь Гарды, — возразила Кама. — Я проходила у него практику. Четыре года — немалый срок! Это он сделал из меня специалиста. После института я, честно говоря, даже мыслить самостоятельно не умела...

— И в чем же он должен тебе помочь?

— Я хочу, чтобы Гарда сказал, в чем моя ошибка.

— Твоя ошибка?! Не понимаю! — удивленно поднял брови Стеф.

— У меня складывается впечатление, что мы имеем дело с феноменом. Результаты наших работ могут заставить нас пересмотреть все, на чем зиждется физиология основ памяти. Правда, это звучит не очень правдоподобно, поэтому я и думаю, что где-то допускаю ошибку. Но где? В этом я разобраться не могу!

Кама подошла к самому берегу и загляделась на темную воду реки.

— Феномен, — немного помолчав, заговорил Микша. — Ты имеешь в виду его выдумки? А раньше такие вещи случались?

— Галлюцинации — явления вторичные. Суть-то в том, что результаты исследований заставляют думать, что... как бы это сказать... что он почти... первобытный. Как с точки зрения физиологии, так и психики.

— Первобытный? В каком смысле? Правда, его поведение и внешность... Я думал, это актер, который под влиянием шока...

— Нет, он не актер. В этом я убеждена. Ты видел его кожу, зубы, волосы?.. Все выглядит так, будто он долгие годы жил вне цивилизованного мира, был лишен самых элементарных медицинских и косметических средств... Но дело не только в его внешнем виде. Он совершенно не умеет пользоваться санитарными устройствами. Его всему приходится учить. Началось с ванны. Он не хотел раздеваться донаага. А грязный был — ужасно.

— А ты не думаешь, что это просто психически больной, долгое время, может быть несколько лет, скрывавшийся в закрытых для туризма участках заповедника? Может, ему казалось, что он отшельник?

— Думали мы и об этом, но самые тщательные исследования не подтверждают этого. Я провела ряд тестов и зондажей. Дело именно в том, что...

Кама не докончила. Под телефонным браслетом, который она носила на запястье левой руки, почувствовала легкий укол. Привычным движением поднесла к уху руку.

«Ноль, ноль, ноль, слушаю», — мысленно произнесла она пароль связи и тотчас услышала голос дежурного автомата:

— Пациент проснулся. Он неспокоен. Вышел в коридор. Прошу дальнейших инструкций.

«Передавайте информацию о его местонахождении», — мысленно сказала Кама. Потом взглянула на Стефа.

— Придется возвращаться. Звонили из института. Наш гость вышел на прогулку. До свидания.

Она подала ему руку и пошла, все ускоряя шаг. Он догнал ее.

— Я пойду с тобой.

— Лучше не надо. Я хочу, чтобы он снова лег в постель. Ему необходим сон.

— Снотворного ему не даешь?

— Пока нет. А теперь прости, пришло сообщение, что он поднимается по лестнице на второй этаж. Правда, автоматы получили инструкцию следить за ним, не вмешиваясь в его действия.

— А ты не можешь с ним связаться?

— Не хочу его беспокоить. Загляни ко мне завтра вечером или позвони. Если тебя все это интересует...

— Утром позвоню.

— Завтра я хочу провести дополнительные тесты. Пополудни прилетает Гарда, и мы, видимо, проговорим до вечера.

III

— Не согласен! Состояние, в котором находится этот человек, не похоже на психоз. Характер кривой «альфа-37» вовсе не говорит о дементуальном сменении точки равновесия.

Кама подняла голову, склоненную над графиками, и откинула рукой упавшую на лоб прядь светло-рыжих волос. Сидящий напротив диагнострист Ром Балич недоверчиво пожал плечами.

— И, однако, в его поведении налицо все признаки парафренического галлюциативного комплекса. Совершенно очевидно, что это парамнезия.

— Иначе не объяснишь... Но это чрезвычайно редкий случай. Не помню, чтобы я когда-либо слышала о чем-нибудь подобном. Никаких функциональных аномалий в ретикулярной системе. Кривая Петрова абсолютно правильная. Лучшей и желать нельзя.

Концептолог Гарда поднялся с кресла и подошел к столу. Некоторое время просматривал пленку. Наконец нашел то, что искал.

— Рефлекс Симонса-Калиского тоже совершенно нормален, — кивнул он Каме. — Ну, а как прошли испытания?

— В принципе обнадеживающе. Правда, показатель интеллекта ниже среднего, но это еще ни о чем не говорит. Связи правильные. «Свежая память», можно сказать, изумительная. Я не обнаружила никаких нарушений.

— Кама готова утверждать, что этот тип — образец психического здоровья, — ядовито заметил Балич. — Как можно говорить об изумительной памяти человека, не помнящего даже, кто он?

Брови Камы изогнулись гневной дугой.

— Сейчас я говорю о результатах тестов, — холодно ответила она. — Не вижу противоречия. «Свежая память» может быть прекрасной, так как амнезия имеет регressiveный характер.

— Стало быть, ты считаешь, что потеря памяти наступила в результате потрясения, вызванного падением метеорита? — спросил Гарда. — Никаких следов механического или термического поражения не отмечено...

— Я думаю скорее о психическом потрясении.

— Я хотел бы вернуться к основному вопросу, — начал Балич. — Кама считает, что пациент — совершенно нормальный человек, потерявший память. Парамнезию в такой форме, как в данном случае, нельзя считать последствием шока. Может ли психически нормальный человек верить, что он средневековый монах? Тут совершенно явно проявляется утрата способности критически оценивать факты. В системе его памяти закрепились стереотипы, являющиеся слепком болезненных галлюцинаций, архаических сведений и деформированных фрагментов действительности. Мне кажется, большинство признаков говорит о паранойии. Кроме того, страх... Ведь он постоянно чего-то боится!

— Вот-вот! — подхватила Кама. — Ром исследовал больного только раз, я наблюдаю за ним уже четвертый день. Это, несомненно, субъект с психопатическими наклонностями, но, кроме того, он ведет себя

так, будто его галлюцинации являются реальностью — других патологических признаков я не наблюдала. Я пыталась применить двунаправленную терапию. Безрезультатно. Депрессивная реакция, как у нормального человека. Уверяю тебя, Ром, это наверняка шизофрения.

— А может, он просто притворяется? — вставил концептолог.

— Нет. Вначале я тоже думала... Но нет. Его галлюцинации весьма связны и представляют собой логическое целое. Правда, я не специалист в области истории религиозных верований, обычая и языка шестнадцатого века, но до сих пор я не обнаружила у него ни одной реакции, противоречащей галлюцинациям. Нормальный человек не может с такой железной последовательностью играть роль средневекового монаха. Именно это, мне кажется, говорит о том, что в данном случае мы имеем дело с необычным феноменом. Скажу больше, — оживленно продолжала Кама, — зондирование подсознания тоже не принесло ничего нового. Тот же круг понятий, тот же словарь. Я проверяла кодовые ассоциации. То же самое. Реакции такие, словно он действительно никогда не знал интеряза.

— Невероятно! — воскликнул диагнometрист.

— Однако это так. Можешь проверить записи. Характерные изменения кривой вызывают только латынь и немецкий язык шестнадцатого века. Реакция на интеряз, итальянский, английский, французский, польский или русский появляется только в случаях аналогичного с латынью или немецким звучания слов. Я передала ленту лингвоанализатору...

— Ну и как?

— Представь себе, он действительно бегло говорит на средневековой латыни и немецком!

— Это только подтверждает гипотезу, что он отличный знаток того периода.

— Он утверждает, что его зовут Модестус Мюнх.

— Модестус Мюнх? — повторил Гарда и задумался.

— При нем не оказалось персонкода, — заметила Кама.

— Знаю, — кивнул ученый. — Странно, конечно, но это не наша забота. Придет ответ Глобинфа, и все выяснится. Скажи, с ним можно сейчас побеседовать?

— Конечно. Перевод с латыни на интеряз и обратно уже запрограммирован.

— Что он сейчас делает?

— Лежит на полу лицом вниз. Наверно, молится. Кама подошла к столику и включила визию. На экране появились просторная комната и мужчина в голубом больничном халате, лежащий крестом на полу.

— Интересно, — пробормотал Гарда и, обращаясь к Каме, спросил: — Он вообще не покидает свою спальню?

— Очень неохотно. Выходит только на террасу и часами смотрит вниз на город.

— Интересно, — повторил концептолог.

Когда они входили в комнату, мужчина стоял на террасе и смотрел вниз.

— К тебе гости, — бросила с порога Дарецкая.

Он медленно повернул голову, и на его лице, со средоточенном и напряженном, отразился страх, смешанный с радостью.

— Это профессор Гарда. Познакомьтесь! — представила ученого Кама.

Мужчина сделал шаг вперед и уже собрался было упасть на колени, но девушка подхватила его под руку и, подводя к Гарде, укоризненно сказала:

— Зачем это? Я же тебе говорила, не надо становиться на колени. Не надо.

— Да, госпожа, — покорно кивнул он.

— Доволен ли ты комнатой, брат Модест? — спросил концептолог.

Но мужчина в больничном халате не понял вопроса, хотя лингвистический автомат перевел слова Гарды безошибочно.

— Я слушаю тебя, господин.

— Я спрашиваю, нравится ли тебе у нас? Как ты себя чувствуешь?

— Разве могу я не ликовать? — оживленно ответил мужчина. — Мог ли я надеяться, что очи столь ничтожного червя, как я, узрят царство божие на Земле?

— Доктор Дарецкая говорила, что ты прошел сквозь ад? — подхватил Балич.

— Ты сказал, господин. Мыслю, однако, что то был не ад, а только чистилище. Ибо вышел из него. Видно, такова воля господня. Был там, бо заслужил, ибо грешник есмь и человек, духом слабый. Однако же удалось мне устоять против демонов и пособников их.

— И ты видел сатану? С рогами и хвостом? — допытывался диагнострист.

— Видел, как тебя по воле божьей зрю! Но у чертей оных ни рогов, ни хвостов не было: пауков вид приняли они.

— Вот! Опять постоянно повторяющийся мотив дьявола-паука, — заметила Кама по-польски.

— И долго мучили тебя эти пауки?

— Не знаю, господин. Бывши там, думал я, что уходят лета, теперь же помню только как бы дни... Но то были века. Когда я был теми дьяволами изловлен, шло лето господне 1593. Ныне же, как поведала мне госпожа, — он взволнованно показал на Каму, наклоняя голову, — от рождества господа нашего, Иисуса Христа, ушло уже лет 2034.

— Твое пребывание в чистилище длилось больше четырехсот сорока лет?

— Ты сказал, господин.

— Скажи нам еще, брат, — начал Гарда, но не окончил, потому что Кама подняла руку, давая знак, что получила сигнал телефонного аппарата.

Наступила тишина.

Гарда и Балич, а потом и «монах» напряженно смотрели на Каму, словно хотели прочесть на ее лице, что происходит в ее мозгу. Впрочем, ясно было одно: с каждой минутой лицо девушки выражало все большее удивление.

Наконец она опустила руку.

— Пришел ответ из Глобинфа, — обратилась она к Гарде и Баличу по-польски. — Трудно поверить, но поиски дали отрицательный результат. Они перерыли все реестры. Такой свойствограммы не нашли.

— Но это же невозможно! Ни один человек, живущий в Солнечной системе, не может оказаться вне реестра!

— И однако...

— Значит, система небезотказна.

— А может, просто он не был вписан? — Кама искала объяснения загадки. — Тогда становится понятным, почему при нем не оказалось персонкода.

— Не знаю, что и подумать, — пожал плечами Балич. — Ясно, что с точки зрения права этот твой брат Модестус — человек несуществующий. — И, улыбнувшись, добавил: — А может, он действительно пробрался к нам из 1593 года? С помощью какой-нибудь чудесной машины времени?

Гарда неодобрительно взглянул на Балича.

— Не надо шутить, коллега, — сказал он. — Нам нужно решить, в каком направлении продолжать исследования. Но не здесь... — Он кивнул в сторону Модестуса, который вначале удивленно, а потом с явным беспокойством наблюдал за оживленным диалогом ученых, который они вели на незнакомом ему языке.

— Пойдемте в лабораторию, — согласилась Кама. — До свидания, Модест, — обратилась она к монаху, переходя на интеряз.

— А ты... ты вернешься сюда, ко мне? — тревожно спросил тот.

— Вернусь. Скоро вернусь. Не волнуйся, — улыбнулась она и дружески протянула ему руку.

Он быстро наклонился и поцеловал край ее рабочей куртки.

— Модест, я же тебе говорила...

Он опустил глаза, как маленький напроказавший мальчишка.

«ЖИЗНЬ АРКОНА»

Загадка «Человека из ниоткуда» по-прежнему не разгадана что обнаружил профак Гарда в Ватиканской библиотеке

Как сообщает наш корреспондент, загадка «Человека из ниоткуда» по-прежнему остается неразгаданной, хотя работы над ее решением за последнее время значительно продвинулись вперед. Сообщают, что руководитель коллектива ученых, занимающихся этой проблемой, член Всемирной Академии Наук Е. Гарда собрал весьма интересные факты, по всей видимости указывающие на то, что история, которую упорно повторяет Мюнх, не является исключительно продуктом его большого воображения. Из этих фактов следует, что во второй половине XVI века действительно жил доминиканец с таким именем, выступавший в роли обвинителя на многочисленных инквизиторских процессах. Упоминания о нем можно найти в архивах нескольких епископств, в частности в Бамберге, а также в монастыре, расположенному неподалеку от Кондовихта, о котором вспоминает «Человек из ниоткуда».

В городке с таким названием в 1593 году при довольно загадочных обстоятельствах умер патер Модестус. Умер, если так можно выразиться, «при исполнении служебных обязанностей». К сожалению, показаний свидетелей случившегося обнаружить не удалось, так как в период Тридцатилетней войны монастырь был сожжен, все документы погибли. Лишь спустя примерно сто лет была написана история этого случая, однако в ней нет фамилии инквизитора, а повторяется лишь имя — Модестус. Сопоставляя этот исторический документ с отчетом, находящимся в Ватиканской библиотеке, профак Гарда выявил полное совпадение места и времени происшествия.

Отсюда сам собой напрашивается вывод, что таинственный «Человек из ниоткуда» располагал указан-

ными документами. Однако оказалось, что с отчета, хранящегося в Ватиканской библиотеке, вообще не снимали копий, а последняя запись в картотеке была сделана много лет назад, когда эта часть архива еще не была доступна Всемирному институту изучения религии.

Разумеется, профак Гарда отнюдь не утверждает, что упомянутый Мюнх, обнаруженный в Карконошах, имеет что-либо общее с доминиканцем XVI века. Он скорее считает, что несколько десятков лет назад с документа была тайно снята копия, которая позже каким-то образом попала в руки «Человека из ниоткуда».

«НОВОСТИ»

Вокруг дела М. Мюнха

Из Радова сообщают, что магистр Стеф Микша произвел исследования, касающиеся происхождения и времени возникновения некоторых предметов, принадлежащих Мюнху, а именно: рясы, шнура, сандалий и деревянного креста. Предметы эти изготовлены из естественных материалов и поразительно напоминают кустарные изделия XVI века. Из определений, сделанных изотопным методом, следует, что возраст креста примерно 15 лет, рясы около 4 лет, а сандалий и шнур не более чем 3 года.

«ТЕЛЕЭКСПРЕСС»

Агент иной цивилизации?

Во время пресс-конференции, организованной Академией и учеными, занимающимися загадкой «Человека из ниоткуда», наш корреспондент спросил: «А нет ли связи между метеоритом, упавшим в карконошском заповеднике, и появлением в указанном районе неизвестного человека, выдающего себя за инквизитора XVI века?»

На вопрос нашего корреспондента ответил метеоритолог С. Микша, обнаруживший «Человека из ниоткуда». Он полушутя сказал, что, быть может, М. Мюн-

ха подбросили на Землю из Космоса, чтобы наделать хлопот нашим ученым.

Разумеется, Микша рассматривал это как шутку, но разве нельзя принять хотя бы в качестве рабочей гипотезы, что «Человек из ниоткуда» что-то вроде искусственно созданной копии инквизитора Мюнха, «подкинутой» в результате ошибки или какого-то прорасчета в вычислениях не в тот период земной цивилизации?

ВСЕМИРНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Загадка мозга «Человека из ниоткуда» беседы перед камерой

На сегодняшнюю нашу встречу мы позволили себе пригласить в студию известного специалиста-психофизиолога доктора Каму Дарецкую — ученую, которая, несмотря на юный возраст, является автором ряда ценных научных работ, в частности теории, касающейся предела ошибки в статистически-выборочном методе психозондирования. Темой нашей беседы будут исследования загадки Модеста Мюнха, которые доктор Дарецкая в течение трех месяцев проводит в Институте моага в Радове. Доктор Дарецкая занимается зондированием психики этого человека, а также экспериментами в области перевоспитания и адаптации.

В тв: За последнее время в некоторых газетах появились сообщения о том, что в результате исследований, проводимых вами, вы пришли к выводу, будто найденный в каркопощском заповеднике человек — это инквизитор Модест Мюнх, умерший в шестнадцатом веке. Реально ли это с точки зрения физиологии?

Кама Дарецкая. Я сразу же хотела бы развеять некоторые недоразумения, которые, как я думаю, были причиной появления ряда неверных сообщений в газетах. Прежде всего я никогда не утверждала, что человек, найденный метеоритологом Микшем, и инквизитор шестнадцатого века Модестус Мюнх — одно и то же лицо. Данная проблема, доста-

точно интересная сама по себе, не входит ни в область моих исследований, ни в круг научной компетенции. Этим вопросом занимались доктор Балич и магистр Микша. Как известно, результаты их исследований в принципе дают отрицательный ответ. Я занималась и занимаюсь современным состоянием индивидуальности этого человека, объемом информации, которая, говоря популярно, запечатлялась в его мозгу на протяжении тридцати с лишним лет жизни. Так вот, объем информации, начиная с элементарных впечатлений и кончая наиболее сложными комплексами навыков, представлений и понятий, указывает на то, что этот человек не мог прожить тридцать четыре года в двадцать первом веке. Более того, данные зондирования над и под пределом его сознания поразительно совпадают с тем, что он говорит о себе. Содержание информации в его мозгу в точности такое, каким, по моим представлениям, должен обладать Модест Мюнх шестнадцатого века. Даже самое глубокое зондирование не дает оснований думать иначе. Однако я не утверждаю, что это тот же самый человек.

В тв: Понимаю. Есть принципиальное различие между формулировками «тот же» и «такой же», но на слух оно представляется столь незначительным, что легко ошибиться. А теперь я хотел бы просить вас, уже совершенно неофициально, ответить на вопрос, не связанный с вашей специальностью. Что вы лично думаете о происхождении человека, найденного в каркопощеком заповеднике?

Кама Дарецкая: Прежде всего я должна отметить, что не умею делить свои взгляды на личные и официальные. Но если уж вы хотите знать, что я думаю о происхождении этого человека, то скажу вам: я все время колеблюсь. Результаты зондажа говорят за то, что Мюнх пришел к нам из шестнадцатого века. Однако эта гипотеза столь необычна, что рассудок отказывается ее принять. Впрочем, это никак не влияет на ход моих исследований и экспериментов.

В тв: Разрешите сформулировать иначе: какая из гипотез, по вашему мнению, ближе к истине?

Кама Дарецкая (смеется): Коварный вопрос!

Ответ на него можно, пожалуй, предвидеть заранее! Я считаю, что даже те, кто упорно и последовательно отстаивает гипотезу современного происхождения нашего Мюнха, предпочитали бы, чтобы это был... настоящий инквизитор Модестус Мюнх. Но наши желания в данном случае не имеют никакого значения.

«УТРЕННЯЯ ФОТОГАЗЕТА»

Космолит или космолет?

В результате тщательных поисков метеоритологу Стефану Мишке удалось, наконец, напасть на след космического объекта, упавшего в карконошском заповеднике. В небольшой котловине, склоны которой покрыты густым лесом, в восьмистах метрах от места встречи с М. Мюнхом, на поляне совершенно отчетливо выделяется круг, на котором из-под высохшей травы пробивается свежая зелень. Диаметр круга около трех метров, а почва в его пределах усыпана миллионами крохотных стальных диполей, представляющих собой как бы остатки какой-то сложной конструкции. Диполи, которых собрано около двух килограммов, отличаются очень высокой сопротивляемостью коррозии. Исследования показали, что растительность погибла около трех месяцев назад, то есть именно тогда, когда упал таинственный космолит. Наиболее интересно то, что растительность погибла не от воздействия высокой температуры, а как раз наоборот — под влиянием переохлаждения. Странно и то, что отсутствуют следы какого-либо механического воздействия со стороны упавшего объекта. Создается впечатление, будто «космический гость» не столкнулся с поверхностью Земли и не взорвался в атмосфере, а плавно опустился на поляну и в течение нескольких часов почти полностью испарился.

Когда Модеста Мюнха привели на это место, он утверждал, что именно здесь пришел в сознание после пребывания в «чистилище». Однако хотя таинственные диполи и напоминают искусственные образования, тем не менее подобный шаг, предпринятый

какими-то неизвестными разумными обитателями Космоса, представляется нам по меньшей мере странным.

Кроме того, то, что предполагаемый корабль почти целиком испарился, заставляет нас считать, что техника, которой располагают эти существа, абсолютно отличается от земной. Таким образом, вопрос пока остается открытым.

V

На стенах попеременно сменялись иллюстрации и надписи:

...ИНСТРУМЕНТ... ИНСТРУМЕНТ...
ИНСТРУМЕНТ... И ЭТО ТОЖЕ ИНСТРУМЕНТ...
МОЛОТОК — ЭТО ИНСТРУМЕНТ...
ЧЕЛОВЕК ДЕРЖИТ В РУКЕ ИНСТРУМЕНТ... ЭТО
ТОЖЕ МОЛОТОК... МЕХАНИЧЕСКИЙ МОЛОТОК...
МЕХАНИЗМ... МЕХАНИЗМ — ЭТО ИНСТРУМЕНТ ЧЕ-
ЛОВЕКА... ЧЕЛОВЕК УПРАВЛЯЕТ МЕХАНИЗМОМ...
АВТОМАТ... АВТОМАТ... АВТОМАТ — ЭТО САМО-
ДЕЙСТВУЮЩИЙ МЕХАНИЗМ...

Мюнх нажал кнопку, и надпись на экране остановилась.

— Не понимаю, что значит «самодействующий»?

— Работающий без участия человека, — объяснила Кама. — Механизм самостоятельно выполняет данный человеком приказ. Так же, как механические часы. Только гораздо точнее. Понимаешь?

— Да. Как часы. А это... автомат? — Мюнх показал на пульт дидактомата.

— Конечно. Когда ты нажимаешь кнопку, автомат получает от тебя приказ. Ты только что приказал ему остановить проекцию. Движение изображения, — пояснила Кама.

— Да. Мой приказ... А кто сделал этот автомат?

— Его изготовили другие автоматы.

— Изготовили?.. Другие автоматы?.. А кто.., изгото-
вил другие?

— А, понимаю, — догадалась Кама. — Первые автоматы человек создал своими руками. Но это было давно. Теперь машины сами создают другие машины. Но по программе, которую вкладывает в них человек. Существуют механизмы, способные самостоятельно разработать проект другой машины. В соответствии с программой, заложенной в них человеком.

— Не понимаю.

— Это очень сложно. Но постепенно ты поймешь и то, как действуют наиболее сложные автоматы. Наберись терпения...

— Я терпелив... И... верю тебе...

Кама дружески пожала ему руку.

— И то хорошо. Для начала, — добавила она с улыбкой. — Продолжим тему?

Он отрицательно покачал головой.

— Может быть, для разнообразия займемся историей? Нажми «четверку».

— Я должен?

— Нет. Если не хочешь, можно прервать лекцию. Хочешь — прогуляемся по городу? Как вчера.

— Не хочу.

— Ты сегодня не в настроении. Плохо себя чувствуешь?

— Нет. Не то... Прости.

— Тебе не в чем извиняться.

— Я не хочу видеть людей.

— Тогда, может, полетим за город? Погода изумительная.

Он не ответил.

Кама нажала кнопку под пультом дидактомата. Компьютер залили теплые лучи солнца.

— Нет. Нет. Не надо...

— Почему?

Кама обеспокоилась.

За те четыре месяца, что Мюнх находился в Институте мозга, он очень изменился. Из запуганного старца, с лицом, покрытым морщинами и пятнами, с темными крошащимися зубами, кудлатой, седеющей бородой он превратился в еще молодого мужчину с гладкой кожей, здоровыми зубами и густыми темны-

ми волосами. Он носил черно-белый костюм, немножко напоминающий сутану, но не очень контрастирующий с требованиями современной моды. Теперь он носит короткую стрижку и небольшую бороду.

Это был не только результат медицинских и косметических процедур, но и заслуга адаптирующего влияния Камы. В поведении Мюнха также наступили явные перемены. Он стал гораздо спокойнее, а его взгляд приобрел более естественное выражение. Он больше не походил на ребенка, затерявшегося в таинственном и грозном мире. Он уже несколько освоился со своим новым положением: начинал набираться смелости, порой даже самоуверенности, поразительной для тех, кто столкнулся с ним в первые дни его пребывания в Институте.

Большое влияние на ускорение процесса адаптации оказало то, что с помощью обучения во сне Мюнх овладел интерязом и уже мог разговаривать с окружающими без переводческих автоматов. Он охотно учился, проявляя особо живой интерес к географии и истории. Это не значит, что он легко усваивал сообщаемые Камой сведения, несмотря на то, что информация была соответствующим образом подобрана и доизирована. Порой Кама ясно чувствовала, что Мюнх пытается скрыть от нее свои мысли, а его заверения, будто он убежден в реальности всего, что слышит и видит, не всегда звучали искренне.

Сегодня в поведении Мюнха она отметила какую-то непонятную перемену. И раньше случалось, что у него пропадало желание гулять, заниматься или беседовать. Но до сих пор он обычно говорил, чего хочет. Сейчас было иначе. Необходимо было найти причины.

Она коснулась пальцами клавиша, и стенные поляризаторы ослабили дневной свет.

— Так хорошо? — спросила она.

— Хорошо.

— Ты хочешь остаться один?

— Нет! — поспешил возразил он. — Я хочу... — он не докончил и быстро отвернулся, пытаясь скрыть замешательство.

— Да?

— Я хотел просить... — начал он, замялся и лишь немногого погодя докончил: — Расскажи... о тебе...

Кама была немного удивлена. Впрочем, этого вопроса уже давно следовало ожидать.

— Ты хотел сказать: «расскажи о себе», — поправила она и одновременно подумала, что он всегда начинает ошибаться, когда особенно сильно переживает что-то. Но почему именно теперь?

— Да, расскажи о себе, — повторил он.

— Охотно. Что бы ты хотел обо мне знать?

— Все.

Она рассмеялась немного искусственно.

— Я думаю, это было бы и сложно и неинтересно.

— Расскажи о себе. Сначала.

— Понимаю. Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе о своем детстве?

— Да, — он кивнул. Но в этом жесте чувствовалось что-то вроде сомнения. — О детстве тоже...

— Ну что ж... Я была совершенно обыкновенным ребенком. Как и большинство. Родилась я в Варшаве в 2012 году. Мои родители все еще живут там. Оба врачи. Если хочешь, навестим их. В Варшаве я окончила школу, а затем изучала психофизиологию. После института проходила практику у профессора Гарды. Потом приехала в Радов, в Институт мозга. И тут осталась...

— Ты говоришь, училась. Чему тебя учили?

— Я же говорю — изучала психофизиологию. Это наука о мозге, о нервной системе, о законах ее функционирования. Она пытается ответить на вопрос: каким образом воспринимаются ощущения, как человек видит, слышит, обоняет... Что происходит в мозге, когда мы думаем. Что такое память. Одним словом, что такое, по сути дела, душа.

— И ты знаешь? — взволнованно спросил он.

— Знаю. Правда, до полного понимания всех наблюдавших явлений еще далеко, однако я знаю уже очень много.

— Но ты не можешь об этом сказать? Да?

Она не поняла вопроса.

— О чём я не могу сказать?

— Как выглядит... душа.

Она улыбнулась.

— Было бы довольно затруднительно сказать, как она... выглядит.

— Значит, не можешь... — вздохнул он.

— Почему же! Могу! Я могу объяснить тебе, что такое твое мышление, воля, ощущение, — быстро сказала она, — только для этого потребуется очень много времени.

— Но ты скажешь?

— Конечно.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я училась.

— Понимаю... Но... но ты еще такая молодая...

— В наше время люди обучаются гораздо быстрее, чем, скажем, сто лет назад. Когда-то приходилось затрачивать массу времени только на то, чтобы запомнить различные данные, названия, определения, числа, математические формулы. Теперь усвоение информации почти полностью происходит во время сна. Я окончила основной курс в семнадцать лет. На год позже большинства моих сверстников. Однако лишь практика формирует профессиональные навыки... Моим руководителем был профак Гарда. Четыре года.

— Но это было не здесь?

— Нет. В Варшаве.

— Варшава... город? Такой же, как и этот?

— Раз в шесть больше! Ты не слышал о нем?

— Слышал. Сигизмунд... король польский, защитник веры католической, двор свой туда перенести собирался. Так говорили.

— И перенес. В самой древней части Варшавы есть даже памятник этому королю.

— Я хотел бы побывать там...

— Можем полететь в Варшаву хоть... завтра. Обычной машиной. А может, полетим втроем: ты, я и Стеф Микша?

— Да... Втроем... Тебя зовут Кама? — неожиданно сменил он тему.

— Кама. А почему ты спрашиваешь?

— Что это за имя?

— А, понимаю. Это целая история... Отец моей матери родился далеко отсюда, в городе на реке Каме. Мама очень любила моего деда. Я его плохо помню, я видела его всего несколько раз, да и то, когда еще была ребенком. Он погиб во время второй Марсианской экспедиции.

— Марсианской?

— Да. Он полетел за пределы Земли на планету Марс. И не вернулся.

— И твое имя — это река?

— Да.

— Твое имя... языческое? — докончил он по-латыни.

— Существует обычай давать детям имена, позаимствованные от названий рек, озер, цветов... «Кама» может быть также сокращением от «Камила», — уклончиво ответила она.

— Но ты не язычница? — тревожно спросил он.

— Это определение давно потеряло смысл. Когда ты лучше узнаешь наш мир — убедишься. Ты был поражен, узнав, что больше уже нет королей и подданных, нет богачей и бедняков. А ведь потом ты понял, что это хорошо. Наша жизнь еще очень далека от совершенства, но уже многое исправлено на Земле. Ценность человека определяется не его происхождением и именем, а прежде всего знаниями и работой, приносящей пользу не только ему, но и другим... Ты считаешь, что должно быть иначе?

— Томас Мор, святой мученик единой церкви божьей, писал об острове таком... Христос тоже так учил... Это я понимаю... Это не противоречит вере и заветам господа бога нашего... Но тут... нечто иное...

— Так об этом ты и хотел меня спросить?

Он поднял на нее глаза и некоторое время смотрел ей в лицо.

— Нет. Не только об этом... Я хотел, чтобы ты рассказала мне... о себе. О своей жизни. Почему ты такая...

— Какая?

— Не такая... как...

— Как кто?

— Как я. Ты не... обычная.

— Я не совсем тебя понимаю. Я такой же человек, как и ты. Только родилась я позже, чем Модестус Мюнх, и мир, в котором я воспитывалась, другой: более мудрый, хороший, а прежде всего свободный от страха.

Он беспокойно пошевелился.

— Не знаю... лучше ли этот мир. Не знаю... пока еще, — поправился он. — Но ты другая. Знаю. Это я знаю наверняка. Ты говорила: «Я была обычновенной девочкой. Я обычновенный человек... Как ты». Я тебе верю, но это... не так. Ты не хочешь себя возвеличивать. Понимаю, грех высокомерия. Ты не можешь... иначе.

— О чём ты?! Может быть, тебе кажется странным, что я, женщина, ученый, доктор? Но в наше время таких женщин-ученых миллионы. А впрочем, и столетия назад, в твое, как ты говоришь, время, тоже были женщины образованные. И даже раньше. Ты, наверно, слышал об Элоизе?

— Элоиза? Я... — он замолчал.

Вдруг, словно ослепленный ярким светом, он прикрыл глаза рукой.

— Не говори так... — едва слышно прошептал он. — Я не поэтому... Не потому, что ты мудрости полна... или прекрасна, как... ангел. Не в этом дело. Я знаю, бывали прекраснолицые и мудрые. Но ты другая! Скажи, почему ты такая... добрая... ко мне? Почему?

Она не знала, что ответить.

— Но... Я такая, какая есть.

В его глазах появился какой-то непонятный блеск.

— Да. Ты говоришь, а я слушаю. И верю. Верю тебе. Хотя... порой ты говоришь странные вещи... Даже страшно. Ты говоришь, а я чувствую, что это нравда. Смотрю на тебя, и... мне хорошо. Так, словно я... — он осекся и только спустя минуту добавил: — Когда тебя нет, мне плохо. Профак Гарда, Стеф Микша, Сан

и даже Ром Балич тоже добры ко мне. Но это не то. Скажи, почему именно ты?

— Не понимаю. Я... просто я помогаю тебе приспособиться к жизни в нашем мире. Забочусь о тебе. Такова моя задача. Я стараюсь делать это как можно лучше, вот и все.

— Кто приказал тебе это делать? А может быть, об этом нельзя спрашивать? — неожиданно смущился он.

Она улыбнулась.

— Почему же! Тут нечего скрывать. Я сама добивалась, чтобы мне поручили наблюдение за тобой. Ученый Совет Института согласился, поэтому я...

— Ты сама хотела? — живо подхватил он.

— Хотела. Не удивляйся. Твой случай очень интересен... Совершенно необыкновенен!

— Случай? Необыкновенный? Да. Необыкновенный! И ты тоже...

Прозвучал сигнал визофона.

— Пять! — произнесла Кама пароль, и на экране появилось лицо доктора Балича.

— Привет тебе, о Кама, далекая река!

— Не глупи! Что тебе?

— Не могла бы глубокоуважаемая мадам быть столь любезной и передать мне на часок своего подопечного?

— Сейчас?

— Осмелюсь покорнейше просить... Ты могла бы пока сбегать в бассейн. Я как раз оттуда. Вода и солнце... мечта. Кроме того... — он многозначительно понизил голос, — я встретил там Микшу. Стеф был бы в восторге...

— Не знаю, смогу ли.

Она взглянула на Мюнха вопросительно, но тот лишь опустил глаза. Она подумала, что в принципе хорошо бы прервать беседу и продумать дальнейшую тактику.

— Вижу, я выбрал не совсем удачный момент, — вздохнув, заметил Балич, решив, что молчание Камы означает отказ.

Однако он ошибся.

— Слушай, Мод! Ты можешь сейчас побеседовать с доктором Баличем? — спросила Кама монаха.

— Будет так, как ты пожелаешь, — ответил уклончиво Мюнх. Он не очень симпатизировал Баличу, но боялся показать это в его присутствии.

— Я думаю, мы могли бы сейчас прервать нашу беседу. Доктор, видно, хочет сообщить тебе что-то интересное.

— Я хотел бы поговорить об... аде, — сказал Балич. — А может, у тебя нет желания, брат Модест?

Мюнх беспокойно пошевелился.

— У меня есть желание, — поспешил согласился он. — Ты можешь прийти сюда?

— Уже иду!

— А может быть, мне тоже оставаться? — спросила Кама, по Рому недовольно поморщившись.

— Нет. Пожалуй, нет. Об аде лучше разговаривать с глазу на глаз, — многозначительно сказал он. — Не правда ли, брат Модест?

Монах кивнул.

Кама встала с кресла.

— Ну, так как? Я на часок уйду.

— Но мы сегодня... еще увидимся? — спросил Мюнх.

— Обязательно. А я воспользуюсь случаем и договорюсь со Стефом относительно поездки в Варшаву. Может, завтра втроем слетаем на пару часов.

— Да. Завтра.

Балича она встретила у лифта.

— Модест сегодня не в духе. Постарайся особенно его не донимать.

— Не бойся, пастырь заблудших душ. Я хотел бы только кое-что проверить. Твое присутствие может изменить реакции Модеста. Понимаешь?.. Он очень считается с твоим мнением. Если говорить честно, даже через скобки... Боюсь, тут что-то большое, чем авторитет.

— Меня это тоже беспокоит.

— Хорошо, что ты это понимаешь. А тебе не ка-

жется, что не мешает более эффективно воспротивиться усилению этого... аффекта?

Она сделала вид, что не заметила иронии.

— Делаю, что могу... Но все не так просто, как тебе кажется. Я стараюсь, чтобы он смотрел на меня как на обычного человека. Прошу тебя, не мешай, помогай мне!

— Твои желания — закон для меня, о пресвятая! — засмеялся Балич и помахал на прощание рукой.

— Значит, через час я вернусь.

— Скажем, через полтора, если будет на то воля...

— Ладно. Через полтора часа.

VI

Балич открыл дверь лекционного зала и вошел. Монах сидел в кресле и шептал слова молитвы.

— Тут немного темновато, — заметил с порога Балич. — А я хотел показать тебе один документ.

— Если надо, господин... — Минух потянулся к переключателю и зажег стены.

Балич сел рядом с ним в кресло, раскрыл тонкую папку и вынул из нее заправленный в прозрачный пластик пергамент.

— Как тебе это нравится? Скажи, брат Модест, — спросил он, подавая листок монаху.

Минух некоторое время смотрел на пергамент, потом осторожно положил его на пюпитр и перекрестился.

— Это еретическое письмо, господин. Или даже... договор с сатаной. Перевернутым письмом писано... Кто не знает — не прочтет. Нужно зеркало.

— Знаю, — кивнул Ром. Он полез в папку и вынул фотокопию документа. — Это действительно цирограф. Вот тебе прямое изображение. Дата говорит, что письмо было написано в 1639 году. Анализ подтверждает эту дату. Документ написан несколько позже «твоего» времени, но в данном случае это не имеет значения. Уверен ли ты, как специалист, что это истинный договор с сатаной?

Мюнх внимательно осмотрел копию и, пересиливая отвращение, потянулся к пергаменту. Долго, внимательно сравнивая оригинал и копию, расшифровывал подпись.

— Истинный, — наконец сказал он совершенно серьезно. — Тут в конце написано: «Как обусловлено в сим договоре, будет он, нижепоименованный Иоахим фон Грюнштейн, тридцать пять лет счастливо жить на Земле среди людей, а потом прибудет к нам, дабы с нами вместе бога проклинать». А еще ниже: «В аду на дьявольском совете утверждено». И подписи: «Сатана, Вельзевул, Люцифер, Левиафан». А тут, видишь, господин, — Мюнх показал пальцем, — продолжение. Собственной рукой Иоахима фон Грюнштейна сотворено. Что служить будет Люциферу... всю жизнь, во все времена...

— В свое время ты, Модест, видел подобные циркографы?

— Видел. Дважды. Это случается редко. Не с каждым сатана договоры составляет. Немногие писать умеют... А если даже и умеют... не всегда вступает он с ними в говор. Какой-нибудь богатый человек... или алхимик... Да и то трудно найти. Тот, кто дьяволу душу продает, не любит оставлять доказательств.

— Как же такой документ мог попасть в распоряжение суда инквизиторов?

Мюнх спокойно улыбнулся.

— Ты не знаешь, господин? Есть способы. Кто знает, тот... знает... Порой среди книг и писем отыскать можно. Порой укрыты... в тайном месте. Искать надо... А то и подстрекатель принесет. Как доказательство, что правду говорит.

— Кто?

— Подстрекатель! Тот, что доносит и процесс починаяет.

— Так. Но как такой документ попадает в руки подстрекателя?

— По-разному бывает. Порой случайно найдет... Порой и выкрадет...

— А бывали случаи, чтобы обвиняемый сам ука-

зывал место, где сирятан цирограф? Можешь ты привести такой пример?

Модест на минуту задумался.

— Нет. Не припоминаю. Но случалось... иногда. Редко... но случалось. Я слышал...

— А как ты проверял, что цирограф не подложный? Ведь подпись обвиняемого могла быть поддельной?

— Я видел настоящий, — подчеркнул Мюнх, напряженно глядя в глаза Баличу. — Генрих фон Буллендорф подписывал. В конце концов он сам признался.

— В конце концов... — повторил Ром.

Мюнх не заметил иронии в голосе Балича.

— Он долго отрицал. Упирался. Но в конце концов признал... Все! Как встретился с посланцем самого князя ада... Как тот пообещал ему десять тысяч фунтов золота и долгую жизнь... Часть этого золота нашли.

— А тебе никогда не приходило в голову, что такие доказательства могли быть специально, искусственно подделаны теми, кому нужна была смерть обвиняемого? Чтобы завладеть его имуществом или из личной мести? Кто обвинил Генриха?

В глазах Мюнха появилось беспокойство.

— Кто? — спросил он риторически. — Имя доносчика охраняется тайной святой присяги.

— И цирограф тоже передают при условии, что имя его доставщика будет сохранено в тайне?

— Да, господин.

— Но ты-то знал, кто был доносчиком?

— Знал... Особа... вполне достойная доверия.

— Действительно! —sarcastically засмеялся Балич.

Глаза Мюнха наполнились страхом.

— Господин... почему ты смеешься? Ты думаешь, я... лгу? Но я говорю правду.

— Ты хочешь меня убедить, что каждый донос был истинным? Что не фальсифицировали доказательства?

— Иногда... бывало и так... Много зла в человеке.

Порой даже среди тех, которые господу служили... Но чаще среди черни бывало... Из корыстолюбия... либо из зависти. Не раз такого ложного доносчика суду предавали. Однако верь мне, господин: когда я ведьм пытал, всегда мог узнать... кто они в действительности.

— Каким образом?

— Есть разные способы... И в книгах тоже написано...

— Значит, ты утверждаешь, что этот документ, — Балич показал на пергамент, возвращаясь к теме, — подлинный договор с сатаной.

— Да, господин. Ты же сам говоришь, что ему много лет... Тебе странно, что его не сожгли вместе с тем сатанинским ублюдком? Видно, оставили... как доказательство и предостережение... для других.

— Возможно. Но меня интересует не это. Документ написан на пергаменте, с которого убрали более ранний текст. За исключением подписи Иоахима фон Грюнштейна. — Ром полез в папку и вынул два снимка. — Посмотри! — подал он снимки монаху. — Есть методы, дающие возможность прочесть старые записи. Подпись не была затронута. Кстати, именно поэтому она и не перевернута. Взгляни на то, что было записано перед тем, как стерли текст. Это письмо Грюнштейна, адресованное...

— Это дьявольские штуки! — воскликнул Мюнх, вскакивая с кресла. Снимки упали на пол.

Балич наклонился. Поднял снимки, потом медленно подошел к монаху и взял его за руку.

— Успокойся. Можешь мне поверить: в том, как были получены эти снимки, нет ничего сверхъестественного и тем более дьявольского.

Мюнх немногого смущился, но отступать не собирался.

— Сатана мог специально воспользоваться письмом к приору.

— Ты думаешь, дьявол выкрад письмо, убрал старый текст и дописал содержание договора? В таком случае это был бы документ, подделанный сатаной, а стало быть, грош ему цена!

На лице Мюнха отразилась неуверенность.

— Может, это сделал сам Грюнштейн?

— Зачем? Он вполне мог составить документ на другом пергаменте.

Монах беспокойно поежился, но не ответил. Некоторое время оба молчали.

— Так, может быть, ты все-таки согласишься, что этот цирограф фальшивый?

Мюнх медленно поднял глаза на Балича и вдруг словно под влиянием новой мысли воскликнул:

— Нет! Не поддавайся видимости, господин! Сатана умеет ослепить нас! Все так... как я сказал! Дьявольская штука... Не тогда содеянная, а сейчас, когда ты делал эти снимки. Я знаю, на что он способен! Разве он не мог это письмо написать сейчас?.. Чтобы носить сомнение... в твоей и моей душе...

— Исследования показали, что письмо к священнику было написано четыре века назад.

— Ты молод и легковерен... Принимаешь видимость за истину. Ты не знаешь сатаны и его коварства. Подумай как следует... и ты поймешь свою наивность.

— Подумаю, — кивнул Балич.

У него не осталось никакого желания продолжать разговор с человеком, столь чуждым ему. Кама была права: это человек не больной, и, однако, его мышление не способно вырваться за пределы заклятого круга понятий четырехвековой давности.

— Ну, мне надо идти. Доктор Дарецкая скоро вернется, — сказал Балич, прерывая затянувшееся молчание.

— Ты хотел, господин, поговорить со мной об аде, — напомнил Мюнх.

— Я имел в виду цирограф. Но не только... — добавил Балич быстро, так как разочарование, отразившееся на лице монаха, подсказало ему одну мысль. — Хотя... Ты не устал?

— Нет, господин, я внимательно слушаю.

— Как инквизитор и специалист по дьявольским делам, ты, видимо, хорошо знаешь, как выглядит сатана? Ты читал множество книг, в которых рассуж-

дают об этом предмете, да и ведьмы и чародейки, наверно, не раз говорили об этом во время «следствия»?

— Говорили, — подтвердил Мюнх, кивнув головой.

— Так почему ты сам, брат Мод, когда тебя захватили эти обитатели ада, а также несколько раньше, когда ты сжигал алхимика Матеуса, видел вместо дьяволов в их обычном образе только, как ты говоришь, летающих пауков?

— Сатана... может принять любой образ. Ты же это знаешь, господин.

— Ну, хорошо. Но почему никто до этого, кроме тебя, их не видел в таком облике?

— Видели и другие... Добрые жители Кондовихтата... и отцы ордена и братья... и даже отроки видели!

— Правда. Но раньше никто дьявола в таком обличье не видел?

— Черт может принять облик любой погани...

— Но уверен ли ты сейчас, когда уже видел различные машины, автоматы, которые явно сделаны не сатаной, что это были черти? Можешь ли ты поручиться, что те летающие чудища были злые духи, а, скажем, не машины?

— Не строили люди тех «машин»... Это не машины... а если даже... Сатана может принять и образ машины!

— Слушай, Мод. Кама говорила тебе, что обитаётся не только наша Земля? Ты видел изображения планеты Марс? Очень далеко от Земли, в глубинах неба существуют иные солнца и иные земли, возможно, более древние, чем наша... Возможно, там живут мудрые существа, которые создали эти машины много веков назад! Церковь уже в прошлом веке перестала отвергать такую возможность, — добавил он, чтобы ликвидировать сомнения доктринального характера.

— Я слышал. Это не умещается в голове... Но Кама говорила... Значит, так может быть... Я не возражаю...

— Ты еще говорил, что когда тебя захватили и заперли в пустой белой келье, внутри так называемого «гриба», то больше ты уже этих пауков не видел?

— Не видел. Но мук моих это не уменьшило... На стенах знаки-призраки появлялись... пытались искушать...

— Именно это меня и интересует. Эти стены могли быть попросту большим экраном, наподобие того, который установлен здесь, в зале. Что это были за знаки?

— Разные. Круги, треугольники, зигзаги... улитки какие-то дивные... Но это вначале... Потом были картины... Словно бы среди неба черного был я подвешен... Горы какие-то, долины... А чаще всего дивы адские, желтые и красные... на пламя похожие. Чудовища мерзкие... красные, желтые, иногда коричневые и черные... Стопальные лапы ко мне протягивающие... Страшные картины! Воистину адские. Но я молился и крестом святым защищался... тогда они исчезали.

— И часто возвращались эти видения?

— Нет, господин. Сила молитвы и имени божьего велика. Им пришлось оставить меня в покое.

— Значит, эти изображения появлялись только вначале?

— Да, господин. Только вначале. Потом, когда я начал чертить на стенах знаки муки господней, они уже больше не появлялись.

— Чем ты чертил кресты?

— Крестом своим. А то и просто перстом... И стоило мне начертать один крест, как тут же появлялось множество таких же.

— Интересно. А ты не пытался чертить надписей?

— Пытался, господин! — подтвердил Мюнх живо. — Имя спасителя нашего Иисуса Христа и Божьей матери. И те надписи тоже они повторяли. Даже потом... когда я уже писать перестал.

— Ты думаешь, дьяволы могли чертить знаки креста и имя Христово?

— То могли быть знаки, господом данные.

— А если это были не посланцы ада, а существа из другого, неизвестного нам мира, прибывшие на Землю в странном корабле, который ты называешь грибом? Может быть, не зная человеческого языка, они

пытались вступить с тобою в контакт и для этого повторяли знаки, которые чертил ты?

— А она тоже так думает?

— Кто?

— Кама Дарецкая.

Балич почувствовал, как в нем закипает злость: когда же, наконец, этот человек научится мыслить самостоятельно?

— Не знаю, что думает Кама, — ответил он, потрясая плечами. — Если хочешь, спроси у нее сам.

— Я спрошу, господин... как только она вернется.

— А если она подтвердит мои предположения, то ты готов будешь поверить, что так оно и было?

— Да. Готов.

— Ты так высоко ценишь ее мудрость?

— Не только мудрость, господин. Она святая!

Ром невольно прыснул. Правда, тут же взял себя в руки, но было уже поздно.

— Смеешься, господин? — прошептал Мюнх с обидой в голосе. — Почему ты смеешься?

— Нет, ничего. Ничего. — Балич пытался замять инцидент.

— Скажи, почему? — все настойчивее напирал монах. В его глазах появились злые искорки.

— Так... случайно.

— Не понимаю. Скажи, почему?

Ром понимал, что чем дальше он будет оттягивать ответ, тем труднее ему придется. Собственно, у него не было нужды лгать. Ведь Кама сама просила, чтобы он помог ей противодействовать зарождавшейся у этого человека страсти.

— Ты спрашиваешь, почему я смеялся? — начал Балич риторическим вопросом, чтобы выиграть время.

— Да. Почему?

— Совершенно непреднамеренно. Случайно. Поверь, я не хотел тебя обидеть. Когда ты сказал, что Кама святая... я сразу же подумал: как бы она реагировала на такое заявление.

— Но почему ты смеялся?

Уклониться от прямого ответа было невозможно.

— Я не представляю себе Каму в роли святой, — сказал Балич, одновременно понимая, что, давая такой ответ, он как бы прыгает в темпоту.

— Почему? — голос Мюнха прозвучал холодно, враждебно.

— Святая — это особа серьезная, достойная, полная благородства, сторонящаяся земных радостей.

— А Кама? Она такая!

— Не совсем. Ты знаешь ее только по Институту. В личной жизни это веселая, не гишающаяся развлечений девушка.

— Я знаю. Когда мы однажды шли... по лесу... она бегала за бабочкой. Как ребенок. Или здесь... Она хотела научить меня танцевать. Но это забавы юности... Святой Франциск тоже любил развиваться. Важно, чтобы... забавы не были... превыше... бога и спасения души. Смех и веселье... если они в меру, не всегда знак греха. Порой они могут служить во славу господа нашего.

— Возможно. Но Кама ничем не отличается от миллионов других девушек.

— Неправда! — гневно воскликнул Модест. — Ты лжешь! Либо... очи твои... ослеплены!

Это уж было чересчур. Балич почувствовал непреродолимое желание одним ударом опровергнуть миф, родившийся в сознании Мюнха.

— Ты бывал с Камой в парке на Острове?

— Нет.

— Хочешь, пойдем к ней. Сейчас же. И ты сам убедишься, что она такая же, как многие другие. Ну, хочешь?

— Хочу.

VII

Мало какой город Европы мог похвастаться такими коммуникациями, какими располагал Радов, построенный почти целиком за последнее десятилетие. Надземные улицы и эстакады, соединяющие высотные здания, выполняли только вспомогательные функции, служа

местом прогулок и увеселений. Основное же городское движение проходило под землей, где движущиеся дороги выполняли роль метро.

Мюнх неоднократно посещал город с Камой. Он уже не только освоился с многоцветными потоками прохожих, мчащимися по пешеходным дорожкам сквозь ярко освещенные тоннели, полные выставочных витрин и реклам, но и приобрел определенный опыт в использовании коммуникационных устройств. Ловко перескакивая с дорожки на дорожку, Балич вел монаха сквозь подземный лабиринт самым кратчайшим путем, так что уже спустя несколько минут они были у цели.

Широкий эскалатор вынес их на поверхность, и они оказались в небольшом сквере, окруженному сосновым бором. Из укрытых среди деревьев домиков то и дело высыпали группки людей: взрослые, молодежь и дети, порой целые семейства. Смеясь и что-то крича, они устремлялись в глубь лесного парка, исчезали в тенистых аллеях, разбегающихся во всех направлениях.

Ром повел Модеста по узкой, менее людной аллейке. Перед ними шла пара: юноша полуобнимал девушку и, видимо, рассказывал ей что-то забавное, потому что она то и дело заливалась громким смехом.

Дорога то круто шла вверх, то полого опускалась. Лес поредел. Под ногами зашуршал песок.

Еще поворот, и аллейка кончилась у невысокого здания, вытянувшегося среди зелени наподобие ленты.

Паренек с девушкой скрылись за широкой двустворчатой дверью.

— Будешь купаться? — спросил молчавший все время Балич.

— Купаться? — Мюнх вопросительно взглянул на своего проводника.

— Искупаться в такой жаркий день — одно удовольствие. Это один из самых старых бассейнов в парке. А здесь — душевые, — показал Балич на продолговатое здание. — А ты вообще-то умеешь плавать?

— Не умею.

— Ну, тогда пошли дальше.

Балич толкнул дверь, пропуская монаха. С узкой террасы, защищенной козырьком, открывался вид на небольшую круглую площадку. Золотистый песок широкой полосой обрамлял эллиптический бассейн, над которым, словно вытянутая рука, вздымалась башня трамплина.

Мюнх медленно подошел к самому краю террасы и остановился, увидев людей. Их почти совершенно натягие, обожженные солнцем тела и странные позы, в которых они лежали на песке, вызывали в мозгу монаха воспоминания о виденных когда-то картинах, на которых были изображены грешники, обреченные последним судом на вечные муки. Впрочем, гул оживленных разговоров, радостные возгласы и доносившийся отовсюду смех никак не вязались с картинами ада. Женщины и мужчины, девушки и юноши, совершенно не стыдясь друг друга и николько не смущаясь, лежали рядом, гуляли, гонялись друг за другом. То и дело с трамплина, а то и прямо с берега бассейна какое-нибудь загорелое тело с плеском падало в воду. Юноши и девушки, искупавшись, взбирались на цветные плиты, окаймляющие бассейн.

— Ну, пошли! — торопил Балич.

Мюнх спустился на несколько ступеней и застыл.

По песку к ступеням, ведущим на террасу, шла молодая женщина в прозрачной купальной шапочке. Она была очень стройна и каждым движением, казалось, старалась еще больше подчеркнуть это. Ее обнаженное тело прикрывала лишь небольшая набедренная повязка. Еще влажная после недавнего купания миндалевого цвета кожа блестела на солнце.

Девушка поднялась на первую ступеньку и сорвала с головы шапочку. Волны медно-желтых густых волос рассыпались по плечам. Она откинула рукой локоны со лба, подняла голову, взглянула в сторону террасы и вздрогнула, увидев стоящего у лестницы Мюнха.

— Смотри, Кама! — воскликнул Ром.

Но Модест уже и так узнал ее. Он изумленно смотрел на девушку и не мог выдавить из себя ни слова.

Еще минуту назад он не был уверен, еще колебал-

ся. Теперь, когда их глаза встретились, он уже не сомневался... Это была она!

Он нервно сжал веки. Хотел отогнать от себя этот образ, это дьявольское наваждение.

Но образ не исчезал.

Ему оставалось только одно — бежать! Он резко повернулся и, перескакивая через ступени, бросился к выходу.

Балич догнал его уже в глубине аллеи.

— Мод! Что с тобой?!

Он схватил монаха за руку, но тот вырвался, будто рука Балича жгла его раскаленным железом.

— Отойди! Отойди! Не подходи ко мне! — почти кричал он.

— Мод! Успокойся! Что с тобой?

— Не мучай меня! Уйди! Во имя Отца и Сына...

— Успокойся! Давай сядем здесь, на траве. — Ром опять протянул к нему руку.

— Нет! Нет! Прочь! Прочь! Изыди! — Мюнх отчаянно шарил глазами по траве.

— Послушай, Мод...

Монах быстро наклонился и схватил лежащий у ног камень.

Ром не собирался отступать.

— Мод, это же глупо...

— Изыди! Изыди, не то... — предостерегающе крикнул Мюнх и замахнулся.

Ром отступил. Положение становилось серьезным.

— Что тут происходит?

Оба одновременно повернули головы.

Со стороны душевых к ним шел Микша.

— Стеф! — отчаянно закричал Мюнх и кинулся к нему. — Забери меня отсюда, Стеф! Забери! — он нервно схватил астронома за рукав.

— Хорошо. Пойдем. Так, пожалуй, будет лучше...

— Не ожидал я такой реакции, — начал было Балич, но Микша прервал его:

— Глупее не придумаешь!

— Я хотел...

— Уж лучше помолчи. Прошу тебя! Поговорим позже...

VIII

Микша долго не возвращался. Дарецкая несколько раз пробовала дозвониться до него, но напрасно.

Балич больше не пытался скрывать волнения. Он нервно метался по кабинету с такой отчаянной миной, что Кама не решалась укорами усугублять его и без того угнетенное состояние.

Наконец почти после двух часов ожидания коренастая фигура Стефа появилась в приоткрытых дверях.

— Однако я не такой уж плохой дипломат, — бросил он с порога. И, закрывая за собой дверь, добавил: — Пожалуй, что-нибудь из этого получится...

— Вы слишком долго говорили...

— Он меня дьявольски измучил, — вздохнул Микша, садясь. — Но я не жалею. Разговор был кретинский, но в общем-то дело не так уж скверно.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он ждет тебя, Кама! И с нетерпением.

— А есть ли смысл? Сейчас?

— Наверняка. Однако сначала мы должны поговорить втроем.

— Что он говорил обо мне? — неуверенно спросил Балич.

— Ой, Ром, Ром, заварил ты кашу!.. И тебе самому придется ее расхлебывать!

— Как это понимать?

— Тебе нельзя появляться ему на глаза. Во всяком случае, сейчас. Ты для него, мягко говоря, ученик дьявола!..

— Ты не пытался ему объяснить, что...

— Пытался, но впустую. Все гораздо сложнее, чем ты думаешь. Честно говоря, в этой стычке я вынужден считать тебя потерянной позицией. Во всяком случае, сейчас.

Брови Балича гневно сдвинулись.

— Вот как? Понимаю... — начал он укоризненно. — Спасая авторитет Камы, ты пожертвовал мною.

— Пожалуйста, не прерывай! Дело не в том, Кама это или кто-либо другой.., Важно сохранить влияние на Модеста,

— Ты хочешь сказать, что тебе безразлично, кто будет продолжать исследования?

— Почему же? Не безразлично! Но...

— Дайте-ка сказать и мне, — вмешалась Кама. — Дело не в авторитете, а в доверии. Это во-первых. Во-вторых, я не намерена быть предметом культа и поэтому просила еще до этого глупейшего инцидента, чтобы Ром противодействовал таким тенденциям.

— Вот теперь уж и я не знаю, кто пытается сделать из меня идиота, — вздохнул Микша.

— Подожди! В-третьих, Ром поступил неправильно, затащив Мода на пляж. Чрезмерное рвение не рекомендуется.

— Кама! Бью себя в грудь! — Ром немного остыл. — Три ноль в твою пользу! Признайся, Стеф, она одним ударом положила на лопатки нас обоих. Но может, она готовит и четвертый удар?

— Да. Есть и четвертый. Боюсь, Стеф, ты испортил все, если пытался восстановить мой авторитет так, как ты говоришь.

Воцарилось молчание. Микша глядела на Каму и улыбалася.

— Ты кончила?

— Да.

— Ну, а сейчас, если позволите, я попробую ответить. Итак, во-первых, вы оба пытаетесь мне вдолбить, что ради спасения позиций Камы я старался укрепить Мода в убеждении о ее божественном или небесном происхождении. Я вовсе не сказал, что именно таким образом пытался восстановить твое положение. Во-вторых, хоть я и считаю, что Ром сует нос в чужие дела, я вовсе не собирался его обидеть или приуменьшить его роль в выяснении загадки происхождения Модеста. Мой разговор с Модом лишь начало! Я бы сказал, первая разведка. Просто, обдумав все, я пришел к выводу, что в данный момент будет лучше, если Ром исчезнет из поля зрения Мода. Чересчур настойчивые попытки убедить его, что он должен верить тебе, Ром, могут привести к совершенно неожиданным результатам. Я поселял бы неверие в себя самого. Ты скажешь, что это эгоизм. Может, так оно и есть. Но зачем

ставить на карту все? Не лучше ли двигаться вперед постепенно? Когда я расскажу вам, как обстоит дело, вы, вероятнее всего, согласитесь со мной.

— Так говори же наконец, — нетерпеливо сказал Балич.

— Я говорил тебе, Ром, что ты заварил кашу. Однако должен тебя утешить: нет худа без добра.

— Так, значит, ты признаешь... — обрадовался Балич. — Мое лечение шоком помогло?

— Не спеши. Последствия этого шока совсем не такие, каких ты ожидал. Сдается мне, я сделал одно открытие: из нашего с Модом разговора совершенно определенно следует, что мир, в котором он — а вместе с ним и все мы — сейчас живет представляется ему миром нереальным.

— Нереальным? — вопросительно протянул Балич.

— Это мир мнимый. Все, что Мюнх видит и слышит, не существует. Все это создано добрыми или злыми силами. Какими именно, он не знает. И именно это удручет его больше всего.

— Чепуха. В его поведении нет ничего, что давало бы основания выдвинуть такую странную гипотезу. Он знает, что живет на Земле в 2034 году. Учится пользоваться автоматами, разговаривает с нами, спрашивает, старается понять, говорит, что верит нам, или пытается отрицать то, что слышит от нас. В общем ведет себя нормально. Разумеется, по-своему, но нормально. Откуда такие предположения?

— Он сказал это сам! Видимо, в приступе откровенности после такого шока.

— Сам? В какой форме?

— Мне трудно точно повторить его слова. А записать разговор я не мог. Он просил, чтобы я выключил все аппараты. Он сказал: то, что он увидел на пляже, было для него страшным потрясением, но только потому, что на мгновение ему показалось, будто это реальный мир. Это было испытание, и он считает, что справился с ним не наилучшим образом. Однако самое скверное то, что он просто не знал, как должен был поступить. В одном он убежден: это был знак, что

в мыслях своих он заблуждается. Он должен побороть в себе слабость. Когда я попытался его убедить, что во всем, что он видит и слышит, нет ничего таинственного и противоестественного, он спокойно выслушал мои доказательства и сказал, что знает: именно так мы все тут и должны говорить. Потом как будто сообразил, что сделал глупость, высказав мне это, потому что спросил, можно ли ему вообще об этом говорить. Разумеется, я уверил его, что абсолютно никто не будет упрекать его за откровенность. Однако в дальнейшем он был уже осторожнее. Он только дал мне понять, что меня и тебя, Кама, считает чем-то вроде ангелов-хранителей.

— А меня посланцем ада, —sarкастически докончил Ром. — Что-то не очень мне хочется в это верить.

— И все-таки это так.

Кама встала с кресла и подошла к столу. Потянулась к лежащей среди бумаг записной книжке. Раскрыла ее, потом машинально захлопнула и опять положила на стол.

— Нам пора подумать о практических выводах, — сказал Ром. — Мне кажется, дело становится безнадежным, и Гарда был прав. Без физиологической терапии об адаптации нечего и говорить.

— Ты тоже так думаешь? — обратился Микша к Каме.

Она не ответила.

— Значит, да, — сказал Микша.

Кама медленно отвернулась от окна. Минуту смотрела на Стефа, потом отрицательно покачала головой. Опять подошла к столу и взяла блокнот.

— Утром мне звонил профак Герлах из Штутгартта. Он несколько лет вел археологические работы в районе монастыря в Урбахе. Герлах предлагает привезти туда Модеста. Ему хочется проверить, в какой степени «наш» Мюнх ориентируется в топографии монастыря. Средневековый инквизитор Мюнх провел там пять лет. Правда, от строения сохранились только юго-восточное крыло и руины северного, но и этого достаточно, чтобы определить, каким объемом сведений располагает Мод. Однако, может быть, мы получим таким

образом не только доказательства «за» или «против» идентификации этих двух личностей.

— А что же еще?

— Может быть, непосредственное столкновение с прошлым, реальным прошлым позволит Модесту понять, что планета, по которой он ходит, это не иллюзия, а та же самая Земля, по которой он ступал четыреста пятьдесят лет назад. Если, разумеется, он вообще тогда ходил.

IX

Микша поставил машину перед небольшим автоматизированным павильоном. До монастыря оставалось еще около двух километров. Пешеходная тропа извивалась по заросшему лесом склону холма. Урбах находился в туристическом районе класса «С», закрытом для движения всех видов транспорта.

Профак Герлах предложил что-нибудь перекусить перед тем, как идти дальше, но Мюнх лишь выпил стакан сока, быстро вышел из бара и направился к тропинке, ведущей к монастырю. Дарецкая, Герлах и Микша вынуждены были, не откладывая, последовать за ним, тем более что не трудно было заметить, как серьезно он относится к этому походу.

Поднимаясь по склону, он то опережал товарищей, то задерживался у наиболее крупных валунов, опутанных фантастически искривленными корнями деревьев. На вопросы отвечал неохотно, порой, казалось, не слыша того, что ему говорили.

Такое поведение показалось Герлаху странным.

— Он определенно притворяется, будто узнает дорогу, — заметил Герлах колко. — В действительности дорога к монастырю через лес проложена лишь в девятнадцатом веке...

Микша тут же решил проверить предположения археолога.

Он догнал Мюнха, на минуту задержавшегося у какого-то ручья, и спросил напрямик:

— Ну как? Узнаешь?

Монах взглянул на него, словно очнувшись от сна.

— Ты спрашивал?

— Я говорю, узнаешь дорогу?

Мюнх отрицательно покачал головой.

— Нет... Сначала мне казалось, что узнаю...

Но нет... Теперь точно знаю! Я помню. К монастырю надо было идти прямо... в гору.

— Верно! — подтвердил Герлах. — Но ты говорил, будто что-то вспоминаешь? — подозрительно добавил он.

— Я думал, что... узнаю, но... вырос лес... Нет, раньше этой дороги не было.

Он опять ускорил шаги.

— Об этом он мог читать... Хотя бы в моем труде, — добавил, понизив голос, археолог.

— Посмотрим, что он скажет наверху.

Руины монастыря неожиданно вынырнули из-за зарослей, образующих здесь непроходимую чащу по обеим сторонам тропинки. Выщербленная стена таращила глазницы пустых оконных проемов.

Мюнх, первым увидевший руины, бросился к ним, но уже на полпути остановился. Хотя остальные догнали его, он продолжал стоять, целиком поглощенный раскрывшимся перед ним видом.

Тропинка шла вдоль стены, сворачивая в пролом.

— Узнаешь это место? — спросила Кама.

Мюнх утвердительно кивнул.

— Но врат... были... не здесь! — начал он отрывисто. — Это только калитка в сад, — он показал на пролом. — Была калитка... — добавил он. — А здесь, — он очертил в воздухе круг, — сад.

Герлах нервно потер подбородок.

— Если тут был сад, то его, вероятно, окружала какая-нибудь стена?

— Да! — подхватил Мюнх. — Была стена. Высокая...

— Ты помнишь, как она шла? — спросил Микиша.

Монах осмотрелся, потом решительно подошел к сохранившемуся участку стены, неподалеку от того места, где они стояли.

— Здесь! А дальше там! — он показал в глубь ле-

са. — Потом направо и опять к монастырю... С той стороны! Недалеко от врат.

— Не осталось никаких следов... — заметила Кама.

— Нет, — обеспокоенно повторил Мюнх. — Не знаю... А может, не здесь?.. Не знаю... Не знаю... Нет! Стена была здесь! Наверняка! Я помню.

— А врата, о которых ты говоришь? Где они должны быть? — спросил археолог, внимательно глядя на монаха. — И что это за врата?

— Врата монастыря, главные врата.

— Ну, так отведи нас к этим вратам, — сказал Герлах, обмениваясь взглядами с Микшай и Дарецкой.

Мюнх подошел к пролому и свернул в развалины. Однако в проходе между стенами он остановился, внимательно осматриваясь вокруг.

— Что тут было? — спросил археолог.

— Коридор. А тут кухня, — показал Мюнх на дверной проем, заросший кустами... — А там, — он показал на отверстие в противоположной стене, — лестница в подвалы.

— Ты читал Бергманна?

Мюнх вопросительно посмотрел на Герлаха, потом сказал:

— Не понимаю.

— Я думал, ты читал работу Бергманна: «Отчет об исследовании средневекового монастыря доминиканцев в Урбахе».

— Кто такой Бергманн?

— Историк. Он несколько лет изучал эти развалины.

— И что?

— Ничего. Он тоже предполагал, что где-то тут должен быть вход в подвалы.

— Был. Я помню. Тут была лестница. — Мюнх подошел к пролому. — Все поросло кустарником.

— Пойдем дальше.

Они вышли на просторную четырехугольную площадку, окруженную галереей. Две стены лежали в руинах, две другие хорошо сохранились или были реконструированы. В центре площадки возвышался колодец с большим воротом.

— Этого здесь не было! — сказал Мюнх.

— Но это очень старый колодец, — с сомнением заметил археолог.

— Его не было. Я хорошо помню. Колодец был в саду. Недалеко от въездных ворот.

— Слева или справа?

— Слева. Я сейчас покажу. — Модест пошел к большим окованным дверям в сохранившейся части здания. В них были прорублены другие, маленькие дверцы. Они тут же автоматически распахнулись перед Мюнхом, открывая мрачные сени.

— Если вы желаете, чтобы вас сопровождал голос гида, произносите в каждом помещении пароль «707», — донеслись из сеней тихие, но отчетливые слова.

Модест, который в этот момент как раз переступал порог, остановился, потом резко отступил.

— Кто-то что-то сказал. И открыл дверь. А никого нет. — Он беспокойно оглянулся на Каму.

— Не волнуйся. Это автомат. Машина, заменяющая экскурсовода.

— Машина... — неодобрительно повторил монах.

Они вошли в коридор. По обеим сторонам располагались двери. Однако внимание Мюнха привлекла противоположная стена, где в неглубокой нише белела слабо освещенная фигура божьей матери. Он подошел ближе, минуту стоял неподвижно, потом повернулся к товарищам. Было видно, что он чем-то глубоко взволнован.

— Где выход? — спросил он.

— Выход?

— Здесь был ход. Почему его замуровали?

— Пойдем, увидишь сам, — сказал Герлах и, взяв его за руку, слегка подтолкнул к ближайшей двери.

За дверью оказался длинный коридор с входами в кельи. Археолог открыл ближайшую дверцу.

Скромное ложе, скамейка, в глубине небольшое открытое оконце.

Монах подошел к окну. Отсюда была видна обширная долина, уже погруженная в предвечерний сумрак. Только далеко, на склоне противоположного холма еще

горели в лучах заходящего солнца стены каких-то современных зданий. Росший по склонам монастырского холма лес лежал внизу, так что вершины деревьев кое-где выступали над краем бетонной плиты, поддерживающей старый фундамент монастырского строения.

— Что это? Зачем? — обратился Мюнх к Герлаху. — Тут же была дорога!

— Дороги нет. Тут когда-то был оползень, — объяснил археолог. — Часть склона рухнула. Кажется, еще в семнадцатом веке. Восемьдесят лет назад, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение склона, была выложена бетонная подпорка.

— Когда был оползень?

— Лет триста назад. Тогда ворота заложили кирпичом и, видимо, сделали новый колодец во дворе. Потому что тот, в саду, был засыпан. Однако, я думаю, остались какие-нибудь следы, которые удастся обнаружить с помощью зондирования.

Они вышли в коридор.

— Где была твоя келья? — спросила Кама.

Мюнх поднял па нее глаза, но, видимо, вопрос не дошел до его сознания, потому что спустя минуту он спросил:

— Ты что-то сказала?

— Я спрашиваю, где была твоя келья?

По лицу Мюнха прошла нервная дрожь.

— Моя келья?.. Не здесь. С другой стороны. Ближе к часовне.

Дверь в монастырскую часовню располагалась рядом с покосившейся колокольней, там, где сходились два уцелевших крыла здания. Мюнх остановился на пороге и опустился на колени на большой, выщербленной от времени плите.

Чтобы не мешать погруженному в молитву Мюнху, Дарецкая, Герлах и Мицша, беседуя вполголоса, присели около колодца. Разумеется, тема могла быть лишь одна: как прошло испытание.

— Либо это какой-то крупный исследователь, о котором, как это ни странно, я ничего не слышал, — взволнованно сказал археолог, — либо... не знаю, даже что и подумать. Он прекрасно во всем ориентируется,

словно действительно был здесь четыреста лет назад... В некоторых случаях его замечания проливают новый свет на спорные вопросы. Например, этот колодец в саду. Надо проверить.

— Значит, ты считаешь, что это действительно может быть инквизитор Мюнх?

— Этого я не говорю, но... — Герлах замолчал, так как именно в этот момент монах кончил молитву, наклонился, поцеловал каменную плиту и встал.

Герлах подошел к нему и спросил, показывая на плиту:

— Что это за камень?

— Тут лежит настоятель монастыря Альберт фон Градек. В юности он был великим грешником. Но господь простил его. Умирая, он приказал похоронить себя здесь, у порога. Чтобы все топтали его могилу.

— На плите была какая-то надпись. Теперь буквы стерлись...

— Тут были только инициалы: А. Ф. Г. И год: 1583. Больше ничего.

— Ты его знал?

— Да. Я был здесь, когда он умирал... Надпись выбил в камне брат Гильдебрандт. Плита была больше, гораздо больше... Но треснула... Брат Гильдебрандт сделал из обломка еще одну... Маленькую. С молитвой за упокой души отца Альберта. Ее вмурровали в колонну. В часовне.

— Ты можешь показать это место? — нервно прервал Микша.

Мюнх молча вошел в часовню.

В полумраке, почти вслепую, отыскал нужную колонну и табличку.

— Здесь! — он наклонился и коснулся плиты. — Мне казалось, она была выше, — удивленно заметил он. — А сейчас она у самого пола...

— Ты прав. Она была выше, — подтвердил археолог. — В восемнадцатом веке пол подняли на шестьдесят сантиметров.

Он сказал это шепотом, словно более громкий разговор мог нарушить тишину отдаленных веков, замкнутую в старых стенах святилища.

Уже наступила ночь, когда они спускались с холма. Герлах и Микша шли впереди, освещая фонариком дорогу. За ними Мюнх, последней шла Дарецкая.

Еще до посещения монастыря было решено, что они переносят в павильоне отдыха. Теперь план изменили, так как Герлах хотел утром вернуться со своими ассистентами, чтобы провести подробные исследования и проверить точность информации Мюнха.

Шли молча. Говорить никому не хотелось. За все время Герлах и Микша перебросились лишь несколькими фразами.

Мюнх молчал. Кама все время старалась идти рядом с ним и, хотя в темноте не видела его лица, прекрасно понимала, что он ведет сам с собой какую-то отчаянную дискуссию. Несколько раз до нее долетали обрывки фраз, произнесенных шепотом по-латыни.

— Зачем? Зачем, господи?.. Прости мне слабость мою... Дай знак... Смогу ли... Будь милосерден...

В самолете он, казалось, успокоился. Всю дорогу творил вечернюю молитву. Видимо, он уже принял какое-то решение, потому что перед самой посадкой в Радове схватил за руку сидящую рядом Каму и, молитвенно глядя ей в глаза, спросил:

— Мы можем сегодня поговорить?

— Конечно. Я зайду к тебе после ужина. Стефу тоже прийти?

— Нет, нет. Только ты.

Она чувствовала, что кризис, начавшийся, а может, только прорвавшийся наружу во время инцидента на пляже, начинает вступать в решающую фазу.

X

В таком состоянии Кама не видела Мюнха давно. Правда, она понимала, что по возвращении из урбахского монастыря ее ждет нелегкий разговор. Однако не ожидала, что реакция Модеста после встречи с прошлым будет столь бурной. Теперь, когда он стоял пе-

ред нею, воздев руки, он вновь казался тем же странным, полусумасшедшим монахом, которого несколько месяцев назад привез в Институт Микша.

— Ты мне скажешь! Поклянись, что скажешь! — нервно повторял Модест.

— Конечно, скажу. Если только смогу...

— Поклянись!

Он настойчиво смотрел на нее.

— Клянусь.

— Если позволит Он... Да... да... Все зависит от Него...

— Скажи же, наконец, в чем дело?

— Нелегко сказать... Не удивляйся... Я несчастный, глупый человек. Надломлен дух мой... Я думал... Я долго думал и... ничего не знаю... Не понимаю. Наверно, я не должен спрашивать... Нельзя спрашивать? Да?

— Чего ты не понимаешь?

— Зачем? Зачем? Зачем я здесь? Я знаю, что делаю не то... Пути всевышнего неисповедимы. И не мне пытаться понять их. Но я все время думаю... Я больше не могу... Спрашивать грешно? Конечно, грешно!

Пот выступил у него на лбу.

— Не грешно, — сказала Кама. — Спрашивать, Модест, надо всегда. Только не знаю, смогу ли я ответить на твои вопросы. Ты хочешь знать, как ты оказался здесь, среди нас? Как это случилось? Этого мы не знаем. Пока еще не знаем. Есть лишь предположения, но этого мало. Однако, я убеждена, мы найдем ответ и на этот вопрос.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет! Нет! Не то. Как это произошло, я знаю. Я помню... Злые силы... Но я спрашиваю не об этом. Я спрашиваю: зачем, зачем я здесь?

— То есть как «зачем»? — нахмурила она брови. — Я тебя не понимаю. Попытайся объяснить понятнее.

— Господь наш ничего не делает без цели, — сказал он почтительно. — Пути его неисповедимы. Так должно быть. Я понимаю, но... Наверное, ты знаешь зачем. А говорила: спрашивать не грех.

— Я еще не очень понимаю, о чем ты. Что я должна знать?

— Я видел сегодня там... в Урбахе. Это действительно был Урбах. Те же стены... Только прошло время... Это Земля... — пытался он объяснить. — Это тот же самый мир. Но другой... какой-то... не такой... Я не понимаю: почему? Ты говорила: мир изменился... И еще говорила, что это хорошо... Но тогда... в моей прежней жизни... я верил: правда божья победит. Царство божие... Где оно, это царство? Я не знаю... Не понимаю. Смотрю и вижу... Да. Это тот же мир. Те же стены, тот же дом божий, парк, галереи... Те же колонны в часовне, камень на могиле отца Альберта... Это ничего, что надпись стерлась. Я понимаю, время идет, прошли века... Но ведь есть же бог! Христос, его учение... А сейчас... я смотрю и не могу понять. Я думал это царство божие. Но нет. Потом я думал, что это мираж... дьявольское наваждение... искушения... Но нет. Пожалуй, нет. То, что я видел сегодня, было в действительности... Кто ты? — напряженно всматривался он в ее лицо. — Я не знаю, кто ты. Кто Стеф и кто доктор Балич... профак Гарда и другие достойные мужи? Вы добры... ко мне... Но... вы не говорите... никогда не говорите... о Нем!

— О ком?

— О боге. О господе нашем. Где Он? Если это мир без бога, то... — Мюнх осекся, и его глаза наполнились изумлением.

Кама давно ожидала этого вопроса. Она прекрасно понимала, что процесс адаптации, по сути дела, до сих пор носил лишь внешний, формальный характер. Она рассматривала его, как подготовку к решительной попытке преобразить психику этого человека. Но только сейчас она по-настоящему поняла, какие трудности ее ждут.

— Успокойся, — сказала она как можно мягче. — Мир, в котором мы живем, еще не совершенен, но он, несомненно, лучше, чем тот, в котором ты жил четыре века назад. Ты еще слишком мало живешь среди нас, слишком мало еще видел, чтобы судить о нем.

— Знаю. Я стараюсь понять, но это нелегко. Ска-

жи, — схватил он ее за руку. — Скажи! Цель, какова цель?

— Цель? Чего?

— Того... что я... здесь. Чего хотел господь? Это награда? А может быть, кара?

— Это не награда и не кара. Каким-то образом ты оказался в нашем времени. Кто это сделал и для чего, мы не знаем. Но поверь мне, кара или награда здесь ни при чем.

— И все-таки... Те дьяволы... демоны...

— В нашем мире нет демонов. Я тебе уже говорила.

— Ну, да... — неуверенно согласился он. — Хвала господу, но... Это невозможно!

— Что невозможно? Что здесь нет дьявола?

— Нет. Нет. Я тебе верю. Стараюсь верить... Но невозможно, чтобы не было цели. Все имеет цель. Если не кара и не награда, то... задание. Скажи. Что я должен делать? Как служить Всевышнему?

— Попытайся понять...

— Да! — резко прервал он. — А ты? Как служишь ты? — он впился в нее взглядом. — Кому служишь?

— Людям.

— Человек — прах. Прах — тело его. Разве ты заботишься о душе человека?

— Да, — подняла она голову. — Да. Именно в этом моя задача.

Одновременно она подумала, как неверно он может истолковать смысл ее слов.

— И о моей душе тоже? — спросил он взволнованно.

— С того момента, как ты появился здесь, прежде всего о твоей.

— И ты борешься с сатаной?

— Можно сказать и так, — улыбнулась она своим мыслям.

— Нет, — покачал он головой. — Все не так, как ты говоришь! Я чувствую... Не так! Этот мир... мир греховный! Я видел...

— Что ты видел? — внимательно взглянула на него Кама.

— И ты еще спрашиваешь? Ты же знаешь... Там, в тех кущах... возле воды, на песке... То, что я там видел... это истина? Скажи?

— Истина. Ну и что из того, если увиденное тобой не было ни сном, ни сатанинским наваждением? Почему это должно быть доказательством греховности нашего мира?

На какой-то момент он словно бы смущился, потом ответил, избегая ее взгляда:

— Не о тебе... я хотел говорить. Ты должна быть такой же... как другие. Я уже понял... Значит, так нужно... Микша мне объяснил...

— Не уверена, что ты правильно его понял. За последние века многое изменилось, и то, что тебе кажется греховным, сегодня никого не возмущает. Да, мы обнажаем тело, но это продиктовано прежде всего заботой о здоровье человека. С этим ты должен согласиться.

— Все не так, как говоришь ты. Тело — источник греха. Разве годится наблюдать его обнаженным?

— В чем ты видишь этот грех?

Он ссупутился, словно под непомерным грузом, и, не глядя на Каму, сказал:

— Оно рождает плохие мысли.

— Уверяю тебя, во мне тело человека не пробуждает никаких дурных мыслей. Если вдобавок оно молодо, здорово, гармонично развито, закалено воздухом, солнцем и водой, оно может вызывать только хорошие мысли. И это правильно. А если оно в ком-то и пробуждает скверные мысли, значит источник этих мыслей не в обнаженном теле, а в большой душе того, кто не может на него смотреть как должно.

— Ты думаешь... больна моя душа? — прошептал он тревожно, поняв смысл намека.

Она утвердительно кивнула головой.

— А если все не так, как ты говоришь? — с трудом выдавил он.

— А как же?

— А если ваше время... это время... упадка? Я смотрю и вижу. Я ходил с тобой, я даже пытался

сам... Эти люди — молодые, ножилые, даже дети... даже старики... Неужели это дети божьи?!

— С того времени, когда жил ты, произошли большие перемены, но ты убедишься сам, что человек стал лучше.

— Лучше?! Нет! Этот смех... Эта радость... Всюду: на улицах, в залах, в садах... Почему радость? Чему они радуются? Разве думают они о боге нашем? Нет! Только о себе! Об утехе тела! Никто не молится, никто не хвалит бога! А ты? — он внимательно смотрел на нее. — А ты молишься?

— Я же тебе говорила, мир изменился, — пыталась она выбраться из щекотливого положения. — Когда-то, много веков назад, люди много молились. Постоянно говорили о боге и любви к ближнему. Ну и что? Разве не было зла, несправедливости, преступности? Хуже: разве во славу господню не убивали друг друга? Нет? Не грабили, не преследовали друг друга? Сейчас нет войн между людьми, нет преследователей, нет мучений и страха.

Он подозрительно взглянул на нее.

— Так ты говоришь. А что ты думаешь? Ты же знаешь: все зло от дьявола. Человек слаб, немощно тело его. Душу надо спасать. Душу! Ты говоришь так, словно не знаешь... Ведь когда приходилось пытать, отправлять на костер... то... ведь... это только потому, что душа, душа... важнее! Только поэтому. Чтобы отобрать добычу у сатаны...

— И ты никогда не сочувствовал своим жертвам? Тебя не мучили угрызения совести?

— Как ты можешь? — он смотрел на нее со страхом. — Ты не понимаешь?! Ты думаешь, у меня нет сердца? Ты думаешь, я не страдал вместе с ними?! Но ведь... я же сказал! Ради спасения их души. Из любви к ним, а не из ненависти. Не было во мне ненависти. Я ненавидел только сатану. Только его!

Найти общий язык с этим человеком было невозможно. Он был явно болен.

— Ну хорошо, — сказала Кама несколько иронически. — Я тебя понимаю.

Она ласково погладила его руку, но он резко вырвал ее, отскочил на середину комнаты.

— Нет! Нет! — истерично крикнул он.

Неожиданно, словно придя в себя, он овладел собою и покорно прошептал:

— Прости.

Потом подошел к креслу, тяжело опустился в него и спрятал лицо в ладонях.

— Я сказала, что понимаю тебя, — спустя минуту сказала Кама, пытаясь говорить как можно мягче. — Постарайся об этом не думать. Ты еще не все можешь понять, но особенно не отчайвайся. Тебе нужно лучше узнать наш мир.

Он медленно поднял голову. В глазах стояли слезы.

— Я хотел бы поехать... в Рим.

— Конечно. Это просто. Можно поехать хотя бы завтра.

— Да! Да! Завтра! — нервно ухватился он за назначенный ею срок. — Я увижу там настоящих священнослужителей, монахов... Ты говорила...

— Ну конечно же! Там интересуются тобой. Кардинал Перуччи хотел с тобой побеседовать.

— Кардинал! — неуверенность, отражавшаяся на лице Мюнха, сменилась возбуждением. — Завтра!.. Завтра же!..

— Ну, а теперь, пожалуй, пора и спать, — сказала она, направляясь к двери.

— Ты уходишь? Еще минуту, — остановил он ее у порога. — Прости меня.

Поездка в Рим, на которую Мюнх возлагал столько надежд, к сожалению, оттягивалась. Кама, Ром и Стеф на следующее утро были вызваны в Нью-Йорк на всемирный симпозиум историков. Там развернулась оживленная дискуссия о Мюнхе, его странном поведении в Урбахе, и профак Гарда был вынужден не только полететь туда сам, но вызвал на помощь Дарецкую, чтобы бросить на чашу весов солидные доказательства, полученные в результате психофизиологических исследований.

Модест был так угнетен отсрочкой полета в Рим, что категорически отказался сопровождать Каму. Впрочем, она особенно и не настаивала, решив, что психическое состояние Мюнха оставляет желать лучшего, а неизбежные вопросы во время дискуссии могут отрицательно повлиять на его самочувствие.

Как и предполагалось, тезис Герлаха о том, что человек, найденный в карконошском заповеднике, это инквизитор XVI века Мюнх, вызвал всеобщее сопротивление. Запланированное на один день пребывание Дарецкой, Балича и Микши в Нью-Йорке затянулось на несколько дней, а конца дискуссии видно не было.

На третий день пребывания на симпозиуме Кама соединилась с Радовым, вызывая монаха к ви-
зофону.

Внешний вид Модesta весьма обеспокоил ее. Обведенные кругами, беспокойно бегающие глаза, бледное лицо и нервно сжатые губы говорили о том, что состояние Мюнха значительно ухудшилось.

— Когда... в Рим? — спросил он без всякого вступления, просительно глядя в глаза Каме.

— Уже скоро, — пыталась она его успокоить. — К сожалению, некоторые обстоятельства требуют моего и твоего присутствия в Нью-Йорке. Сегодня я прилечу за тобой.

— Нет, — отрицательно покачал он головой. — Я не хочу. Я не полечу.

— Сделай это ради меня, — пыталась она убедить его. — Прошу тебя. Мне необходимо твое присутствие.

— Сколько... дней? — спросил он неуверенно.

— Немного. Два, может, три.

— Я... хочу в Рим, — глухо повторил он. — Я должен там быть. Сейчас же. Обязательно!

— Хорошо. Я постараюсь поскорее закончить дела в Нью-Йорке. Но твое присутствие здесь необходимо. Сегодня вечером я прилечу за тобой. Хорошо?

Он нервно сжал веки, потом поднял на Каму глаза.

— Хорошо.

В комнате было пусто. На террасе Модеста тоже не было. Кама пыталась отыскать его по сигналам персонкода, но «личный сигнализатор присутствия» не отвечал. Этот факт можно было объяснить двояко: либо владелец персонкода находится дальше, чем в трехстах километрах от Радова, либо его сигнализатор поврежден. Это легко было проверить, подав через аварийную помощь сигнал на сеть спутников.

Через пятнадцать минут пришел ответ: за два часа до прилета Камы из Нью-Йорка аварийная служба приняла «сигнал повреждения» и тут же выслала местный поисковый патруль. По радиоактивным следам патруль отыскал поврежденный персонкод в зарослях на берегу Одры, вблизи последней станции западного радиуса радовской подземной дороги. Когда Кама сообщила номер персонкода Мюнха, оказалось, что это как раз и был тот самый аппарат.

О случайному повреждении нечего было и говорить. Походило на то, что Мюнх сознательно уничтожил сигнализатор, к тому же весьма примитивным способом, просто-напросто разбив его камнем.

Уничтожение персонкода было для Камы тяжелым ударом. Правда, в последнее время Модест все чаще бунтовал против того, что видел и слышал. Но одно дело сопротивление попыткам навязать ему чуждую концепцию мира, и совсем другое — активное выступление против этого мира.

— Пожалуй, ты все-таки преувеличиваешь, — пытался переубедить Каму Микша, когда она высказала ему свои опасения. — Ведь случается, что мальчишки, сбежавшие из дома, уничтожают персонкоды, чтобы родители не знали, где их искать. Модест тоже в какой-то степени напоминает ребенка. Может, он думал только об этом.

— Нет! Нет! Тут совершенно другое. Знаешь, чем был для него персонкод? Как-то я пытаюсь ему объяснить, но он совершенно не улавливает технической стороны дела. Для него персонкод — чудесный прибор,

и даже не прибор, а образно выражаясь, еще одно воплощение... ангела-хранителя.

— По правде говоря, он в какой-то степени нрав... Но будь так, как ты говоришь, он не уничтожил бы аппарата. Неужели ты допускаешь, что человек, непоколебимо верящий в ангела-хранителя со всеми его неземными свойствами, отважится его... убить?

— В том-то и дело! — подхватила Кама. — Я хорошо знаю Модеста, во всяком случае, мне кажется, я понимаю, что происходит в его голове. По его мнению, персонкод может служить либо силам небесным, либо... адским. Третьего не дано. До последнего времени мне казалось, что учитывать следует только первую возможность. Сейчас, увы, приходится признать и другую.

— Ну, хорошо. Пусть будет по-твоему. Уничтожая персонкод, он уничтожил какого-то там дьявола или, вернее, его инструмент. Ну и что? Разве это в чем-либо изменяет положение? Он скоро убедится, что это было бессмысленно.

— Он начинает сражение с нашим миром.

— Оно заранее проиграно. Не пройдет двух дней, и он капитулирует. Ты думаешь, когда его прижмет голод, он не воспользуется пищевым автоматом? Хоть и будет верить, что это сатанинская штучка?

— Ты не прав. Голодом его не возьмешь. Впрочем, дело не в этом. Не думаю, чтобы он попытался начать борьбу со всем миром техники. Суть дела не в этом. Неужели ты не понимаешь? Чтобы отважиться ударить камнем по персонкоду, нужна не только храбрость. Мы потерпели поражение! Мы все! И прежде всего я! Поступив так, Модест недвусмысленно показал, что не просто нам не доверяет, а считает нас представителями злых сил. Вернее, сил, которые, по его мнению, враждебны богу. Не могу простить себе, что приказала ему ждать, оставила его одного. Он просил, чтобы я вернулась... Ему нужна была помошь. Тогда еще не все было бы потеряно.

Миккина наступился.

— Ты думаешь, он уже не вернется?
Она кивнула.

— Более того. Я начинаю опасаться, что дело вообще безнадежно, что без нейрофизиологической терапии не обойтись, не избежать вторжения в глубь его мозговой системы. Может, я и ошибаюсь. Может, просто выбрала не тот путь. Но как бы там ни было, это не облегчит дальнейшей работы тем, кто примет ее после меня. Я только зря потратила время... Я должна была поехать с ним в Рим... Это может показаться тебе странным... но я привязалась к нему. Этот человек... как бы больной. Больной и очень несчастный. Он все время мечется. Он нигде не может найти покоя. На каждом шагу на него обрушаются удары. Он не может найти себе места. Не умеет. Он жил и все еще живет в аду. В настоящем аду самоистязания. Разве мы... мы, люди двадцать первого века... отдаем себе отчет в размерах пропасти, отделяющей нас от времени Модеста Мюнха? Разве можем мы осуждать его за то, что он такой? Мне думается, мы должны ему сочувствовать. Я, например...

— Ты сгущаешь краски, — пытался утешить Каму Стеф. — Я думаю, он вернется, и довольно скоро. Во-первых, один он не справится, во-вторых, ты для него не только врач.

— Не знаю. Порой это вызывает совершенно обратную реакцию. А что касается того, что один он не справится, то это тоже не совсем верно. Мы с Модестом уже немало поездили по стране, а он достаточно разумен, чтобы использовать современные достижения техники. Он легко усваивает правила игры, пусть даже видя в ней бог знает что. Меня больше волнует другое: как бы он не совершил какой-нибудь глупости.

— Не успеет. Вряд ли он мог спрятаться так, чтобы его нельзя было отыскать за два-три дня. Впрочем, чем скорее он начнет действовать, тем скорее его отыщут. А ты и правда не догадываешься, где он может быть?

— Догадываюсь. Именно поэтому и волнуюсь...

— Ну, что он может сделать? Даже если уничтожит несколько автоматов... Для того чтобы вызвать какую-нибудь значительную катастрофу, необходимы солидные технические знания.

— Я имею в виду не это. Он слишком осторожен, чтобы попытаться так вот сразу разрушить мир, в котором живет. Даже если считает его делом рук дьявола.

— Значит, ты думаешь, он просто сбежал от нас?

— Не только. Скорее, он не бежит, а ищет...

— Что?

— Своего бога. Точнее: ответ на вопросы, которые вызывают у него все большее беспокойство.

— Почему же ты за него волнуешься?

— А ты думаешь, ответ будет таким, какого он ждет?

XII

Он молился долго и усердно. В часовне царил полу-мрак, свет лампадки перед алтарем и тишина вокруг действовали успокаивающие после заполненных нервным напряжением часов. Свет с улицы едва рассеивал тьму, и даже шум огромного города по каким-то таинственным причинам не переступал порога святилища.

Иногда ему казалось, будто все пережитое за последние месяцы было лишь кошмарным сном, будто ничего не изменилось, и он, как и прежде, одинокий, молится вочные часы в соборе. К сожалению, сознание реальности постоянно возвращалось, нарушая покой, вливавшийся в его душу вместе со словами молитвы. Он хотел забыть о мире, существующем за соборными стенами, но одновременно его охватывал страх при мысли о том, что это желание — греховное бегство от того, что неисповедимые решения Прорицания дали ему в удел. Не было ли испытанием то, что он нашел здесь, на Земле, во времена — как он их называл — «нового упадка»? А может, это не только испытание, но и миссия, которую он обязан исполнить, невзирая на слабость тела и духа? Иначе он предаст Всевышнего.

Эта мысль, в течение многих недель мучившая его, теперь целиком завладела им.

Двенадцать часов назад он с надеждой и доверием пересекал площадь перед базиликой. То, что он здесь нашел, превосходило самые смелые ожидания: вот она,

столица Петрова, еще более прекрасная, чем та, которую он видел много веков назад. Тогда только еще возводился купол базилики, не было роскошного портика, статуй святых, взирающих на площадь с высоты. Не было прежде и гигантского обелиска, увенчанного крестом.

Он почти не обращал внимания на группы людей — как ему казалось, пилигримов, — снующих в различных направлениях.

Он шел, словно во сне, а уста его машинально шептали слова молитвы:

— Да прийдет царствие твое, да будет воля твоя...

Он не отдавал себе отчета, куда и зачем идет. Неожиданно он увидел перед собой алтарь и священника в ризе, поднимавшего чашу с дарами. Он кинулся на колени, не в силах произнести ни слова. Ничего, что ритуал молебна отличался от того, к которому он привык в своей прошлой жизни. Он уже успел освоиться с мыслью, что время будет оставлять следы. Главное — смысл богослужения остался прежним.

Коленоисклоненный, впитывая глазами каждое движение священника, он чувствовал, как в нем растет стремление сбросить с себя бремя грехов, давящих на него вот уже много месяцев. Чувствовал, что не достоин подступить к Престолу Господнему.

Направо, около стены, он увидел священника в исповедальне. Скамейка перед решеткой была пуста. Разве он мог предвидеть, что эта исповедь превратится для него в новое тяжкое испытание?

Поступил ли он так, как должен был поступить? Был ли гнев, охвативший его после слов исповедника, гневом праведным? Даваяощечину этому подставному слуге божьему, он поступил так, как велел ему долг. И все-таки...

Но разве мог он поступить иначе? Разве имел он право оставаться равнодушным к ереси, возглашаемой в исповедальне?

Если б только знать, что это был лишь один сбившийся с пути брат... А если их много? Если сатана и здесь посеял свои отравленные семена? Ведь бывало уже не раз.

Скрип двери и приглушенный звук шагов неожиданно прервали поток мыслей монаха.

Кто-то медленно шел к алтарю. Наконец остановился в нескольких шагах от Модеста, тяжело опустился на молитвенную скамеечку.

Опять наступила тишина, прерываемая только ровным дыханием двух людей.

Они долго стояли молча, наконец Модест, не в с состояний побороть растущее первое напряжение, повернул голову и взглянул на пришедшего.

Рядом с ним на коленях стоял старец в длинном, светлом одеянии. Была ли это сутана или монашеская ряса, Мюнх сказать не мог.

— Во имя отца и сына и святого духа... — произнес старец по-латыни.

— Аминь! — докончил Модест, поднимаясь с коленей.

Старик тоже встал.

— Пройди сюда, к скамье, сын мой, — сказал он, указывая на стеллу. — Тут светлей.

Старец присел. Модест молча встал и лишь после того, как старец приглашающе кивнул головой, занял место рядом с ним.

— Ты хотел увидеть кардинала Перуччи?

— Это вы, Ваше преосвященство? — прошептал Мюнх, всматриваясь в лицо старца.

— Нет. Я не кардинал Перуччи. Он примет тебя завтра. Но скажи, сын мой, о чем ты хотел говорить с ним?

Модест беспокойно пошевелился.

— Я... — начал он и осекся. Потом вдруг его словно прорвало: — Я... я не знаю... Я вижу — и не понимаю... Я слышу — и ушам своим не смею верить... Все это... этот мир... Я не знаю... Может, я заблуждаюсь... Но ведь... Отец мой, я боюсь!

Он неожиданно умолк.

— Чего боишься ты, сын мой? Открой предо мной сердце, и, возможно, я смогу помочь тебе.

Старец серьезно и мягко смотрел на Модеста.

— Да, отец. Душа моя слаба и требует помощи.

— Мне говорили, что ты был на мессе.

— Был. Скажи мне, святой отец, ты, который наверняка близок к кардиналу, а может, даже лицезришь и Его Святейшество... Скажи мне: этот мир — мир божий? А церковь наша святая? Где границы власти ее? Ужели же здесь, в Риме?

— Видишь ли... — вздохнув, ответил старец, — многое изменилось... Ныне не то, что было прежде, когда ты видел мир молодыми очами. И задачи наши иные, хоть цели те же.

— Но ведь есть же пасторы! Есть епископы! Кардиналы! Отец святой!

— Да, но...

— Почему церковь не борется? Почему позволяет?

— Что позволяет, сын мой?

— Как это что, отец святой?! Ведь все не так! Где царство божие на Земле? Не дальше ли мы от него, чем дотоле?

— Не нам мерить путь, который предстоит пройти... Путь этот еще велик, но не так, сын мой, как тебе кажется. Скажу лишь: не все то, что в течение многих столетий привыкли мы считать признаком царства божьего, правильно понималось.

— Да, отче. Еретиков и богохульников тьма-тьмушила размножилась.

— Я не это имел в виду. Когда-то очень давно считали, что человек есть и вечно будет таким, каким создал его Творец. Но это не так. У человечества, как и у человека, есть свое детство, юность и зрелость... Пять веков назад человечество вступило в юность, сейчас переступает порог зрелости.

— Странно и непонятно говоришь ты, отец святой. Уж не хочешь ли ты сказать, что именно так должны исполниться заветы господа нашего, Иисуса Христа, о царстве божием? Этого не может быть!

— Еще не пришло время... Надо больше любить и больше понимать... Если сегодня мир не с церковью идет, а мимо нее, то только потому, что недостаточно сильна была воля любви нашей.

— Отец мой, разве может быть близок богу мир, который верит только в разум? Который не видит бога и не чтит его, как некогда завещал Спаситель? Ведь

написано: «В ничто обращаю мудрость мудрых, а разум разумных отвергну! Ибо мудрость мира сего глупостью у бога почитается».

— То, чему учил Иисус, — правда вечная. Она указывает путь нам, верявшим в Спасителя. Но вечность правды в духе ее, а не в словах. Слова истолковывались по-разному, не всегда так, как следовало. Часто неведение, словно белльмо, глаза заслоняло. Порой и потребность минутная... Толковать слова господа нашего — дело не легкое, великого знания и мудрости требующее. Ты говоришь, что сейчас человек верит только в разум. Это не так. Неужели ты думаешь, что речь идет о мудрости ради самой мудрости? Разум позволяет человеку избрать добро и отвергнуть зло.

— Не всегда, отец. Ересь часто к разуму взыывает... Если вера иссякнет, мудрость не поможет. «Не послал бог сына своего, чтобы судил он мир, а для того, чтобы мир был спасен им. Кто верит в него, не будет осужден. Но кто не верит, уже осужден тем, что не верит в имя единоутробного сына божьего». — Мюнх замолчал, выжидающе глядя на старца.

— Почему ты не продолжаешь? — спросил тот сурово. — Как говорится дальше?

Мюнх смущился.

— Не помню, отец мой.

— Так я тебе напомню: «И тот тебе суд, что свет снизошел на мир; но люди больше возлюбили тьму нежели свет, ибо были злы дела их. Ибо каждый, кто зло чинит, ненавидит свет и не идет на свет, дабы не были видны дела его, кто же правду творит, приходит к мудрости, дабы были ведомы дела его, ибо с именем божиим содеяны».

— К чему ты это говоришь, отец? — неуверенно спросил Модест.

— В чем ты видишь зло мира сего, сын мой? Ты говоришь, что церковь не борется? Где та несправедливость, которую она терпит? Назови ее!

— Отец я был в церкви и видел...

— Что ты видел?

— Я видел людей, которые не молятся! Я слышал из уст священнослужителей слова, которые в мое вре-

мя мог смыть только огонь! Я хотел исповедаться... Очистить душу от греха... И не мог! Знаешь ли ты, отец, — Модест заговорил громче, — что тут, в самой столице Петровой, сами священнослужители... Нет! Разве можно этого не видеть! Зараза! Зараза! Выжечь! Уничтожить ее!

— Что ты хочешь уничтожить?

— Скажи, отец, а Святая Инквизиция? Может, уже не существует? — со страхом спросил он.

— Многое изменилось.

— Что? И ты тоже так говоришь?! Не понимаю. Я везде слышу эти слова! Они тоже так говорили!..

— Кто?

— Те... от которых я убежал... Может, я неправильно сделал? Может, нужно было остаться?.. Бороться?..

— С кем?

— С сатаной! — Модест резко наклонился к старцу. — А ты... ты, отец, ты веришь в бога?!

— Верю.

— Где он?

— Везде.

— Неправда! Неправда! Там, где бога не хвалят, отверзается доступ адским силам! Разве может быть справедливость там, где преданы забвению заветы господни? «Будешь любить господа своего всем сердцем своим, всей душой своей, всеми силами своими, всеми мыслями своими!»

— А ближнего своего как себя самого.

— Да! Да!! Разве можно забывать о его душе? Скажи, отец! Я видел книги. Много книг. Страшных книг. Достаточно взглянуть на них, чтобы понять, чему они служат... С плохого зерна не соберешь хорошего урожая.

— Да, сын мой. Но только при полном свете можно увидеть, хорошо зерно или плохо.

— Этот свет суть истины, богом изреченные. Символ веры, на Соборе в Триденте принятый, гласит, что...

— Знаю, знаю, — прервал мягко старец. — Я не уверен, поймешь ли ты меня, но знай: хоть истина вечна и неизменна, сейчас церковь преследует иные цели, чем на Тридентском Соборе.

— Иные? — Модест со страхом вглядывался в лицо старца. — Значит, даже вот как... Я знал... Знал. Здесь, в стенах Рима, в стенах святыни Петровой... Слушай, святой отец, — Мюнх схватил старика за руки, — скажи мне, не видишь ли ты перста божьего в том, что я, слабый слуга церкви, оказался здесь?

— Ничто не творится против воли господа нашего.

— Да. Имелно так. Я здесь, потому что бог этого хотел! Я здесь, чтобы защищать истину! Перед богом и миром! Разве можно допускать, чтобы подняла голову ересь? Чтобы силы дьявольские возвысились над людом божьим? «А кто не признает меня, тот не признает и ее пред Отцом моим!» Разве не так говорил господь наш, Иисус Христос? Не может быть мира между правдой и ложью! Между силами неба и ада! Ты уже стар, отец, может, не имеешь сил, остыл жар души твоей... Но я этой жар чувствую! И дойду хоть до самого папы!

— И что ты ему скажешь? — тихо спросил старец.

— Я скажу ему... Скажу, что готов отдать все силы свои, а если потребутся, и жизнь... чтобы защитить Истину! Пусть он только позволит, и я сделаю все, чтобы имя божье вновь засверкало над Землей! Пусть глас его из столицы Петровой встражнет пастырей, которые позабыли о пастве своей!.. Пусть возвестит он новый священный крестовый поход против несправедливости мира сего! Пусть задрожат те, кто, поверив в силу свою, над церковью возвыситься посмели!

— В иные времена довелось нам жить, сын мой, — со вздохом сказал старец. — Не думай, что церковь наша не страдает, видя, что светские формы жизни получили в этом мире преимущества. Но разве не досталась нам лучшая доля? Гнев и возмущение, пусть даже они порождены самыми праведными суждениями, могут и к чему не привести... Нужно много мужества и терпения. Легче потерять, нежели отыскать потерю. Подумай, сын мой...

Мюнх неуверенно смотрел на старца.

— Не знаю, что значат слова твои, отец святой.

Старик опустил голову на грудь и, закрыв глаза, долго сидел неподвижно.

— Ты спрашиваешь, сын мой, почему церковь не призывает к крестовому походу? — начал он наконец, как бы с трудом. — Было время, когда мир, столь возмущающий тебя, только еще зарождался. Тогда казалось, что человечество можно спасти для бога, лишь борясь с этим миром. Но хотя церковь наша не щадила сил — и верь мне, силы ее в то время были несравненно могущественнее, чем сейчас, — немногого мы добились. Мир сегодняшний не в вере, а в разуме пути свои ищет, и тем не менее много зла и сомнений, веками человека преследовавших, истребить в нем удалось. И в этом его сила!.. Значит, не может он быть делом рук сатаны, как считаешь ты, сын мой. Слепым надо быть, чтоб не видеть этого и не сделать нужных выводов... Не о блеске славы церкви идет теперь речь, а о ее существовании... Неужели ты не понимаешь?

— Да, отец. Страшен смысл слов твоих...

— Не слабей верой! Пути Провидения неисповедимы...

— Знаю... Но... Если по воле Провидения я здесь... сквозь века перенесенный...

Старик нетерпеливо пошевелился.

— Слушай, что я тебе скажу: множество плевелу уже с твоего времени на Земле истреблено, и боюсь, да, боюсь я, чтобы, отыскивая его, ты хорошего зерна не растоптал.

— Уж не осмеливаешься ли ты утверждать, что мир этот может бога радовать?

— Думаю, сын мой, больше, чем тот, из которого ты пришел!

— Это ложь! — возмущенно воскликнул инквизитор. — Открой шире глаза и узришь! Этот мир не может быть господу нашему мил! Люди не бога ищут, а лишь удовольствий земных! Не Истины, а лишь ее отрицания! Им кажется, что они мудрее, чем сам бог! О наивные! Им кажется, что они овладевают природой, а не видят они, что это только дьявольское наваждение и миражи! Неужели ты не понимаешь, отец мой? Дошло до того, что никто на земле этой, даже сам отец святой, не может шага сделать без помощи дьявольских сил! Ни утолить жажды и голода, ни укрыть тела сво-

его, ни спрятать главы своей пред тьмой ночи! Даже я, хоть глаза мои открыты и вижу зло, вынужден был воспользоваться помощью этих темных сил, чтобы добраться сюда, в Петрову столицу.

Старик отрицательно покачал головой.

— Ошибаешься, сын мой. Это не дьявольское дело. Это создал человек своим трудом и выносливостью. И бог благословил его.

— И ты можешь так говорить! Нет, я лучше тебя знаю!

— Гордыня говорит в тебе, сын мой. Гордыня и не-знание.

Мюнх занес было руку, чтобы ударить старика, но опамятаился. Опустил покорно голову.

— Благодарю тебя, господи, за то, что ты уберег меня от греха. Я прах только и слизень. Но если господь наш пожелает... Отец! Не гордыня это! Нет! Ты не знаешь, что я пережил... Пучина чистилища — ничто! Хоть и там дано мне было пребывать. Тут, на Земле, начинается испытание! Труднее всего побороть самого себя... Ущербный дух свой и грешное тело. Знаешь ли ты, отец мой, что прежде, чем у меня открылись глаза, стоял я на краю пропасти адской?

— Сын мой. Откройся мне.

— Страшный грех лежит на моей душе. Каким покаянием могу я смыть его? Заслужил ли я прощения?

— Знаю, жизнь твоя не была легкой. На ней кровь и огонь... Но это прошло и не вернется. Да и не ты был виновен в этом...

— Не то, отец... Я согрешил... слабостью. Разве можно меня оправдать? Я не хотел знать Истины. Не хотел помнить, что совершенство тела редко идет в паре с совершенством души. Отец мой! Я любил ее как святую! Я целовал край ее одежды... Неужели я был так слеп? Сатана мог ослепить меня только потому, что я сам дал согласие.

— О чём ты? Я не понимаю.

— Я любил... ведьму! Бог простит меня?

— И поэтому ты убежал?

— Нет, отец, я не убежал. Я знаю, что обязан...

спасти ее душу. Хотя бы и против ее воли... В ущерб ее телу!

Старик встал.

— Ты думаешь, бог ликовал, видя пылающие кости? — бросил он саркастически. — Думаешь, во имя его следует нарушать пятую заповедь?

Мюнх на мгновение опешил.

— Бог страдает, теряя душу человека. Тело же смертно и слабо... Не о нем следует печься... Наша цель — спасение души! Скажи, отец мой, что стало с церковью? Где ее сила и непреклонность в служении делу божьему? Растут ли ряды борющихся?

— Не в числе суть...

— Так каков же, по-твоему, смысл существования церкви?

— Помогать людям творить добро.

Модест изумленно смотрел в лицо старцу.

— И это говоришь ты?! И ты... тоже? То же самое... То же самое... Неужели ты слеп? Или продал свою душу? А может, ты скажешь, как тот лживый исповедник, что никогда не было и нет продавшихся дьяволу еретиков и ведьм? Что времена, когда церковь наша в полной славе и силе преследовала ересь и громила дьявола, это времена упадка?

— Пятая заповедь, сын мой! Даже во имя господне не следует ее нарушать!

— Значит, ты утверждаешь, что отцы святых соборов, покровитель ордена нашего святой Доминик, Верховная Конгрегация... — он осекся, пораженный собственной мыслью.

— Не нам их сегодня судить... — сказал старец, задумчиво глядя на огонек лампады.

Водарилось молчание. Инквизитор неподвижно стоял, упорно глядя в лицо пожилого человека, словно ожидая продолжения. Его губы беззвучно шевелились, и вдруг с них сорвалось только три слова, три слова, полных отчаяния и ужаса:

— Кто ты?! Скажи!

На губах старца появилась загадочная улыбка.

— Кто я? Ну, а как ты думаешь, сын мой? — ободряющее спросил он.

Глаза Мюнха расширились, в них появилось изумление. Он резко отскочил от старца, заслоняя руками лицо, а с губ его слетел хриплый вопль, отразившийся глухим эхом от стен и потолка часовни:

— Прочь! Прочь, сатана!!! Изыди!

Зажглись все лампы. Из ризницы выскочило несколько мужчин в сутанах. Двое подбежали к Модесту, пытаясь схватить его, третий подскочил к старцу.

— Ваше Святейшество! Он ничего не сделал с вами?

Старец стоял, опираясь спиной о колонну. Его бледное лицо внешне оставалось спокойным. Только рука, нервно сжавшая поручень кресла, говорила о том, что он пережил минуту назад.

— Я предупреждал Ваше Святейшество, что это сумасшедший! Хорошо что мы успели...

Старец поднял руку и с трудом проглотил комок.

— Ничего... Ничего страшного, — сказал он тихо. — Отпустите его! — приказал он священникам, державшим инквизитора за руки.

Мюнх стоял, словно окаменев, даже не пытаясь сопротивляться.

— Уже светает, — сказал старец, глядя в окно. — Пора на мессу. Пойдемте. И ты с нами, сын мой, — обратился он к Модесту.

Тот полубессознательно посмотрел на папу и вдруг, словно получив страшный удар, подскочил к двери, пинком распахнул ее и выскочил из часовни.

Он бежал все быстрее. Только бы подальше, только бы быстрее... Отзвуки ударов ботинок о паркет отдавались многократным эхом в пустых залах и коридорах, наполняя сердце страхом. Ему казалось, что его пытаются схватить тысячи рук... Они все ближе... ближе...

Наконец он выбрался на площадь. Из последних сил пробежал еще несколько десятков метров и упал у основания египетского обелиска, на вершине которого воинствующая церковь много веков назад поместила свой победный знак.

Он долго лежал без чувств. Солнце уже позолотило ватиканские холмы, когда он очнулся и осторожно под-

нял голову. В глубине, за фасадом гигантской церкви горел купол Базилики Святого Петра.

Чья-то рука коснулась его плеча. Он повернул голову и замер.

Рядом, на мраморной плите, сидела Кама.

— Ты пришла? Ты пришла за мной? — прошептал он.

— Да. Я прилетела за тобой.

Он промолчал. Нервно сжал веки, чувствуя, как кровь пульсирует в висках.

Он знал, что ему уже не освободиться. Разве что...

XIII

Профак Гарда положил свою широкую ладонь на руку Камы и тепло, по-отцовски пожал ее.

— Не унывай, девочка! — сказал он сердечно. — Ты сделала все, что могла.

Она смущенно взглянула на ученого.

— Если бы я была уверена...

— А чего ты еще хочешь? Будь он моложе или обладай природными способностями, может быть, существовал бы какой-то шанс... Впрочем, трудность не только в том, что его сознание тридцать с лишним лет оставалось в узком, замкнутом кругу мистических понятий и схем. Мы не требуем от него чего-то сверхъестественного. Вполне достаточно было бы итоги критичности, тогда адаптация была бы лишь вопросом времени.

— Ты думаешь, пять месяцев слишком короткий срок? Интенсивность поглощения информации с помощью примененных мною технических средств привела к тому, что эти пять месяцев были равнозначны по меньшей мере двум или даже трем годам жизни.

— Два, три, даже десять лет не меняют дела. Нельзя забывать, что для него согласиться с современным состоянием мира значит больше, чем просто отказаться от многих устоявшихся схем и понятий. Ведь, как только он поймет, что все его деяния во имя бога были ошибкой, ему придется признаться, что он

был не праведным судьей, а убийцей и мучителем невинных. Мы слишком много от него требуем.

Кама молча встала из-за стола и начала собирать в дорожную сумку разбросанные на диване мелочи.

— Впрочем, зачем все это объяснять. Ты и сама прекрасно знаешь, — немного помолчав, сказал Гарда, — без физиологической терапии тут не обойтись. Я убежден, то же скажут и в Калькутте.

— Но уж очень обидно проигрывать.

— Независимо от окончательного результата твои исследования и попытки адаптации Модеста принесли много ценного. Впрочем, от эксперимента нельзя отказываться, даже если мы заранее уверены в отрицательном результате.

— Я знаю... но... это разные вещи.

— Понимаю. И все же так будет лучшие для него.

Кама молча кивнула головой. Она прекрасно понимала, что Гарда прав, но ей трудно было согласиться с мыслью, что барьеры, существующие в мозгу Модеста, невозможно сломать ни языком фактов, ни логическими доказательствами и остается только обратиться к физическим средствам — к проникновению в структуру условных связей мозга.

Гарда думал о том же.

— Есть одно довольно серьезное соображение правового или даже морального характера, — сказал он, задумчиво глядя на Каму. — Мюнх никогда не согласится на операцию, если поймет, чего вы хотите. Если твой тезис о его полной вменяемости будет принят, ты потеряешь правовые основания для проведения изменений в его психике даже в ограниченном объеме. С другой стороны, он не способен к самостоятельной жизни в обществе, требует постоянной опеки, уже не говоря о том, что в определенных случаях он может представлять опасность для окружающих. Его изоляция, ограничение его свободы должны быть подтверждены либо медицинским заключением о его психическом заболевании, либо же судебным определением, что он является опасным элементом. Моральная проблема

несколько проще. Для общества Модест едва ли опасен, с точки зрения научных исследований было бы полезнее оставить психику этого человека в теперешнем состоянии как объект эксперимента. В интересах самого Мюнха преобразование его психики, так как конфликт между Мюнхом и обществом является для Мюнха источником душевных мучений, и гуманней избавить его от этого. Однако способ, с помощью которого мы можем этого добиться, находится в противоречии с основными положениями свободы совести и личной свободы. Боюсь, в Калькутте вам придется неслегко.

— Что делать. Другого выхода нет, — вздохнула Кама.

XIV

Мюнх остановился на пороге.

Кабина самолета скорее напоминала небольшой холл в Институте мозга, чем салоны знакомых ему летательных машин. Мягкий ковер, застилающий пол, низенькие столики, кресла, небольшой автоматический бар с длинной стойкой и рядом высоких стульев, полки, полные книг и журналов, шкафчик для карманного чтеца, даже две картины на стенах. Все это, размещенное внутри серебристой машины, вызывало беспокойство и настороженность.

Кама заметила неуверенность Модesta.

— Ты впервые видишь такой самолет, правда? Не каждая воздушная машина должна походить на ступу или метлу ведьмы, — пощупила она, но выражение лица Мюнха оставалось серьезным и сосредоточенным. — До сих пор ты летал только на короткие расстояния, а это самолет дальнего радиуса. Правда, это не самое быстрое средство сообщения, зато очень удобное. Ну, иди! Не бойся.

— Почему ты думаешь, что я боюсь? — спросил он резко и шагнул внутрь кабины.

— Я не думала тебя обидеть. Просто мне показалось, что ты колеблешься... Если я тебе доставила не приятность, прости.

— Это ты... прости меня.

Он снял с плеча дорожную сумку и внимательно осмотрелся.

— Мы одни? — спросил он минуту погодя.

— Да, совершенно одни.

Она подошла к небольшому распределительному щиту в глубине кабины и нажала одну из кнопок.

На экране появилось лицо молодого мужчины.

— Вы готовы? — кратко спросил он.

— Да. Можешь включать. Когда мы пролетаем над Гималаями?

— Примерно в двенадцать двадцать всемирного времени.

— Будет что-нибудь видно?

— Во время полета над самыми высокими районами до захода солнца остается пятнадцать минут. Опустить машину для лучшей видимости?

— Об этом я и хотела просить.

— Принято. Есть еще какие-нибудь особые пожелания?

— Нет. Благодарю.

Человек на экране сделал какое-то незаметное движение, и почти в тот же момент раскрытая чаша входного купола начала медленно поворачиваться вокруг вертикальной оси.

Модест сделал шаг в сторону закрывающегося входа, но Кама подошла к нему и, взяв за руку, провела к ближайшему креслу.

— Сядем. Во время разгона лучше не ходить по кабине.

Купол закрылся. В кабине воцарилась тишина.

— Счастливого пути, — сказал юноша на экране и исчез.

Темный потолок центрального зала авиапорта сменило голубое небо. Кресла слегка задрожали, и почти в тот же момент серебристые машины, видимые сквозь прозрачные стены, поплыли куда-то вниз. Самолет набирал скорость.

Авиапорт исчез, уступая место разбросанным среди зелени промышленным сооружениям и далеким нагромождениям жилых массивов. Проплыла голубая

лента Вислы и отдельные жилые здания, теряющиеся в тумане.

— Ну как? Ты рад? — прервала Кама молчание.

— Зачем ты солгала? — вместо ответа спросил Мюнх.

— Солгала? — недоуменно спросила она. — Я же тебе говорила, что этот полет необходим для твоего здоровья. Кроме того, ты познакомишься с новой страной. Ты хотел увидеть Индию... Туда мы и летим.

— Ты сказала, что мы одни...

— Но мы действительно одни!

— А он? — Мюнх показал на экран.

Кама улыбнулась.

— Это же только изображение. — Она встала с кресла и подошла к пульту. — Ты видел работника аэропорта в Варшаве. Кораблем управляет система автоматических приборов. Автоматов! Машин, работающих без помощи человека. Я когда-то тебе уже об этом говорила.

— Знаю, — не совсем убежденно кивнул он головой.

— Машины ведут корабль по заранее разработанной программе, а также в соответствии с приказами, поступающими с аэродромов.

— Но этот... человек... нас видит?

— Так же, как ты видишь меня, а я тебя, когда мы разговариваем по визофону.

— Я не об этом. Сейчас он нас видит?

— Нет. Но мы легко можем с ним связаться. Или же с кем-нибудь другим, — добавила она, заметив отрицательное движение Модеста. — Например, с Гардой. Сейчас он, наверно, еще в Институте.

— Нет. Не надо! — в глазах Мюнха появилось беспокойство.

— Как хочешь. Может, ты устал? Тогда измени форму кресла. Достаточно нажать кнопку с левой стороны. Как у тебя в комнате.

— Нет. Мне не хочется спать.

— Дать тебе еще таблетку бодрящего?

— Нет. Не хочу, — ответил он, брезгливо поморшившись.

Кама с беспокойством смотрела на него. После возвращения из Рима он стал очень нервным и даже агрессивным.

— Скажи, — спросил он снова, — они могут нас видеть? Наблюдать за нами? Слышать, когда мы этого не знаем?

— Кто?

— Ну, те... управляющие полетом. По визефону...

— Нет. Правда, они могут с нами связаться, но мы тут же узнаем об этом. Впрочем, если ты так уж хочешь, можно перейти на условную связь. Достаточно нажать вот здесь, — она показала на один из клавиш. — Тогда связь будет производиться только с нашего согласия.

Мюнх поднялся с кресла и как-то неуверенно пошел к Каме.

— Так сделай это!

— Если ты так хочешь...

Она нажала кнопку.

Он долго смотрел на щит, потом вдруг повернулся и подошел к столику, около которого стояла его дорожная сумка. Поставил сумку на столик. Открыл и машинально закрыл. Некоторое время задумчиво играл длинным ремешком.

Потом, словно забыв, зачем поставил сумку на стол, подошел к ближайшей полке с книгами. Потянулся за одной, открыл ее, перелистал, захлопнул и поставил на место. Взял другую.

— Что ты ищешь?

Он не ответил. Отложил книгу на полку и пошел к бару. Коснулся рукой механического подноса со столовым сервисом. Взял вилку, отложил, потом нож...

— Может, ты что-нибудь съешь? Или выпьешь?

Он быстро отдернул руку, так что нож упал с подноса на пол.

— Самообслуживание в баре очень несложно. Достаточно сказать: «Блокада, пропу...», и сообщить номер блюда по меню. Автомат действует по сигналу голоса. Как некоторые автоматы на улицах. Например, я хочу мандаринового сока, — она взяла карточку и

прочла: — «Мандариновый сок — 23». Значит, надо сказать: «Блокада, прошу 23».

В подносе с глухим шипением открылся клапан. На небольшой, напоминающей мольберт тарелочке стоял стакан с пенящейся жидкостью.

— Хочешь? — спросила Кама.

Он отрицательно покачал головой, но потянулся к подносу и взял тарелочку. С интересом рассматривал предмет, казалось, взвешивал в руке.

— Что тебя так заинтересовало? Обычная тарелка. С отверстием, чтобы удобнее нести, — объяснила она, но он ее не слышал. Он смотрел уже не на тарелку, а куда-то поверх головы Камы на противоположную стену, за которой виднелись темно-голубые бескрайние волны моря.

— Черное море! Я специально выбрала окольный путь...

Она подошла к окну и посмотрела вниз.

Тонкой белой линией горел на воде след водолета, мчащегося как лыжник по насту. Вдалеке две... три... четыре точки. Они кажутся неподвижными. Видимо, группа водно-воздушных яхт, стремительно скользящих над волнами.

Кама задумалась. Наверно, надо бы и Модеста взять на такую прогулку. Пусть видит, пусть наслаждается всем.

Она услышала за собой шум. Мюнх приближался к ней. Ее охватило какое-то непонятное беспокойство. Беспокойство усилилось. Она чувствовала, что должна повернуться... Сейчас же. Немедленно!

Но прежде чем она успела это сделать, над ее головой раздался свист, закончившийся оглушительным грохотом, словно обрушился потолок.

Перед глазами замелькали круги. Она почувствовала, что падает на пол, но не могла ничего поделать. Словно в каком-то кошмарном сне, она на мгновение увидела перед собой перекошенное лицо Модеста, потом его плечи.

Словно сквозь туман, она наблюдала, как Модест бежит к стойке. Хватает на бегу сумку, стоящую на столике, рвет ремешок...

Она прикрыла глаза. Пыталась понять очередность событий. Но мысли беспомощно рвались... Она провела по лицу рукой и, опираясь на другую, попробовала сесть. Еще одно усилие... Еще немного...

Вдруг какая-то тяжесть навалилась на нее. Она чувствовала, что ее хватают... тяжесть прижимает ее к полу... Что происходит?.. Она с трудом соображала: она в кабине самолета, летит с Модестом в Калькутту... Что он с ней делает? Зачем срывает телефонный браслет, выкручивает руки? Связывает ее?

Она пыталась вырваться, высвободить руки... Но сопротивление было уже бесполезно.

Модест схватил ее за плечи, поднял и бросил в кресло. Потом подошел к бару и принес стакан мандаринового сока.

Она почувствовала на губах прикосновение холодного стекла. Выпила несколько глотков освежающего напитка, и мозг начал работать живее.

Она уже почти полностью пришла в чувство, только очень ослабла, а утомительный шум в голове перешел в боль.

Мюнх стоял напротив и молча смотрел.

— Зачем? — с трудом спросила она.

Он проглотил комок, словно хотел что-то сказать. Однако промолчал, упорно глядя ей в лицо,

— Зачем ты это сделал?

— Ты знаешь...

— Ничего я не знаю. Не знаю.

Головная боль усиливалась.

— Мне плохо... Прошу тебя, развязи мне руки...

— Нет!

— Но... Мне же... Это бессмысленно. Что ты делаешь?!

Он опять поднес к ее губам стакан с соком.

Она отрицательно покачала головой.

— Вот здесь, — она показала глазами. — В кармане на груди. Микроаптечка. Плоская коробочка. Дай мне таблетку. Голубую.

Он поспешил, а одновременно как бы со страхом, сунул руку к ней в кармашек и достал коробочку.

Он выполнил приказ, и в отверстии показалась толбая таблетка.

— Ну, дай мне! А потом сока.

Он стоял в нерешительности, глядя на таблетку.

— Прощу тебя, Мод!

Он подозрительно взглянул на нее и вдруг резким движением бросил микроаптечку на ковер.

— Что ты делаешь?! — испуганно воскликнула Кама.

Но он принял изо всех сил топтать коробочку ботинками.

Разноцветные таблетки рассыпались по полу среди осколков сломанного телефонного браслета.

Только теперь она полностью попытала опасность. Усилием воли она пыталась побороть растущее беспокойство и заставить мозг работать как можно четче.

— Модест! — воскликнула она, стараясь придать голосу по возможности решительный, а одновременно спокойный тон.

Он застыл на месте.

— Модест! — повторила она. — Развяжи мне руки!

Он сделал движение в ее сторону, словно собираясь исполнить приказ, но остановился на полу шаге.

— Нет! Если сумеешь, освободись сама! Сумеешь?

Она молчала, инстинктивно чувствуя, что от ответа зависит многое. Но солгать она не могла.

— Не можешь освободиться? — начал он с явным удовлетворением. — Не можешь? А где твои покровители? Вызови их на помощь! Ну! Вызывай! — схватил он ее за руку.

— Что ты хочешь делать? — спросила она, пытаясь сохранить спокойствие.

Он серьезно взглянул ей в глаза.

— Я хочу... спасти тебя!

— Меня? Не понимаю.

— Хочу спасти твою душу. Еще не поздно. Что ты так на меня смотришь? Ты, наверно, и сама не знаешь... Ты не можешь быть действительно... такой... Это он говорит твоими устами! Но я опережу его!..

— Кого?

— Не притворяйся, что не знаешь, о ком я говорю. Скажи! Признайся во всем! Скажи всю правду. Сейчас же! Пришел твой час предстать перед Высшим Судией... Бог милосердный...

— Слушай, Мод! Зачем ты угрожаешь? Что ты от меня хочешь? Какой правды?

— Ты знаешь!.. Тебе меня не обмануть! Я все понял. В твоем теле... сидит зло. Только в нем... Ничто уже не спасет твоего тела! Но душа бессмертна! Ее нельзя загубить! Заклинаю тебя именем господа нашего! Помоги мне изгнать сатану из тела твоего. Спаси душу свою.

— Но...

— Повторяй за мной: «Во имя отца и сына...»

— Но, Мод! Я же тебе уже не раз объясняла...

— Ну и что?! Я так и знал! Ты не можешь молиться!

— Могу, но ведь дело не в том, чтобы я повторяла слова молитвы! Тебе кажется, что я посланиница ада. Ведьма. Дьяволица. Это неправда. Я такой же человек, как и ты! Как остальные люди на Земле!

— Лжешь! — порывисто прервал он. — Ты обманывала меня! Было время, когда мне казалось, что ты ангел... Но я ошибался. Это была ложь! Ты притворялась, чтобы одурманить меня... Заковать в адские цепи! Чтобы я думал о тебе и забыл о боге! О цели, которой обязан служить!

Опираясь связанными руками, она села и опустила ноги на пол.

— Успокойся, — сказала она, возвышая голос. — Я никогда тебя не обманывала. Ты хочешь знать все? Так я тебе скажу. Нет ни ангелов, ни дьяволов! Что бы ты ни делал, где бы ты ни искал, нигде их не найдешь!

— Лжешь! Я был в чистилище! Я видел!

— Я говорила тебе уже: вероятно, ты столкнулся с представителями какой-то иной цивилизации, посещавшими Землю. Какие-то существа, населяющие иные миры...

— Твоими устами опять говорит он! — со страхом крикнул Мюнх. — Изыди! Изыди!

— Чего ты от меня хочешь? Чтобы я подтвердила все твои вымыслы? Представления давно минувших времен? Именно это было бы ложью!

Она ссокользнула с кресла и встала, но он подскочил к ней, схватил за плечи и бросил на колени.

— Молись! Проси о прощении! Господь милосерден... Я хочу тебе добра. Не принуждай меня...

— Оштять грозишь?

— Нее грожу, а прошу... Я не хочу этого, — он закрыл лицо ладонью. — Но я не могу иначе...

— Значит, если я не скажу того, что ты хочешь услышать, ты вынужден будешь меня убить? — спросила она напрямик.

Он цюднял на нее глаза и смотрел долго, словно собираясь с мыслями. Когда, наконец, заговорил, его голос был спокоен. Но в его тоне было что-то страшное.

Кама представила себе в этот момент, что должны были переживать люди, которых он преследовал четыре века назад. Она почувствовала, что ее начинает тошнить...

— Нее понимаешь? — спросил он. — Да, пожалуй, ты не понимаешь... Смерть тела — это не все. О душе надо заботиться! Ты должна признаться перед смертью... Очистить душу! Ты должна покаяться...

Она с трудом скрывала страх. Украдкой взглянула на хронометр, расположенный над контрольным пультом. С момента старта прошло всего пятьдесят минут. Она понимала, что обязана выгадать время, затянуть разговор. Взвывать к его совести было бессмысленно. Нужно было изменить тактику, перейти в наступление.

— Значит, так, — иронически начала она, — смертный приговор уже вынесен. Я должна умереть. Вероятно, охотнее всего ты спалил бы меня на костре. Как ведьму. И сколько же ведьм ты уже сжег?

— Заачем тебе знать?

— Я думаю, это будет нелегкая работа, — с сарказмом бросила она. — По многим причинам. Во-первых, негде, да и не из чего соорудить костра...

Она сосеклась, потому что Мюнх отвернулся, подошел к полке и взял с нее толстый том.

— Проклятые книги... — процедил он, блестя глазами.

Несмотря на трагизм положения, она иронически усмехнулась и отрицательно покачала головой.

— Нет. Тебе не сжечь ни меня, ни книг! Все это не горючий материал. Кроме того, откуда ты возьмешь огонь? Не говоря уж о том, что, разжигая костер в кабине, ты сгоришь вместе со мной. А это уже самоубийство... Ты неудачно выбрал место и средства. Надо было поискать другого случая!

— На Земле всюду они... Тут мы одни... Ты сама сказала... Впрочем, если бы ты могла, ты наверняка не ждала бы. Но ты не можешь. Здесь тебе никто не поможет.

— Слушай, Мод, почему ты так упорно твердишь, что не хотел бы делать мне зла? Может, только потому, что сам никогда не занимался пытками? За тебя это делали другие, правда? По твоим приказам. Но сам ты никогда не пачкал рук. Я понимаю твои сомнения...

Книга с грохотом упала рядом с креслом.

— Ведьма, — пробормотал Мюнх сквозь зубы, — ведьма!

На секунду ей показалось, что он кинется на нее, но он снова взял себя в руки. Подошел к окну, опустился на колени и начал молиться.

Ками смотрела на часы. Как медленно ползут цифры в секундном окошечке!

Если бы только удалось освободить руки!

Однако каждое движение причиняло сильную боль. Чем, собственно, он ее связал? Она осмотрелась и заметила лежащую около стула дорожную сумку. Ремешки были отрезаны! Рядом на полу блестел стальной клинок. Если бы только достать нож...

Осторожно, как можнотише, она передвинула кресло, потом другое. Снова движение, еще одно и еще... Постепенно она приближалась к стойке, то и дело беспокойно посматривая на молящегося инквизитора.

Наконец добралась до цели. Наклонилась и осторожно, на ощупь начала искать на полу нож. Вот он!

То ли шум привлек внимание монаха, то ли он просто кончил молитву, но, когда она уже взялась за руч-

ку ножа и попыталась перерезать пуги, Модест вскочил и бросился к ней. Молниеносно вырвал у нее из рук нож, схватил ее и повалил на пол.

После этого резкого нападения, то ли стыдясь собственной грубости, то ли под влиянием какого-то первого импульса, он кинулся перед девушкой на колени и мягко, словно прося прощения, провел пальцами по ее волосам.

Она задрожала. Он резко отдернул руку и, скрывая от нее лицо, быстро встал с пола.

Ей почудилось, что в его глазах заблестели слезы.

— Мод... — просительно прошептала она.

Их взгляды встретились.

— Не смотри на меня так! Не хочу! Не хочу! Не могу! — выдавил он.

— Развяжи мне руки! Прошу тебя, Мод!

Он опять наклонился над ней, коснулся пуг, но тут же со страхом отскочил.

— Что ты со мной... сделала! Ты! Ты!..

Он не докончил. Стиснул руки и, прижимая их к лбу, начал громко молиться дрожащим, прерывающимся голосом:

— Господи! Слаб я... Дай мне силы!.. Помоги мне! Позволь не чувствовать... не видеть... Я обязан... обязан...

Его голос делался все тише.

Он долго стоял неподвижно, закрыв глаза и низко склонив голову. Наконец выпрямился и осмотрелся, словно чего-то искал. Заметил брошенную около стула дорожную сумку Камы. Подошел, поднял ее и положил на стойку. Начал быстро выкидывать на пол находящиеся в сумке предметы. Было видно, как в нем растет беспокойство.

Сумка была уже почти пуста. Теперь он смотрел на лежащее около его ног, выброшенное из прозрачных пакетов белье, туфли, туалетные приборы, коробочки.

Быстро наклонился и поднял плоский, еще не открытый пакет. Там была тонкая противодождевая пелерина. Он развернул ее. Некоторое время размышлял, проверяя ее длину и прочность, потом потянулся

за ножом. Разрезал пелерину вдоль на четыре части и связал их в виде длинной веревки.

Еще раз проверил прочность, потом подошел к Каме и начал вязать петлю. Его лицо стало холодным и решительным.

Она со страхом взглянула на часы. До посадки оставалось еще почти полтора часа.

— Слушай! — пыталась она продолжать начатую игру. — Я должна тебя кое о чем спросить.

— О чём?

— Скажи, почему ты желаешь моей смерти?

— Умрет только твое тело! Зато я спасу твою душу. В этом главная цель. Я думаю, мне это удастся... Я заставлю тебя признать все.

— За что ты меня так ненавидишь?

— Я тебя ненавижу?! — возмутился он. — Наоборот! Я страдаю за тебя... Поэтому и хочу тебя спасти!.. Потому что я люблю тебя... как... сестру...

— А знаешь, что я думаю? Это не совсем так, как ты говоришь.

— А как же? — беспокойно спросил он.

— Твое чувство — чувство земное. Убивая меня, ты хочешь убить в себе это чувство. Разве не так?

Он беспокойно пошевелился.

— Ты очаровала меня... Я знаю. Такие, как ты, могут... Это еще одно доказательство!

— Нет никаких дьявольских чар! Я обыкновенная женщина, а не посланница ада. Это просто твоя выдумка.

— Бог мне помогает.

— Тебе только кажется.

— Неправда! Есть рай и есть ад. Если я выберу плохой путь, я буду осужден, если хороший...

— Никакой пользы от моей смерти тебе не будет. Ничего она тебе не даст. Нет ни рая, ни ада. Есть только Земля. Есть вселенная, полная необычайных вещей, о которых ты не мечтал и во сне, есть мыслящий мозг человеческий, который хочет и может познавать тайны...

— Не болтай! Язык твой повторяет то, что наперегонки с тобой сатана. Но просчитался князь тьмы! Душа

твоя еще не в его власти. С помощью божьей я сумею изгнать его из тела, которым он пытается меня искушать! Молись, грешница! Бог свидетель, я не хотел подвергать тебя мучениям! Но вынужден! У меня нет выбора... Слишком зачерствело сердце твое.

— Ты собираешься меня пытать?

— У меня нет выбора. Верь мне, я не хочу этого. Впрочем, еще не поздно. Покайся во всем и проси господа о прощении. Не стыдись страха пред мукой. Не так уж много было упорных, которые не признались бы в руках палача.

— И тебе никогда не приходило в голову, что эти женщины лгали, обвиняли себя только затем, чтобы сократить мучения?

— Бог не допустит, чтобы суд, от имени его действующий, ошибался.

— И все-таки... Ведь бывали и неправильные обвинения?

— Горе лживым обвинителям! Их тоже карала рука божьего правосудия.

— А если рука божья не доставала?.. Впрочем, даже допустим, что они понесли наказание, и притом самое сурьое! Кто вернет жизнь замученным? Кто вознаградит ужаснейшие муки невинно истязуемых, сжигаемых на кострах?

— Кто? Господь наш, Иисус Христос, справедлив. И что страдания и смерть тела по сравнению с рабом небесным, который познает душа бессмертная?

Круг опять замкнулся. Никакие аргументы не доходили до сознания этого человека. На любой у него был готов ответ по рецепту, изготовленному века назад.

Кама взглянула на часы. До посадки оставалось восемьдесят минут. Удастся ли протянуть этот диалог?

— Так ты считаешь, что все, что ты делал в своей прежней жизни, было правильным?

Однако инквизитор заметил движение девушки. Он тоже взглянул на часы и понял, что упускает время.

— Я считаю... — он оборвал начатую фразу, — что ты только затем спрашиваешь, чтобы выиграть вре-

мя! — воскликнул он гневно. — Но тебе не удастся ввести меня в заблуждение. Я знаю, что пора кончать. Спрашиваю тебя последний раз: признаешь ли ты добровольно свои связи с сатаной? Все свои прегрешения?

— В чем я должна признаваться? — спросила она.

— Опять хочешь меня сбить... Думаешь, тебе это удастся? Нет! Нет!

Он схватил девушку за плечи и перевернул лицом к полу, прижимая ее спину коленями.

Она отчаянно сопротивлялась, пытаясь не дать накинуть себе петлю на ноги. Она понимала, что об освобождении не может быть и речи. Однако сопротивление затягивало реализацию планов Мюнха и увеличивало шансы на спасение. Увы, это не могло длиться долго. Она чувствовала, как шнур оплетает ей щиколотки, затягивается до боли.

Еще одна попытка сорвать узы, еще один резкий рывок, и она поняла, что дальнейшая борьба бесполезна.

Инквизитор встал. Она слышала над собой его громкое дыхание и чувствовала, как ее охватывает панический страх.

XV

Мюнх отпустил шнур, и тело девушки безвольно упало на ковер. У него в ушах еще звучал ее отчаянный крик.

В кабине стояла мертвая тишина, но ему казалось, что он все еще слышит этот крик, хоть он и старался заглушить его в своем сердце.

Он глядел на неподвижно лежащую Каму, на ее неестественно вывернутые руки, на лицо, опухшее от боли, на посиневшие, судорожно сжатые губы, и его охватил страх.

А если она умерла? Если это был не обморок, а смерть? Ведь случалось, что ведьмы не выдерживали пыток... Тогда обвиняли палача. Его излишнее рвение или неумение. Теперь обвинителем, судьей и палачом был он сам.

Но не сознание, что смерть Камы может отяготить его совесть, была причиной тревоги инквизитора. Речь шла о ней самой, о ее душе. Ведь это была единственная цель всего, что он делал, борясь со своим чувством к этой женщине. Если бы сейчас она умерла без чистосердечного раскаяния, без креста святого — это значило бы, что он потерпел поражение. Что победил сатана.

Пораженный этой мыслью, он кинулся к девушке и прижал ухо к ее груди. Он облегченно вздохнул, услышав слабые удары сердца. Значит, еще оставались шансы.

Быстро собрав обрывки одежды с пола, он накрыл ими обнаженное тело девушки и подошел к стойке за водой. Шепча молитву и сотворив над стаканом знак креста, он окропил лицо девушки и смочил ей губы. Она быстро пришла в себя. Вместе с сознанием возратилась боль.

Она подняла веки, и глаза ее наполнились ужасом.

— Нет!!!

Она поплевала головой и застонала от боли.

Он знал, что надо спешить.

— Ты ценавидиць меня? — спросил он тревожно. — Заклинаю, отбрось гордыню и помоги мне изгнать из тела твоего сатану!

— Не мучай меня... — прошептала она умоляюще.

— Я должен! Это зависит только от тебя. Ну, говори!

Она прикрыла глаза.

Он опустился перед ней на колени и начал развязывать ее руки. Она стиснула зубы, чтобы не стонать от боли, которую причиняло каждое движение. Но самое худшее было еще впереди.

Освободив от пут руки девушки, Мюнх начал вправлять выкрученные в суставах кости. Это была не меньшая пытка. Дикий крик теперь не прекращался ни на минуту. Самое скверное было то, что у Мюнха не было павыхов, и хоть он хорошо знал очередность действий, наблюдая в свое время за тем, как это делал палач или цирюльник, он еще больше увеличивал мучения своей жертвы.

Когда он, наконец, кончил, Кама лежала на полу, бледная, измощденная, и с ужасом смотрела на своего мучителя.

Инквизитор принес воды и, поддерживая голову девушки, медленно вливал ей в рот холодную жидкость. Вдруг он задрожал. Его пальцы нащупали в волосах Камы маленький твердый предметик.

Он резко схватил его и рванул. Вместе с прядью вырванных волос он держал в руке похожий на броши, серебристый кружок персонкода.

— Так вот почему ты!! — закричал он возбужденно. — Вот почему молчишь! Это проклятое око помогает тебе упорствовать. Этот проклятый знак! Может, ты вообще не чувствовала боли? Может, только притворялась?.. Но теперь тебе уже не удастся! Ты меня больше не обманешь!

Он с бешенством швырнул персонкод на пол и принялся давить его каблуком. Персонкод не поддавался. Тогда он схватил нож, но нож сломался при первом же ударе.

Отчаянно ища какой-нибудь инструмент, он остановил взгляд на высоких стульях около стойки. Одним прыжком оказался рядом с ними. Рванул изо всех сил и, выломав один из стульев, принялся, словно в беспамятстве, бить металлической трубкой по блестящему глазку персонкода, так что, наконец, аппарат разлетелся на кусочки.

— Теперь уж тебе никто не поможет! Начнем сначала!

Он поднял с пола шнур и подошел к жертве, задыхаясь от бешенства и усталости.

Она не могла произнести ни слова, но чувствовала, что новых истязаний не перенесет.

— Почему ты молчишь? Говори! Он приказал тебе лгать? Ну, говори, не то...

На распределительном щите загорелась красная лампочка, глухо загудел динамик.

Кама с трудом приподняла голову.

На спутниках получили сигнал разрушения персонкода. Значит, еще есть надежда...

Мюнх тоже заметил огонек. Для него это было так

неожиданно, что какое-то время он стоял словно окаменев, потом с диким криком схватил лежащий на полу стул и подскочил к щиту.

Первым же ударом разнес экран визофона. Вторым разбил распределительный щит. Контрольные лампочки начали беспорядочно мигать, но на них уже сыпались удары.

— Стой! Что ты делаешь?! — с ужасом крикнула Кама.

Но он бил все бешенее, перемалывая тонкую плиту и находящиеся под ней приборы.

Протяжный стон аварийного сигнала смешался с гулом ударов и треском лопающегося пластика.

— Ты же вызовешь катастрофу! Мы упадем!!!

Казалось, он не слышит.

— Модест!!!

Он еще раз замахнулся стулом, но в ту же секунду резкая смена скорости повалила его на пол и бросила к окну передней части салона.

Машина тормозила всей мощью двигателей. Невидимая сила прижимала инквизитора к стене, не позволяя свободно дышать. Он пытался перекреститься, но рука была тяжелой, как свинец.

Так, значит, адские силы перехватили воздушный корабль? Он со страхом взглянул на Каму, но ее положение было еще хуже. Привязанная ногами к столику, она лежала, бессильно вытянувшись в центре кабины, а в ее глазах застыл невыразимый ужас. Значит, не ведьме спешил на выручку сатана?.. Было в этом что-то нелогичное, непонятное Мюнху. Теперь он ничего не понимал и чувствовал все возрастающее смятение.

Неожиданно в разбитой рулевой аппаратуре с треском загорелась искра электрического разряда, и самолет, послушный неуправляемым рулям, рухнул в глубь воздушного океана. Небо и земля в диком танце закружились вокруг корабля. Машина то взмывала вверх, то заваливалась носом вниз, ежесекундно теряя высоту.

Мюнх, несколько раз брошенный от стены к стене, наконец, смог ухватиться за перегородку. Привязанное шнуром тело Камы беспрестанно билось о пол и ближайшие предметы.

Земля неумолимо приближалась. Все чаще за окнами корабля проносились то освещенные вершины гор, то темные, погруженные во мрак ущелья с вторгающимися в них длинными лавинами ледников. Машина падала все ниже, но гомеостатическая система еще действовала, пытаясь предотвратить катастрофу.

— Христос! Господи! Будь милостив... Будь милостив! — со страхом повторял инквизитор, судорожно держась за книжную полку.

Земля была уже рядом. Рядом.

«Значит, конец!» — пронеслось в голове у Камы.

Она почувствовала новый, еще более болезненный рывок за ноги.

Самолет, взмыв вверх под управлением гомеостатического пилота, на мгновение повис в воздухе и снова упал к земле. Над самой поверхностью огненный спираль газа еще раз ударила вниз, но машина, зацепившись несущим кольцом за выступ скалы, перевернулась и с оглушительным треском зарылась в каменистый грунт.

Туча пыли на минуту поглотила корабль.

Наступила звенящая тишина. Потом слух Камы начал постепенно вылавливать из этой тишины далекий шум ветра.

Она висела на шнуре головой вниз и чувствовала, как что-то липкое стекает по ее лицу, заливая глаза.

Корабль лежал на боку так, что столик, к которому она была привязана, находился в этот момент над ней. Сквозь потрескавшиеся окна она видела небо и покрытые редкими пятнами горные склоны.

В глубине кабины, там, где когда-то находился распределительный щит, густеющее облако пара окутывало выдавленные силой ударов сплетения проводов.

«Утечка в генераторе», — отметила Кама с каким-то странным безразличием.

Она знала, что обязана сделать что-то, чтобы освободить ноги, из стягивающих их пут, но боялась пошевелиться. Правда, руки у нее были свободны, но страх перед болью парализовал движения.

Ее опять начало тошнить, а впивающийся в тело шнур, казалось, жег, как раскаленное железо. Над ней

на расстоянии вытянутой руки находилось кресло. Если бы удалось забраться на спинку, которая сейчас занимала горизонтальное положение, а потом выше, на край сиденья! Тогда она смогла бы освободиться от пут.

Постепенно, преодолевая боль в суставах, она протянула руку и схватилась за край спинки. Однако подтянуться было свыше ее сил. После нескольких попыток она в полном изнеможении снова упала.

— Иисусе... — неожиданно раздался в тишине приглушенный стон.

«Мюнх жив! — поняла она. — Но можно ли расчитывать на его помощь?»

Стон повторился, исходя словно из-под земли.

— Ты слышишь меня, Мод? — спросила она и с волнением ждала ответа.

Стоны прекратились. Некоторое время царила тишина, потом послышался приглушенный, неуверенный шепот:

— Умоляю тебя, помоги мне... Если можешь... Если тебе можно... помоги мне.

— Где ты? Что с тобой?

— Скорее! Скорее! Умоляю!..

Едва заметная дрожь прошла по кораблю.

— Спасите!!!

Кусая от боли губы, Кама ухватилась руками за кресло и начала подтягиваться. Сантиметр за сантиметром, несмотря на то, что мускулы уже отказывались слушаться, она подтягивалась вверх, напряжением вошли преодолевая бессилие и боль.

Дикие крики не прекращались, подгоняя ее.

Наконец голова девушки оказалась на уровне спинки кресла. Еще одно отчаянное усилие, и тело легло на мягко прогибающуюся поверхность. Теперь можно было несколько секунд отдохнуть.

Перебраться со спинки на сиденье было уже гораздо легче. Теперь она могла освободить ноги.

Ну, вот и все. Но до чего же она устала. Она не могла держаться на ногах и безвольно соскользнула с кресла. Сердце колотилось, снова началась резкая головная боль.

Она коснулась рукой лица и почувствовала под пальцами липкую влагу. Ладонь была в крови.

— Иисусе Христе!!! — снова послышался крик Модеста.

Крик все усиливался, переходя в хриплый визг.

Это вернуло Каму к действительности. Преодолевая слабость, она встала и, покачиваясь, пошла на голос.

Найти инквизитора было не трудно. В глубине кабинки, там, где ударом о скалу разорвало стены корабля, среди кучи пластика, обломков каких-то аппаратов, растрапанных журналов и книг, торчали две ноги, шевелящиеся как у насекомого, схваченного пауком. Когда Кама ухватилась за ноги и попыталась вытащить засыпанного человека, крики усилились.

— Нет! Не шевели! А! А! А! Нет! Голова!!! Моя голова!.. — сдавленный голос шел словно бы из стены.

Она с трудом начала отбрасывать нагромождившиеся предметы, и глазам ее предстало ужасающее зрелище: из узкой щели между стеной и полом выступало тело Модеста. Голову видно не было. Она находилась по другую сторону щели.

Острые края плит касались шеи инквизитора, в любой момент грозя сойтись, словно лезвия гигантских ножниц.

Нельзя было терять ни минуты.

«Клин? Где взять клин?» — лихорадочно искала она способа спасения.

В свалке валялись толстые тома книг.

Единственное спасение.

Быстро, как можно быстрее, она начала запихивать их в щель рядом с шеей Мюнха, чтобы предотвратить сужение щели. Но это было только начало. Теперь надо было найти что-нибудь, что могло бы послужить рычагом.

Среди предметов, валявшихся рядом со щелью, она нашла стул, с помошью которого Мюнх вывел из строя аппаратуру. Ножку стула можно было использовать в качестве рычага. Кама засунула металличес-

ский стержень в щель и, навалившись на него всем телом, попыталась расширить отверстие.

Опять резкая боль пронзила измученные руки. Она закусила губы и сильней нажала на рычаг.

Сердце бешено колотилось, на лбу выступили капли пота.

Однако это усилие дало результат: миллиметр за миллиметром щель расширялась.

Каждая секунда казалась минутой, каждая минута — часом.

Кровь гудела у нее в висках. Она прекрасно понимала, что расходует последние силы. Еще сантиметр... Он уже вытаскивает голову...

Но Кама уже теряет последние силы. Если сейчас она отпустит...

Самое широкое место между плитами находится в метре от Камы. Мюнх резким движением передвигается туда, но она уже не в состоянии удержать рычаг. С ужасом она убеждается, что щель начинает сужаться.

Что делать? Он не успеет! Не успеет! Что делать? Ведь надо же что-то сделать! Она обязана!

Она резким движением сует ногу в щель...

Ужасная боль... Все вокруг погружается в какую-то прошасть...

XVI

Сознание возвращалось медленно.

Сначала было ощущение пустоты в голове. Тупая боль в ноге и плечах вызывала в памяти какие-то кошмарные сцены. Одновременно появилось новое ощущение: кто-то держал ее руки и нежно гладил их.

Наверно, она уже в больнице...

Она открыла глаза. В полумраке увидела склонившуюся над нею тень.

— Где я? — с трудом прошептала она.

Тень пошевелилась.

— Это я... Кама...

Она узнала голос Модеста и резко отдернула руку.

— Прости меня... — услышала она над собой его голос.

Но в этот момент она не думала о том, что было. Сознание опасности оттеснило переживания последних часов.

Она попыталась сесть, но не смогла.

— Ты ранен? — спросила она с трудом.

— Нет, Кама, у меня все в порядке.

— Хочешь мне помочь?

— Да, Кама! Что я должен делать?

— Мы должны уйти отсюда... Как можно скорее!

Здесь нельзя оставаться!

— Почему? Почему нельзя здесь оставаться? — со страхом прошептал он.

— Утечка из генератора. Я видел... Это грозит облучением, — прерывисто объясняла она. — Невидимое излучение... Оно убивает...

— Куда?! Куда бежать?!

— Тут где-то должен быть аварийный люк. Их несколько... Такая... круглая плита... с красной окантовкой. В середине рычаг... Надо повернуть... два раза...

— Знаю... Я видел...

Он пополз, ощупывая в темноте стену.

Через несколько минут послышался глухой скрежет, и внутрь кабины ворвался холодный воздух.

Модест вернулся и осторожно взял Каму на руки.

Она увидела перед собой серый контур отверстия.

Корабль лежал на крутом склоне каменистого холма. Высоко над ними вздымался огромный горный массив, местами покрытый светлыми пятнами ледников.

Правда, ветер утих, но холод уже через несколько минут дал о себе знать. Пройдя несколько десятков метров, Модест положил Каму в углубление между каменными глыбами, снял с себя сутану и укрыл ею девушку.

Она лежала, скорчившись, дрожа от холода. На ней было лишь тонкое платьице.

Он пытался растирать ей замерзшие руки, но это почти не облегчало ее страданий.

Он смотрел, как наступающая тьма затушевывает черты лица девушки, и слезы навертывались у него на глаза. Он чувствовал, что в нем что-то надломилось, что он уже не тот человек, который несколько часов назад бросил вызов силам ада.

То, что тогда было для него целью жизни, теперь потеряло всякий смысл. Ему казалось, будто после долгого плутания в темном и полном ужасов лесу он оказался на опушке. Он еще не видел перед собой дороги, но уже понимал, что возврата к тому, что было, нет.

Он все время думал о пережитом, и из перепутавшегося клубка проблем постоянно выделялся один и тот же вопрос, на который он старательно искал ответа, такого важного, такого решающего. Решающего все.

Кто такая Кама? Почему, когда он лежал, схваченный за горло дьявольскими — как он тогда думал — клящами и ждал с парализующим волю ужасом, что вот-вот под ним развернется пропасть, к нему на помощь поспешила та, от которой он никак не ожидал помощи? Могла ли она быть дщерью ада? Ведь он видел ее героические усилия, борьбу, которую она вела за его жизнь, за жизнь человека, принесшего ей муки и смерть.

Так, может быть, она посланница неба? Эта слабая, окровавленная, падающая от истощения девушка? Почему она не вызвала ангельских заступников, которые обязаны взять ее под защиту? Почему ради него она пошла на такие страдания? Было в этом что-то непонятное, а одновременно прекрасное и страшное.

А чем был он сам? Мечом в руке божьей? Или скорей... орудием сатаны?.. Почему же он не оказался в руках Владыки Тьмы?

Ни на один из этих вопросов он не находил ответа.

Уже наступила ночь. Ставилось все холоднее. Холод болезненно вгрызался в одеревеневшие руки и ноги, охватывал тело.

Порой он забывал о боли. Большой мукой были клубившиеся в голове мысли, этот мучительный диалог

с самим собою. Он не мог и не хотел зачеркивать всего, что придавало смысл его жизни, но одновременно понимал, что от его убеждений остаются лишь крохи, обрывки. Это уже не было минутным сомнением, а сознанием, что путь, которым он шел до сих пор, вел... в никуда. Он пытался молиться, но скоро понял, что содержание механически повторяемых слов совершенно не доходит до его сознания.

Девушка с трудом пошевелилась.

— Они уже должны быть здесь... Должны прилететь, — услышал он ее шепот.

Он почувствовал комок в горле.

— Кто? Кто?! — со страхом и одновременно с надеждой спросил он.

— Они должны нас отыскать. Нас уже должны искать... Автоматы передали аварийный сигнал... На аэродромах получили... Наверняка получили...

— Я уничтожил... — прошептал он.

— Знаю, но... приборы еще действовали... иначе с нами было бы все кончено... Приборы успели послать сигнал... А даже если и нет... исчезновение сигнала тоже сигнал... Нас должны отыскать... Если нас найдут... в течение суток... то спасут. Мод! — крикнула она. — Свет! Свет! Смотри! Это наверняка они! Я не могу...

Он вскочил, внимательно осмотрелся вокруг, но мрак, окутавший горы, рассеивал только слабый свет Луны.

— Свет... отражение... я вижу... — нервно повторяла она.

— Это Луна...

— Смотри... смотри...

Он отошел на несколько шагов и вскарабкался на выступ скалы. Перед ним маячил в лунном свете изуродованный корпус самолета. Налево был виден темный рваный обрыв ущелья.

Вдруг кровь быстрее заиграла у него в жилах. Над самым краем обрыва он увидел мерно мерцающий красный огонек.

— Есть! Есть огонь! — радостно крикнул он.

Он спустился со скалы и побежал вниз, к Каме.

— Есть огонь! Есть! Я видел!

Он резко схватил ее руку и с ужасом почувствовал, что она холодна как лед. Он прижал ее руку к груди.

— Что ты говоришь? Что? — сонно спросила девушка.

— Есть свет! Я видел!

— Да... Я знала, что они... прилетят... Они нас спасут... Даже если... мы... замерзнем... Они вернут... нам жизнь... Жизнь...

— Скажи! Что я должен делать?!

— Я знала, что вы прилетите...

— Кама! Это я! Модест! — с ужасом закричал он. — Скажи, что делать?

— Модест! Чего ты от меня хочешь? — со страхом прошептала она. — Зачем ты меня мучаешь? Я сказала все. Всю правду...

— Что ты? Что тебе?

— Такова правда. Ты должен понять... Я не могу... ничего... Ничего другого я не скажу... Не скажу... Ты должен понять... Не хочешь мне верить? Почему? Я тебе не лгу... Нет ада... Нет рая...

Мюнх вскочил с земли и принял кричать во весь голос. Потом долго прислушивался, но до него долетал только далекий шум ветра в горах.

Он снова призывал на помощь и прислушивался. Еще раз. И еще...

Наконец вернулся к Каме и, подняв ее с земли, двинул к обрыву.

Вскоре он увидел свет. Свет был как будто выше и ярче. Модест шел в ту сторону, спускаясь все ниже по камням.

Он сам не заметил, как оказался под обрывом. Красный огонек теперь помигивал вверху, быстро передвигаясь по небу. Модест следил за его движением с сильно бьющимся сердцем и радостной надеждой до тех пор, пока огонек прошел зенит и начал перемещаться к северо-западу.

Теперь уже не надежда, а беспокойство возрастало в нем с каждой минутой. Когда, наконец, красная точка исчезла за вершинами гор, он понял: просто это

одно из искусственных небесных тел, вращающихся вокруг Земли, какие уже не раз показывала ему Кама.

Он в отчаянии приложил ухо к груди девушки. Ему казалось, что он слышит слабеющие удары сердца. Но не ошибается ли он? Не обманывает ли его слух?

Он снова начал растирать ее тело. Оно оставалось холодным и неподвижным.

Тогда он подумал еще раз о боге, которому служил так верно и слепо... Он начал молиться, со всей страстью, умоляя небеса о спасении. Не о своем! Собственная судьба в этот момент казалась ему совершенно безразличной. Он думал только о ней.

Он не пытался разобраться в этот момент, является ли его любовь к Каме греховной или святой. Он чувствовал, что девушка умирает, и отчаянно искал спасения. Может, был в этом отчаянии страх потерять друга в этом чужом и странном мире. Может, было это раскаяние, ужас перед несправедливостью, которой никто и ничто уже не сможет исправить...

Но небо оставалось глухим.

Так, значит, бог отвернулся от него в этот страшный час?! А может, вся прошедшая жизнь действительно была ошибкой?.. А если кровь, пролитая с его помощью, испепеленные тела сожженных, люди, осужденные им на муки, обвиняют его?.. Обвиняют перед лицом бога?! Нет! Ведь он не творил этого от себя. Ведь он был только одним из многих безгранично преданных праведному делу... Это дело не могло быть неправедным, иначе кем был бы тот, кто его обманул? Почему он молчал, когда слуги его творили зло?

Он уже не молился, не просил, но обвинял и грозил тому, кто не хотел выслушать его мольбы. Наконец страшная мысль, от которой содрогнулось все его естество, возникла в его мозгу. Если не бог, то, может, сатана придет ему на помощь?.. Эта мысль все глубже сверлила его разум, все настойчивее требовала проверки.

И когда в приступе отчаяния он начал призывать силы ада, он знал, что уже нет возврата. Он чувство-

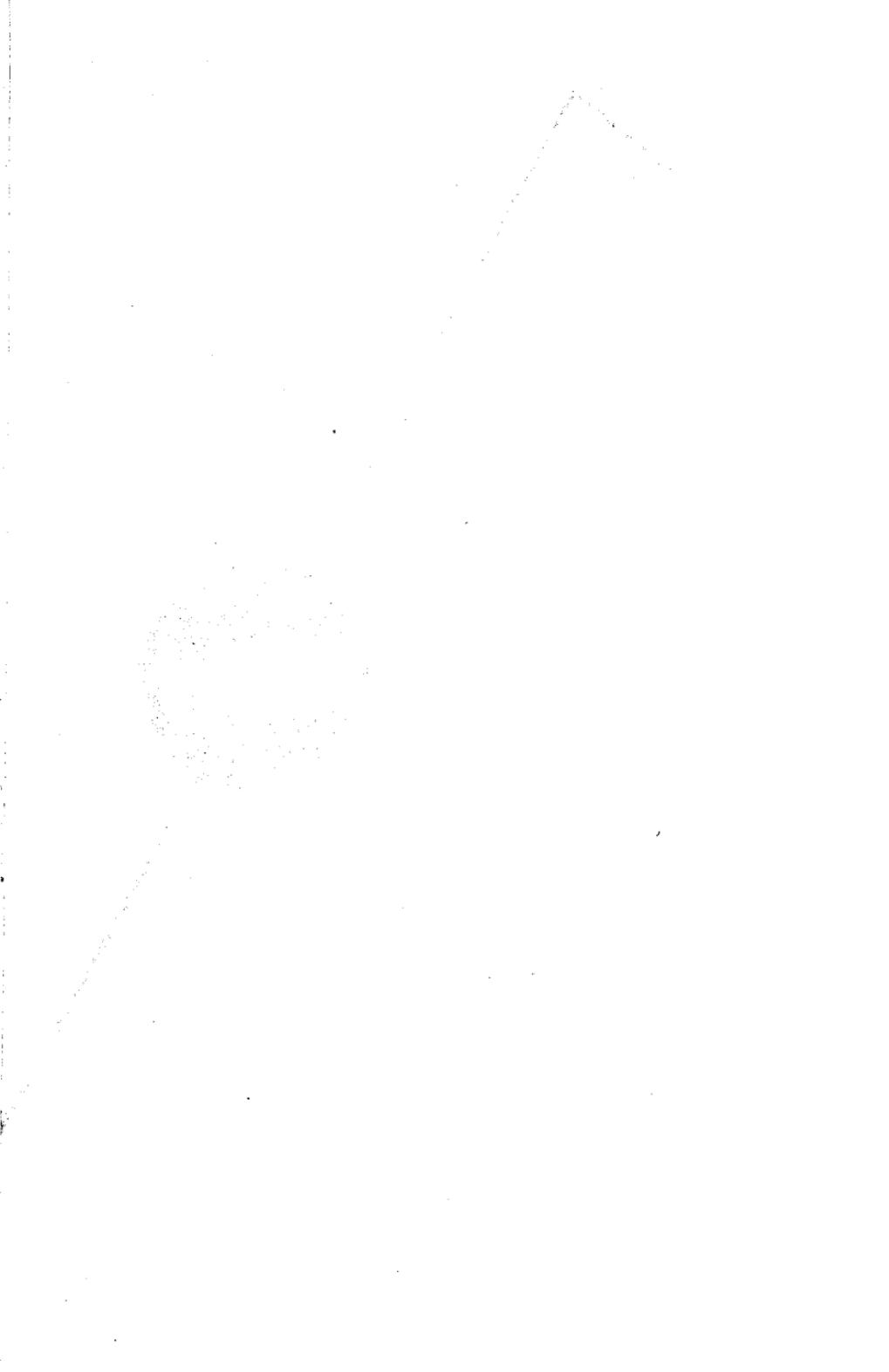
вал, что разрывает последние связи со всем, чему был безгранично верен многие годы.

Однако напрасно он оболыпался. Ад молчал.

Мюнх шел все медленнее. Он не чувствовал холода, только страшную усталость и сонливость.

Он спотыкался все чаще. Падал, поднимался и снова падал. Наконец, уже не в силах больше нести тело девушки, он упал и замер.

Он не слышал и не видел ничего: ни шума двигателей опускающейся машины, ни зажегшейся вдруг высоко над ущельем искусственной звезды, рассеивающей солнечным светом тьму ночи.

випадок

ШЬЕР
БУЛЬ

БЕСКОНЕЧ- НАЯ НОЧЬ

Меня зовут Оскар Венсан. Я холостяк. У меня небольшая книжная лавка в квартале Монпарнас. Мне недавно исполнилось пятьдесят лет. Я, как и все, участвовал в войне. На мой взгляд, одной войны вполне достаточно для человеческой жизни.

Я много читаю. Меня интересуют новинки науки, литературы и философии. Иногда я размышляю над проблемой существования, и это вполне удовлетворяет мою потребность в таинственном. Меня восхищает изобретательность ученых, которые сумели расколоть атомное ядро. Легкая дрожь восхищения охватывает меня, когда я подумываю, что родился в этом веке.

Только и только слушаю обязан я тем, что окунулся в это необыкновенное происшествие. Я не испытываю за это чувства благодарности к слушаю, но и не проклинаю его. Я немножко фаталист. Но мне бы очень хотелось знать, как я сумею из этого выбраться.

История эта началась вечером 9 августа 1949 года. Я сидел на террасе «Купола». У меня уже вошло в привычку бывать здесь в летние дни, попивая свежее пиво и разглядывая прохожих. Так было и на этот раз. Передо мною лежала развернутая газета, и, когда я уставал смотреть на прохожих, я опускал глаза, чтобы прочесть несколько строк.

Я подумывал о том, что все шло не так уж плохо.

Именно в этот момент в мою жизнь вошел бадарец, вошел с той властностью, которая свидетельствовала о его незаурядной личности.

Уже несколько минут мое внимание было привлечено человеком, который три раза проходил мимо моего стола, в упор разглядывая посетителей. Он был облачен в красную римскую togу: эта деталь меня поразила куда меньше, чем что-то странное и совершенно новое в его лице: может быть, благородство его черт? Быть может, его высокий и величественный лоб или олимпийский изгиб его носа? Или, возможно, бронзовый цвет кожи, подобного которому я никогда не встречал? Значительно выше среднего роста, он странным образом напоминал мне египетского бога, который обличился бы вдруг для забавы в римскую togу.

Я наблюдал за его движениями. Он снова медленно прошел передо мной, ступая несколько неуверенно; можно было подумать, что он заблудился и не решается спросить дорогу. Наконец он, по-видимому, принял решение и сел за соседний столик. Официанту, который подошел к нему, он показал на кружку, стоявшую передо мной, движением, которое должно было означать: «то же самое». У него был растерянный вид. Я заметил, что этот человек привлек не только мое внимание: недалеко от меня сидел невысокий господин в очках, с лысым черепом, который буквально пожирал его глазами.

Человек с бронзовой кожей отпил глоток пива, и на лице его появилась гримаса отвращения. Он задумался и долго молчал, потом посмотрел на меня.

— О друг, — сказал он серьезно, — не согласишься ли ты оказать мне чрезвычайную любезность и сказать, который теперь век?

— Простите? — ответил я.

— Я был бы тебе очень признателен, — продолжал он, — если бы ты назвал мне номер этого века.

Изумление, в которое меня поверг этот вопрос, вряд ли могло быть смягчено следующим обстоятельством: незнакомец говорил на латыни. Я неплохо знаю этот язык, так что без труда понимал незнакомца и мог ему отвечать. Мы вели разговор на классиче-

ской латыни, и теперь я передаю его с возможной точностью.

Сначала я подумал, что имею дело с любителем глупых шуток. Но его подчеркнутая вежливость вынудила меня отвергнуть это предположение. Тогда, быть может, сумасшедший? Как бы то ни было, я решил говорить ему в тон.

— О гражданин, — сказал я, — с великим удовольствием я отвечу тебе. Мы живем в середине двадцатого века. Точнее, в тысяча девятьсот сорок девятом году.

На лице незнакомца появилось выражение горестного изумления. Он с упреком посмотрел на меня и сказал:

— О друг, кто внушил тебе мысль издеваться над человеком, который прибыл сюда из другого времени и потому совсем одинок здесь? Я отлично знаю, что сейчас вовсе не тысяча девятьсот сорок девятый год, как говорит твой лживый язык, ибо, если мои расчеты точны, я покинул королевство Бадари около восьми тысяч лет назад. А у нас в это время был уже девятисотый год.

Я много раз слышал, что нельзя спорить с душевнобольными. Этот, видимо, помешался на том, что живет в другом веке. Я вспомнил, что читал как-то статью о недавнем открытии Брантоном развалин древнего города Бадари. Я заинтересовался тогда удивительной цивилизацией, о которой узнали благодаря раскопкам этого ученого. Вероятно, подобное же чтение помутило разум этого бедняги.

Я отвечал не спеша, все время в одном тоне.

— Я не спорю, о незнакомец, против твоих слов о необычайной древности великолепной бадарийской цивилизации. Однако — и в этом я призываю в свидетели богов — у меня не было и мысли смеяться над тобой. Мои слова означали только, что у нас теперь тысяча девятьсот сорок девятый год по христианскому летосчислению. Тебе, несомненно, известно, о мудрец, что время относительно. Поэтому мы можем одновременно жить в двадцатом веке от рождества Христова и восемнадцатисотом году или около того, если начали летосчисления будет у нас общим с жителями

просвещенного и прославленного города, о котором ты говоришь.

Эти слова его успокоили. Он погрузился в глубокое раздумье, занявшись, по-видимому, сложными вычислениями.

— Друг, — сказал он наконец, — прости мне, что я усомнился в твоем чистосердечии; но ты не посетуешь на меня, если узнаешь, какую сложную проблему приходится мне решать. В знак доверия я хочу раскрыть тебе мою тайну. Я не думаю, что это заставило бы усомниться во мне ученейшую Академию, которая послала меня сюда. К тому же я вижу на твоем лице признаки некоторого слабоумия, которое является для нас гарантией надежности человека. Прости мне мою откровенность; впрочем, эта черта присуща всем бадарийцам. Узнай же то, что не укрылось бы от тебя, будь ты более проницательным: я путешествую во времени. Меня зовут Амун-Ка-Зайлат. Как я уже сказал тебе, я прибыл сюда из прославленного города Бадари. Я покинул его несколько минут назад по моему времени, что составляет примерно восемьдесят веков времени земного. Я ученый королевского научного института, и мне было поручено испытать машину времени; продолжительность путешествия установлена нашим ученейшим институтом. Один из моих коллег уже проводил опыты небольшой длительности. Он достиг эпохи римлян, которую мы изучили совсем неплохо. Теперь ты понимаешь, почему я с легкостью говорю на латыни. Я облачился в одежду той эпохи, полагая, что, быть может, тога, как и язык, сохранилась в течение веков; увы, я заблуждался. Я установил машину на двадцать тысяч лет вперед; пока это наибольший срок, на который мы можем перемещаться. По пути я понял, что эта протяженность не может быть преодолена сразу. Тогда я решил сделать промежуточную посадку и несколько минут назад остановился здесь, в эпохе, которая, я полагаю, отстоит от нашей примерно на восемь тысяч лет. Впрочем, я не уверен в своих расчетах и хотел бы проверить их.

Как бы нелепо это ни выглядело, я начинал верить, что он говорит правду. По мере того как он говорил,

сомнения в отношении его душевного состояния исчезали. Теперь мною овладело лихорадочное возбуждение, которое, быть может, доказывало лишь слабость моего собственного разума. Итак, говорил я себе, передо мной подлинный, настоящий бадарец, один из тех, историческое существование которых доказывал Брантон в своем труде «Цивилизация Бадари». Поистине чудо: я избран в свидетели необыкновенного события! Путешествие во времени! Возможно ли — сбывается фантазия Уэллса! Тысячи вопросов одолевали меня.

Между тем незнакомец продолжал:

— О сын мой, мне понятно твое удивление. Тебе, вероятно, ничего не известно о чудесной цивилизации Бадари. Наверное, в течение восьмидесяти веков, которые протекли на Земле за несколько минут моего путешествия...

Хладнокровно выслушать эту гипотезу, пусть даже высказанную на классической латыни, было бы сверх моих сил. Я предложил незнакомцу сесть за мой столик и выпить вместе в честь благополучного прибытия и нашей встречи. Он не заставил себя упрашивать. Я спросил, чего бы ему хотелось. Он ответил, что ни за что на свете не притронется к омерзительному пойлу, которое только что приносил ему этот раб, но что ему показался очень приятным на вкус напиток, доставленный несколько дней назад (считая по его времени) из римской эпохи. Напиток этот был рубинового цвета, и римляне называли его *vinum*. Я заказал две бутылки отменного бургундского.

Он отпил большой глоток, кивнул одобрительно и серьезно сказал:

— Этот напиток согревает и приятен на вкус. Перед возвращением я возьму с собой четыре сосуда.

Я опустошил один за другим четыре стакана и попросил бадарийца продолжить рассказ.

— Я говорил тебе, — сказал Амун-Ка-Зайлэт, — что за восемьдесят веков, которые протекли на Земле в течение нескольких минут моего путешествия, заме-

чательная бадарийская цивилизация, по всей вероятности, исчезла. Твое изумление мне понятно, ибо столь же вероятно, что наши величайшие открытия тоже погибли. Уже римляне ничего не знали о них. В частности, наша хитроумнейшая машина времени им не была известна. Я не думаю, чтобы ее изобрели впоследствии.

Я подтвердил, что путешествие во времени практически нам никогда не представлялось возможным.

— О Амун-Ка-Зайлал, — сказал я, — эти перемещения во времени кажутся мне самым изумительным достижением человечества, и я понимаю теперь, что мы еще просто дети, несмотря на огромные успехи нашей науки. Однако наш век не столь невежествен, как ты полагаешь. Я знаю кое-что о бадарийской цивилизации. Пусть люди не сохранили памяти о ней; наши учёные принялись за ее изучение. Недавние раскопки открыли для нас это славное прошлое. Узнай же, что твой город был разрушен шесть с лишним тысяч лет назад и погребен под песками. Теперь наши отважные первооткрыватели раскапывают его развалины.

— Возможно ли? — воскликнул Амун.

— Они находят там глиняные черепки, бронзовые кинжалы и скелеты с искривленными конечностями. Но не найдено никаких следов тех открытий, о которых ты говоришь. Мы решили, что вы были земледельческим народом. Нам известно, что вы умели создавать восхитительные статуэтки из слоновой кости, обрабатывать перламутр и чеканить на меди; но никто и не подозревает, что ваша наука достигла таких высот, о чем я могу теперь засвидетельствовать.

— Что ж, в этом нет ничего удивительного, если подумать. Вполне естественно, что грубые предметы, о которых ты говоришь, сохранились в течение веков. Но наша прекрасная техника создавалась из материалов куда более хрупких, чем медь и бронза... Ты никогда не слышал о волнах и радиации? Вы не умеете передавать энергию с помощью этих невидимых посредников?

Я ответил ему, что умеем и что мы даже достигли в этой области значительных результатов. Я охотно описал ему устройство наших радио- и телестанций.

— Значит, — заметил он, — ты понимаешь, что главный элемент ваших устройств нельзя пощупать. Предположи теперь, что секрет этих передач с помощью воли будет утрачен и что будущий завоеватель обнаружит обломки тех аппаратов, которыми ты теперь так гордишься. Ведь он не сможет догадаться, какую практическую цель вы преследовали, создавая эти аппараты. Он решит, что имеет дело с образцами декоративного искусства. Точно так рассуждают ученые твоего века, когда они раскапывают осколки ваз и металлические обломки, на которых выгравированы непонятные символы... Но я вижу, что в области познания вы еще грудные дети. Основной чертой наших последних научно-технических достижений является простота. В частности, машина, которая доставила меня сюда, снабжена очень сложной радиационной системой, но ее несущая часть совсем не велика. Взгляни на нее. Ничего удивительного, что столь заурядный на вид механизм оказался незамеченным.

Он вынул из кармана небольшой матово-белый предмет почти эллиптической формы с клавиатурой, состоящей из кнопок и рычажков; казалось, этим ограничивалось устройство механизма. В этот момент я заметил, что маленький человек в очках, о котором я упоминал, наклонился вперед и смотрит на нас с огромным любопытством. Он сидел совсем недалеко и наверняка слышал большую часть нашего разговора. Бадариец поспешил спрятать предмет в карман.

— Нет нужды говорить, друг, что я оказал тебе высочайшее доверие. Эта вещь для меня сейчас ценнее всех ваз из королевской сокровищницы. Я не намерен задерживаться в твоей эпохе. Мне нужно достигнуть двадцатисячного года, который является целью моего путешествия, и потом вернуться домой... Но ты сказал, что божественный город Бадари давно уже мертв?

— Разве тебе это неизвестно? — ответил я по размышлении. — Разве ты, совершая свое путешествие, не был свидетелем его агонии и медленного угасания в течение веков? Разве ты не был свидетелем собственной смерти? Разве ты не видел, как твой прах поместили

в одну из тех изящно раскрашенных урн, которые теперь восхищают нас?

— Чтобы наш разговор не шел попусту, — ответил бадариец, — мне бы хотелось дать тебе некоторые разъяснения в отношении наших методов. Тогда отпадут многие вопросы, которые, прости, друг, кажутся мне глупыми... Но поскольку мы познакомились, не можешь ли ты назвать мне теперь свое имя? Называть людей с помощью таких выражений, как «О друг» или «О незнакомец», мне кажется утомительным. Это тоже позаимствовано мною у римлян.

— Меня зовут, — ответил я, — Оскар Венсаи.

— Ммдаа... ладно... Все-таки, если это не обидит тебя, я по-прежнему буду обращаться к тебе «о друг». Я хотел только сказать, что твои представления о путешествии во времени совершенно инфантильны. Слушай же.

Мы сидели друг против друга в атмосфере вечернего Монпарнаса, обвесеваемые нежным ветерком. Я настолько был увлечен рассказом бадарийца, что совсем забыл о еде. Было девять часов. В бутылках ничего не оставалось. Я хотел заказать новые, когда маленький человек в очках поднялся с места и, к моему глубочайшему изумлению, обратился к нам по-латыни.

— О граждане, — сказал он, — простите, что я нарушаю вашу беседу. Не обвиняйте меня в нескромности за то, что я слушал ваш разговор. Твои манеры меня поразили, о предок, едва только я увидел тебя. Я не мог не прислушаться к твоим словам. Они настолько взволновали меня, что я не удержался и слушал до конца. Не проклинайте же меня, но возблагодарите случай, который сделал возможной эту встречу, возблагодарите непостижимую привязанность людей к прошлому, которая побуждает изучать в школах латынь даже в наши дни... Но что там! Я должен сказать в мои дни, ибо, о благородные незнакомцы, мы с вами люди разных эпох. Насколько бы чудесным вам это ни показалось, знайте же, друзья, что перед вами еще один путешественник во времени. Но я прибыл

сюда из далекого будущего. Ни одному из вас невдомек мое существование, ибо, да будет известно тебе, парижанин, и тебе, бадариец, я должен родиться только через десять-двенадцать тысяч лет; я не могу сказать точнее, ибо, как и ты, о мой предок Амун, я приземлился в этой эпохе случайно, после того как установил, что не смогу сразу преодолеть протяженность в двести веков, на которую был установлен мой механизм, и должен сделать промежуточную остановку.

Друзья, перед вами доктор Джинг-Джонг, один из прославленных ученых республики Перголия... но, увы, вам ничего не известно о Перголезской республике, потому что страна, которая станет свидетелем моего блистательного успеха, пока еще скрыта под океаном, именуемым в твоё время, о парижанин, Тихим. Знайте же, что мне поручено... я хотел сказать: мне будет поручено Перголезской академией предпринять научное путешествие в прошлое, используя наше последнее достижение — машину времени. Длительность путешествия будет установлена в двести веков земного времени. По моим расчетам, я должен достигнуть замечательной бадарийской эпохи, с которой нас познакомила наша наука. Незначительное обстоятельство вынудило меня сделать здесь промежуточную посадку. Но я счастлив, ибо это позволило мне сразу же познакомиться с двумя различными эпохами.

Я прибыл сюда пять дней назад по твоему времени, парижанин. Я обменял свою одежду на другую, которая здесь не бросается в глаза. А вот моя машина.

Он показал овальный предмет, похожий на тот, что я видел у Амуна.

— О божественный Джинг-Джонг, — начал я.

Но я вынужден был остановиться, настолько я был потрясен. Я сделал знак гарсону и показал перголезцу место за нашим столом; моих сил хватило ровно настолько, чтобы спросить его, что он предпочитает выпить. Он ответил, что напиток, именуемый коньяк, во всех отношениях его удовлетворяет.

— Он напоминает мне, — добавил он, — напиток, который у себя дома я пью постоянно... Я хотел

сказать: буду пить. В самом деле, я еще не привык к жизни за десять тысяч лет до своей эпохи, и я прошу у вас прощения за путаницу, которую вношу из-за этого в разговор... Если ты позволишь, я хотел бы коньяк и немножко газированной воды.

Я заказал бутылку коньяку и сифон газированной воды и принялся разглядывать нового знакомца. Он был маленького роста, совершенно лыс и одет в аккуратный черный сюртук. Глаза его горели дьявольским огнем, и мое внимание, несомненно, привлек бы его череп необыкновенной величины, если бы не бадарец. После появления маленького человека он еще не произнес ни слова. Казалось, он недоволен.

Одним глотком я выпил стакан коньяку и немножко пришел в себя.

— Господа, — начал я, — ...прошу прощения, джентльмены... Я хочу сказать: о ученейшие! Ты, знаменитейший из бадарийцев, и ты, который своей славой затмил... затмишь самых прославленных перголезцев! Этот вечер ознаменован величайшим событием в моей жизни, и я благодарю провидение за то, что оно позволило мне стать свидетелем настоящих чудес. Я чувствую себя недостойным и, краснея от стыда, склоняюсь перед твоей необычайной мудростью, Амун-Ка-Зайлат, и мудростью, которая достанется в удел тебе, Джинг-Джонг. Но сжальтесь над непросвещенностью этого века, который, как я замечаю, является чем-то вроде мрачного средневековья. Я заклинаю вас дать мне некоторые разъяснения. Ведь со дня твоей смерти, бадарец, живший восемь тысяч лет назад, прошло по меньшей мере семьдесят девять веков. Как же ты можешь находиться здесь, перед моими глазами?

— Я постараюсь удовлетворить твое любопытство, но вопросы, которые ты задаешь, свидетельствуют о твоем крайнем простодушии. Позволь же мне начать сначала, что я и собирался сделать, когда нас прервал перголезский ученый... и ты, мой прапраправнук, выслушай мой рассказ, после чего я буду счастлив выслушать твой.

Доктор Джинг-Джонг кивнул в знак согласия, после чего бадарец продолжал:

— Уже несколько десятков лет назад нашими учеными была установлена теоретическая возможность ускоренного перемещения во времени. Один из наших ученых доказал, что время не является однородным и что для индивидуумов, находящихся в разных системах, скорость его относительна и определяется самой системой... Но скажи мне, парижанин, достаточно ли ясно я выражаюсь?

— Продолжай, эта теория мне знакома. Один из наших ученых сделал аналогичное открытие.

— Итак, возможность (повторяю, теоретическая) жить во времени, отличном от земного, была признана; но для ее осуществления требовалось достичнуть скорости, близкой к скорости света. Я приведу пример, который ты сможешь понять; его всегда приводят нашим школьникам. Если путешественник отправится с нашей планеты со скоростью в двести девяносто девять тысяч девятьсот восемьдесят пять километров в секунду и пробудет в путешествии два года, то к его возвращению на Землю пройдет двести лет...

— Мне это известно, — сказал я, гордясь своими познаниями. — Профессор Ланжевен прославился...

— Прекрасно. Но не перебивай меня. Теперь я расскажу тебе о том, чего ты не знаешь.

Эта истина оставалась чисто теоретической до того дня, когда был открыт до смешного простой способ, дающий возможность человеческому телу без всякого вреда двигаться со скоростью, близкой к скорости света. С тех пор путешествие во времени — правда, только в определенном направлении — стало практически осуществимым. Мы научились посыпать своих гонцов в последующие эпохи. Достаточно для этого забросить их в пространство и, едва они достигнут необходимой скорости, немедленно вернуть их на Землю. Я выражаюсь весьма схематически. На самом деле такой путешественник сразу же выпадает из-под нашего контроля, поскольку он оказывается в другом времени. Поэтому мы даем ему точные предварительные инструкции и заранее подвергаем специальному обучению.

Десять человек были таким образом «запущены», и совсем недавно возвратился первый из них. Его марш-

рут был рассчитан таким образом, чтобы на Землю он вернулся через двадцать пять лет нашего времени, то есть через несколько секунд своего собственного. Он чувствует себя отлично и был очень удивлен, когда оказалось, что он с сыном теперь одного возраста. Что до остальных, то мы пока ничего не знаем о их судьбе.

В самом деле, если ты внимательно следил за мной, то наверняка заметил, что наши первые опыты страдали от одного существенного недостатка. Наши посланцы могли достигнуть какой угодно эпохи земного времени, но возвратиться оттуда они бы не смогли. Изобретение оставалось несовершенным. Наш посынец мог пользоваться благами прогресса, достигнутого человечеством за время его путешествия, но поделиться с нами своими знаниями он не смог бы до тех пор, пока... мы не встретились бы с ним, прожив определенное время и достигнув тех же самых знаний. Такое положение нас не устраивало. И вот самые изобретательные умы Бадари принялись за разрешение этой проблемы.

Я горжусь тем, что вложил свой вклад в это большое дело. Мы научились, наконец, путешествовать через века в обратном направлении. Некоторые ученые полагали, что это невозможно, ибо считали время необратимым. На самом деле это не так. Я не буду вдаваться в подробности и не стану рассказывать о технике этого дела — ты, парижанин, меня не поймешь; что касается тебя, перголезец, то само твое присутствие здесь свидетельствует о том, что наше изобретение было вновь открыто через века. Если я захочу возвратиться в Бадари, мне понадобится только передвинуть небольшой рычажок. Я устремлюсь тогда со сложной скоростью в соответствии с воображаемой временно-пространственной протяженностью. Я достигну своей эпохи, двигаясь во времени в обратном направлении. Наши предыдущие эксперименты были успешны, и, как я уже говорил тебе, наш посынец возвратился с интереснейшими свидетельствами о Римской империи.

Я слушал бадарийца внимательно, стараясь не упустить ни слова. Джинг-Джонг довольствовался тем, что

временами одобрительно кивал головой. Когда Амун-Ка-Зайлат умолк, он воскликнул:

— Да будет прославлена мудрость перголезцев, воскресивших эти чудеса! Меня мало что удивило в твоем рассказе, бадариец. Мы тоже открыли... то есть откроем способ для достижения баснословных скоростей. Нам тоже станет известен принцип усложненных перемещений и воображаемых протяженностей. Единственная разница между твоим экспериментом и моим, о предок, заключается в направлении путешествия. Мы решили совершить путешествие в прошлое. Итак, после точной установки машины я отправляюсь в бадарийскую эпоху, унося с собой надежды и энтузиазм всех перголезцев. Я отправлюсь в путь через двенадцать тысяч лет. Я прибыл сюда пять дней назад после путешествия, занявшего несколько часов...

Выражения «сложная скорость» и «воображаемая протяженность» мне еще были под силу; но от этого беспрерывного смешения прошлого, настоящего и будущего у меня начиналась нервная дрожь. Я заказал еще несколько бутылок.

— Простите, друзья, что я прерываю вас, — взмолился я, — но мне нужно какое-то время, чтобы освоиться. Не торопитесь, пожалуйста, меня изумляет каждое ваше слово... Итак, — продолжал я, пытаясь сосредоточиться, — ты уверяешь, Амун-Ка-Зайлат, что сможешь отправиться против течения времени и возвратиться в эпоху, из которой ты прибыл?

— Совершенно верно.

— И потом, когда ты умрешь, твое перемещение во времени еще будет продолжаться в будущем? Стало быть, люди моего века, например, могут видеть тебя живым уже после твоей смерти?

— В этом нет никакого сомнения, — ответил бадариец.

— А почему бы нет? — добавил Джинг-Джонг. — Ведь меня ты видишь задолго до моего рождения.

— Действительно, — пробормотал я в задумчивости, — я об этом не подумал... Но как же тогда... разве не ты мне сказал, что ты сейчас жив?.. Ведь в таком случае прав как раз я, и ты наверняка мертв.

— О парижанин, твое вино прекрасно, но голова у тебя поистине слоновья. Ведь все это очень просто: для тебя я мертв, но относительно моего собственного времени я жив, поскольку я существую. Моя смерть находится в МОЕМ БУДУЩЕМ и одновременно в ТВОЕМ ПРОШЛОМ. Если тебе так больше нравится, что ж: я умер немногим менее твоих восьмидесяти веков назад. В этом нет никакого противоречия.

— Да... да... Но предположим, что ты совершил путешествие всего лишь на два года вперед (я имею в виду два земных года). Ты останешься там несколько дней, а затем вернешься назад и будешь жить изо дня в день; если я правильно понял, через два года ты должен будешь встретиться с самим собой во времени, которое ты уже прожил... то есть которое ты проживешь два года назад... Я хочу сказать, два года спустя.

— Это неоспоримо, и такая встреча с самим собой — одна из удивительных деталей, связанных с подобными путешествиями. Совершенно очевидно, что в случае замкнутого цикла со слабой амплитудой, возвратившись назад и живя затем нормально, то есть в земном времени, я должен оказаться перед собственными глазами, точно так же, как сейчас нахожусь перед тобой.

— Непостижимо! — вскричал я, почти теряя рассудок. — Но ты, Джинг-Джонг, когда ты родишься... Когда ты будешь рожден... Когда ты должен будешь родиться... и если ты возвратишься в эти края, узнаешь ли ты Париж, который ты должен будешь посетить... да, который ты посетишь примерно за двенадцать тысяч лет до своего рождения?

— Не думаю, — ответил Джинг-Джонг. — Ты все время забываешь, что я должен буду родиться по отношению к тебе, но что касается меня, я уже родился, поскольку я сижу здесь, перед тобой. К этому моменту я помолодел только на два или три часа; и поскольку мне шестьдесят лет, я родился шестьдесят лет назад по времени перголезцев.

Сидя на террасе «Купола», мы продолжали беседу. Конъяк помогал мне не выглядеть чрезмерным глуп-

цом, хотя я жалким образом продолжал путать глагольные времена. Стояла светлая ночь. Монпарнас снова стал красочным и оживленным, как в предвоенные годы. В толпе можно было встретить иностранцев всех рас и в любой одежде. Бадариец в красной тоге не особенно выделялся.

«Никто и не подозревает, — подумалось мне, — что здесь совершаются... совершилось... совершится... самое необыкновенное приключение в истории... и что это мне, Оскару Бенсану, дано стать его участником! Какая необыкновенная заботливость провидения!»

Совсем теряя голову от признательности к судьбе, я робко спросил своих гостей, не пожелают ли они отведать вина, столь прославленного у нас; я заказал две бутылки шампанского. Мы чокнулись.

Амун-Ка-Зайлат соблаговолил выразить свое удовлетворение. Он говорил:

— Странное ощущение испытываешь, друг, оказавшись внезапно на восемь тысяч лет впереди своего времени. Я не стану дурно отзываться о твоем веке, парижанин, хотя, мне кажется, он достиг просто непостижимого уровня невежества. Но воздух здесь легок, свет мягок, и я ощущаю в себе необычную теплоту. Я воздаю должное твоему гостеприимству и благодарю тебя от имени своего научного института. Что-то теперь делают мои научные коллеги в Бадари? Вернее, чем были они заняты восемьдесят веков назад? Конечно же, они с нетерпением ожидали моего возвращения. Я не обману их надежд. Жатва, собранная мною, станет датой в истории мировой науки.

Но я не могу безмятежно дремать среди плотских радостей твоей эпохи, друг; я должен выполнить свое задание. Я отправлюсь к цели, которая мне назначена; я должен достигнуть твоей эпохи, Джинг-Джонг. Возможно, я окажусь там, перголезец, в годы твоей жизни. Вероятно, стало быть, что я встречу тебя там; но ты не сможешь меня узнать, ибо наша встреча будет еще предстоять тебе в будущем. Я надеюсь, ты окажешь мне прием столь же учтивый, какой оказал

нам наш друг парижанин. Надеюсь также, что искусство приготовления вин к тому времени не будет забыто.

— В последнем можешь быть уверен, о предок; но ты обольщаешь себя ложной надеждой. Ты не можешь меня встретить в Перголии, ибо если ты меня встретишь, то — прошу снисхождения за не слишком изящный оборот — это уже произошло в моем прошлом. В таком случае я уже теперь знал бы об этом. Между тем твое лицо мне незнакомо.

— Это справедливо, о будущий мудрец, я забыл об этой детали... Но мне пора. Не можешь ли ты, парижанин, оказать мне последнюю услугу? Мне было бы страшно неприятно взлететь посреди этой толпы; это не осталось бы незамеченным. Не согласишься ли ты проводить меня в какое-нибудь пустынное место, откуда я смогу вылететь, не вызывая скандала?

Я поднялся, чтобы проводить его. Джинг-Джонг пообещал подождать меня в «Куполе»; мне хотелось еще поговорить с ним.

— Я не двинусь с места, — сказал перголезец, — до твоего возвращения. Я думаю завтра отправиться дальше. Тебе же, предок Амун, я желаю счастливого пути. Но не хочешь ли ты передать что-нибудь своим братьям? Не исключено ведь, что я приземлюсь в твоем веке.

— Скажи им, что ты встретил по дороге Амун-Ка-Зайлата, что все идет хорошо и что я скоро возвращусь. Vale!

Мы прошли несколько шагов по бульвару. Потом мы свернули в переулок, и я повел Амуна по направлению к Люксембургскому дворцу.

По дороге бадарец говорил мне:

— Прости, друг, что я ускорил свое отбытие, но этот маленький перголезец мне совсем не нравится. Мне кажется, он питает какие-то ужасные намерения. Я чувствую, что за всем этим кроются черные замыслы. Богатая и обширная страна Бадари постоянно возбуждала зависть у своих соседей. За нашу историю нам пришлось отражать нападения бесчисленных врагов. Но что произойдет, если о нашем процветании узнают

народы будущего? Если они столь же учены и могущественны, как мы — а именно так, по-видимому, обстоит дело с этими перголезцами, — боюсь, что у них будет слишком большое искушение отправить экспедицию в прошлое для завоевания наших богатств. Мне что-то не нравится ни форма черепа Джинг-Джонга, ни его тщедушное тело. Я проделал глубокие исследования по изучению соотношения физической конструкции человека с его нравственным обликом и могу сказать, что на этот раз мы имеем дело с очень злым и нехорошим человеком... Парижанин, теперь я сделаю тебе признание, ибо чувствую, что ты меня не предашь. Если поначалу мое путешествие было вызвано бескорыстной научной любознательностью, то теперь оно приобретает до некоторой степени разведывательный характер. Раскрыв глубочайшие тайны вселенной и в полном сознании своего достоинства и славы, мы хотим познакомить с достижениями бадарийской цивилизации народы всех времен. Но теперь планы перголезцев, по-видимому, угрожают нашим.

Я принял решение. Я установлю машину на время жизни этого субъекта. Я проведу там несколько недель, чтобы узнать, что они замышляют. Потом я возвращусь в Бадари, чтобы сделать доклад Его Величеству нашему королю. Тогда мы сделаем свои приготовления.

На улице, кроме нас, никого не было. Он вынул из кармана машину времени и внимательно отрегулировал ее.

— Все готово, — сказал он наконец.

— Но, — ответил я, опечаленный, — я совсем мало тебя видел, и теперь ты покидаешь меня, наверное, навсегда. Мне еще нужно задать тебе тысячу вопросов. Ты мне почти ничего не рассказал о чудесной бадарийской цивилизации.

— Возможно, ты увидишь меня значительно раньше, чем предполагаешь, — ответил, улыбаясь, Амун-Ка-Зайлэт. — Я обещаю на обратном пути сделать тут еще одну промежуточную посадку.

— А как я узнаю, где тебя опять встретить?

— Доверься, друг, бадарийской мудрости... А теперь отойди на несколько шагов.

Он плотно завернулся в тогу, сделал мне знак рукой, который я принял за прощальный, и нажал на кнопку. Вспыхнуло фиолетовое пламя, перед моими глазами промелькнула белая молния, и я услышал протяжный свист, подобный тому, что бывает при запуске ракет. Что-то ослепительно яркое пронеслось у меня над головой, устремляясь в черное небо. Все это заняло какое-то мгновение, после чего снова наступили мрак и тишина. Я остался один, сжимая от волнения решетку Люксембургского дворца.

Несколько секунд я продолжал стоять, прислонившись к решетке. Едва я справился с волнением, как новая вспышка озарила ночь. Снова молния прорезала небо, и передо мной на прежнем своем месте оказался Амун-Ка-Зайлат, на этот раз одетый в плотно облегающее трико.

— Что происходит? — вскричал я. — Ради бога, что означает это внезапное возвращение? Конечно, я счастлив, но что помешало твоим планам? Может, в твою машину попал песок?

Бадариец снисходительно улыбнулся.

— Ничего не случилось. Все работает отлично. Разве я не предупредил тебя, что сделаю здесь вторую промежуточную посадку? Как видишь, я держу свое слово. Я возвращаюсь из Перголии после того, как провел в этой стране, которая, кстати, мне совсем не понравилась, целый месяц. Я рад окунуться снова в нежную атмосферу парижской ночи.

Я опять не смог сдержать удивления:

— Но ведь ты покинул меня всего несколько секунд назад?

— Это правда. Но что же здесь непостижимого? Сколько раз нужно тебе повторять, что, как только я уношуся в пространство, я немедленно оказываюсь во времени, отличном от твоего? Я достиг Перголии меньше чем за час, что составляет примерно одиннадцать тысяч лет земного времени. Я пробыл там, как и на мереовался, немногим менее месяца — между прочим, я немало пострадал от мерзкой пищи и отвратительных напитков, которые мне подавали в этом двадцать девять тысяч сто пятьдесят третьем году, — а затем я от-

правился против течения времени, отрегулировав свою машину таким образом, чтобы сделать здесь промежуточную посадку, как и обещал тебе. Поскольку день и время нашей первой встречи мне были по душе, я постарался вернуться точно на то же место. Это мне удалось без труда. Вот и все. На самом деле я прожил месяц. За это время ты прожил десять секунд, а на Земле прошло одиннадцать тысяч лет в одном направлении и одиннадцать тысяч лет в обратном. Все это ясно, как божий день. Я подумывал вернуться сюда немного ранее момента своего отправления. Но я не сделал этого, чтобы избавить тебя от излишних переживаний: я ведь вижу, что ты не в силах освоиться с относительностью времени.

— Я понимаю, — ответил я, вконец сбитый с толку. — Я понимаю... Я благодарен тебе, что ты переждал эти несколько секунд. Но в самом ли деле ты достиг этого двадцать девять тысяч сто пятьдесят третьего года, как ты его называешь? Видел ли ты... Увидишь ли ты, в самом деле... Послушай, умоляю тебя, давай условимся употреблять прошлое время, пусть в этом и нет никакой логики. В самом ли деле ты видел эту Перголезскую республику, чей представитель ожидает меня сейчас перед бутылкой шампанского?

— Можешь быть уверен. Я видел ее и принес оттуда важные новости. Положение очень серьезно. Я хочу рассказать тебе о своих приключениях... Но не можем ли мы устроиться поудобнее в одном из этих заведений, где подают напиток, вкус которого я не забыл в течение последнего месяца? Пусть подождет Джинг-Джонг, этот глупый негодяй.

Я присматривался к бадарийцу. Как я уже говорил, он был одет в черное, плотно облегающее трико. Оно подчеркивало его формы: фигурой он походил на античное божество. Я повел его в маленький кабачок на Сен-Жермен-де-Прэ в надежде, что там его наряд останется незамеченным. В самом деле, никто не обратил на него внимания. Я заказал вина. Он продолжал:

— Да, сын мой, Перголия достигла больших успехов в области физических и математических наук, по

это не тот мир, который я выбрал бы, чтобы доживать там свои дни. Жители этой страны очень не симпатичны, и им незнакомо, что такое радость жизни. Помимо всего, это гнусные злоумышленники, которые, как я и предполагал, намереваются послать экспедицию для завоевания лучезарного Бадари. Но позволь мне теперь рассказать о своих приключениях. В них много необычного.

Как ты уже знаешь, я использовал указания Джинг-Джонга и отправился в перголезскую эпоху. Машина моя настолько совершенна, что я приземлился именно в его времени, в самой столице республики, которая именуется Бала и является наиболее отвратительным городом из всех, когда-либо встреченных благородным бадарийцем.

Я смешался с населением и старался ничем не обнаружить себя. Мне удалось обменять свою тогу на этот перголезский наряд, который буквально оскорбляет мой вкус. За несколько дней я усвоил их язык, после чего постарался проникнуть в среду их ученых, которые составляют там подлинную аристократию. Случай мне помог. Я поступил слугой в дом доктора Перголезской академии. Там я узнал, что приземлился в городе Бала — о чудо науки! — не только в эпоху Джинг-Джонга, но — слушай внимательно — в то время, когда он уже ВОЗВРАТИЛСЯ ИЗ СВОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ. Я напоминаю тебе, что употребляю прошлое время только для того, чтобы не перенапрягать твои нервы. Я должен бы сказать: «когда он возвратится»... Это замечание я делаю с тем, чтобы предупредить твои возражения. Ты помнишь, что, когда я рассматривал возможность встретить в Перголии коротышку Джинг-Джонга, он заметил мне, что, если бы он меня уже видел, он бы помнил об этом. Итак, я встретил его там, но это произошло уже ПОСЛЕ нашей встречи здесь, ПОСЛЕ его путешествия в Бадари и ПОСЛЕ его возвращения. Стало быть, он не мог здесь помнить о событии, которое еще предстояло ему в будущем. Ты слушаешь меня внимательно?

— Продолжай, — сказал я, опрокидывая большой стакан коньяку.

— На чем я остановился?.. Ах, да! Итак, я оказался там как раз после возвращения Джинг-Джонга из путешествия. Мне никогда не забыть минуты, когда он увидел меня и — слушай теперь внимательно! — когда ему стало ясно, что, поскольку мы с ним встречались в твоем веке два раза (ибо вскоре нам предстоит снова встретиться здесь), ему не было известно во время этой второй встречи, что мы уже виделись — с моей точки зрения — или увидимся относительно него в Перголии одиннадцать тысяч лет спустя; но главное, он понял, что я-то в Париже уже об этом знал и, стало быть, имел возможность подготовиться к будущему сражению!

— Но как это? Как? — вскричал я.

— Я понимаю: требуется крайняя сосредоточенность, чтобы постигнуть все эти временные ситуации. Но сделай усилие, прошу тебя. Я повторяю: очень скоро мы снова его увидим. Он сам в припадке гнева сказал мне об этом в двадцать девять тысяч сто пятьдесят третьем году. Теперь он не будет знать, что я уже был свидетелем его возвращения в Балу. Но когда там, в Перголии, он станет участником встречи, которую я уже пережил, тогда он поймет, что мне здесь уже были известны все обстоятельства этого будущего события и что он обведен вокруг пальца... Вот что произошло, и он меня яростно обвинял в коварстве. Достаточно ли ясно я выражаюсь?

— Продолжай. Я, кажется, понимаю, к чему идет дело.

— Итак, Джинг-Джонг возвратился из своей экспедиции. Конечно же, я старался не попадаться ему на глаза. Этот предатель представил доклад Перголезской академии и прочел его на заседании, которое происходило в доме моего хозяина. Я спрятался за шкафом и прослушал все от начала до конца. О сын мой, трудно передать, насколько извращены эти люди и какая страшная опасность угрожает Бадари!..

Прежде всего я испытал определенное удовлетворение, услышав из его уст, что мое путешествие счастливо окончилось... Нужно тебе сказать, что Джинг-Джонг достиг Бадари немного спустя после МОЕГО

ВОЗВРАЩЕНИЯ. Мне кажется, ты не сумеешь уловить всей необычайности этой ситуации: впрочем, и мне самому нелегко во всем этом разобраться. Неважно... Итак, с явным удовольствием я слушал рассказ своего противника о поступке, который я еще не совершил, и о событии, которое он сам в нынешний момент еще не пережил. Буду краток, чтобы тебя не томить. Все прошло отлично. Но продолжаю о докладе Джинг-Джонга.

Он рассказал о прелестях бадарийской цивилизации, о процветании ее столицы и мудрости ее немногочисленного населения. Он упомянул о пустующих пространствах, окружающих Бадари, и сравнил их с густонаселенной территорией Перголии. Это их большое место. Дело в том, что этот народ одержим нелепой манией к стихийному размножению, без всякой мысли о будущем. В конце концов им приходится жить в такой тесноте, как в мои времена жили кое-где крысы в чужеземных странах. Земля не может больше прокормить всех обитателей Перголии. Увы, мои подозрения оказались совершенно справедливыми. Их проклятые ученые разработали план настолько же хитроумный, насколько мерзкий и дьявольский: они собираются послать армию в прошлое для завоевания Бадари.

Джинг-Джонг своим докладом только поощрил их. Начато массовое производство машин времени. Огромное количество солдат-завоевателей проходит интенсивную подготовку. Быть может, пока я разговариваю с тобой, их авангард уже находится в пути... Впрочем, я ошибаюсь, конечно. Ведь Перголия будет существовать только через одиннадцать тысяч лет. Что касается Джинг-Джонга, он все еще здесь. Он ждет тебя на террасе заведения, где мы были только что, то есть месяц назад. Сын мой, я чувствую себя усталым. В этих путешествиях требуется такая работа мысли, которая подвергает рассудок тяжелому испытанию. Все это очень усложняется... Но продолжаю.

Итак, никем не замеченный, я присутствовал на заседании перголезских ученых и слушал доклад доктора Джинг-Джонга. Он продемонстрировал сокровища, зло-

дайски похищенные им в наших музеях. Он рассказал о проделанных им экспериментах. В частности, он вступал в связь с бадарийскими женщинами — из чисто научного любопытства, с целью создания гибридной расы. Этот рассказ был особенно омерзителен. Услышав об этих гнусностях, я потерял хладнокровие. Я выскочил из своего укрытия и бросился к этому коротышке, осыпая его градом жестоких упреков. Он узнал меня и понял то, что я тебе только что объяснял. Указывая на меня пальцем, он закричал своим коллегам: «Вот человек, которого я встречаю повсюду во всех эпохах! Это бадарец, рискнувший путешествовать во времени за двадцать тысяч лет до меня! Я наткнулся на него два раза в двадцатом веке по христианскому летосчислению. Он прибыл сюда с тем, чтобы шпионить за мной, в то время как я, ничего не подозревая, сижу на террасе кафе в городе, именуемом Парижем. Но еще прежде, чем я увидел его здесь, этот гнусный негодяй отправился в Париж, зная заранее о моих замыслах. Он попытается вовлечь в свою игру жалкого идиота, чьим доверием он овладел. С помощью этого Оскара Венсана он захочет напоить меня и выкрасть мою машину времени. Но провидение не дремлет, и я расстроил их планы, ибо вот он я, перед вами, после того как я выполнил свою миссию в Бадари!

И это еще не все, перголезцы! Знайте же, что этот проклятый предок встает мне на дороге повсюду: в прошлом, настоящем и будущем! Настолько сплелись наши существования — мое прошлое с его будущим и мое будущее с его прошлым, — что сами боги не смогут ничего в этом уразуметь. Я встретил его снова — в Бадари уже после того, как он присутствовал на этом секретном заседании и пронзил меня кинжалом, что вы увидите через несколько секунд. К тому времени он коварным способом узнал уже все детали нашего грандиозного проекта и искал путей, чтобы воспрепятствовать его осуществлению. Он бахвалился там, что убил меня; сейчас он будет иметь честь совершив это в вашем присутствии!.. Ну что ж, пусть сбудется судьба! Умри, проклятый! Я знаю, что кинжал, которым я на тебя замахиваюсь, ты направишь в мою же грудь; но

поскольку эта сцена уже существует во времени, я вынужден попытаться убить тебя, хотя и знаю, что именно я погибну. Умри же, презренный убийца!»

И он бросился на меня с кинжалом.

— Как?! — вскричал я.

— Умоляю тебя, парижанин, не прерывай меня! И так все это очень сложно. Знай только, что он не лгал. Я расскажу тебе сейчас, как все произошло. В отношении убийства все исполнилось совершенно точно.

Замахнувшись кинжалом, он бросился на меня. Но, к счастью, я значительно сильнее его. Я был начеку. В один миг я вывернул ему руку и овладел оружием.

«И ты полагаешь, негодяй, — вскричал я, тоже вне себя от беспечства, — что мне не надоело встречать тебя повсюду, ты думаешь, с меня этого недостаточно: поневоле сталкиваться с тобой во все времена? Ты думаешь, меня это забавляет: быть орудием в руках судьбы? Или я из удовольствия отдамся этой дурацкой комедии: когда попытаюсь выкрасить твою машину и буду знать, что ничего из этого не выйдет, как ты рассказал? Умри же, злодей, пусть сбудется то, что суждено!»

И я вонзил кинжал ему в сердце. Он испустил страшный крик и отдал свою мерзкую душу дьяволу.

Да, сын мой, я преступник, но меня не мучают угрызения совести; к тому же я убил его при самозащите. Единственное, о чем я жалею, это то, что я не смог навсегда покончить с этой жуткой личностью. Увы, мне придется встретить его еще здесь, потом в Бадари... и по его возвращении в Перголию, когда я заколю его там через одиннадцать тысяч лет... А затем придется снова отправиться в Бадари... снова встретить его... Ты знаешь, эти путешествия выработали у меня куда более сложные представления о времени. Я начинаю замечать, что это не столь уж простая среда, как мы представляли... Но окончу свой рассказ.

Итак, я убил коротышку Джинг-Джонга (почему только я не сделал этого раньше?)... Ну и шумиха под-

нялась в этом ученейшем собрании! Все эти писаки-коротышки бросились на меня, испуская дикие крики и комическим образом потрясая своими кулаками. Я с удовольствием проломил бы череп нескольким из них, но их было слишком много, и я не выбрался бы живым из Перголии. Я предпочел достойное отступление. Ноги у меня длинные, дыхание отличное, так что им было не угнаться за мной. Я укрылся в городе. Я прожил в нем еще несколько дней: нужно было узнать подробней о замыслах перголезских академиков. Смерть Джинг-Джонга не обескуражила их, и они не отказались от своего проекта.

Недолго ждать столкновения Перголии и Бадари. Война неотвратима. Узнав то, что мне было нужно, я поспешил отправиться в обратный путь — по воображеному маршруту. Остальное тебе известно.

В молчании я выслушал этот удивительный рассказ, все чаще прибегая к помощи вина, чтобы не сдали нервы от этих головокружительных откровений. Вокруг нас в ритме какой-то странной мелодии колыхались в воздухе человеческие пары. Амун-Ка-Зайлат с интересом и явным удовольствием наблюдал за ними.

— Мне нравится бессвязная суeta твоего века, — проговорил он со вздохом. — Если бы я мог побывать здесь подольше и дать немного отдыха моему рассудку! Увы, пора отправляться — надо действовать.

Я спросил, каковы его планы.

— Вот они, — отвечал бадариец. — Все средства хороши против бесчестного противника. Я решил хитростью овладеть проклятой машиной Джинг-Джонга. Ты должен мне помочь, и мы проведем его. Не говори ему ничего о моем путешествии. Я же скажу ему, что по некоторым причинам мне пришлось отсрочить свое отправление, и предложу провести ночь за вином. Ты закажи напитки покрепче. Я уже заметил, что он как раз такие предпочитает. Когда он опьянеет, он будет в моем распоряжении, и я смогу выкрасть его машину. Тогда он станет пленником твоего века, и Бадари будет спасено.

Эти рассуждения звучали явно нелогично в устах бадарийца и показались мне просто безрассудными.

— Конечно же, я хочу тебе помочь, — ответил я. — Но разве ты не сказал, что из этого ничего не выйдет? Что судьба в данном случае против нас? Разве это уж так необходимо: добиваться чего-то, зная заранее о неуспехе предприятия? К чему эта призрачная попытка?

— Почему призрачная, кто тебе сказал? То, о чем я рассказал тебе, является реальным космическим событием, которое в законченном своем виде существует именно так, как я его описал. Хотя мне известно заранее, что должно произойти, не в моей власти изменить судьбу. Неужели же ты настолько наивен, что не знаешь даже законов научного детерминизма? Да, произойдет именно следующее: Джинг-Джонг нас проведет. Впрочем, один раз он нас уже надул: предмет, который он показывал тебе и затем спрятал в свой правый карман, вовсе не машина времени. Это всего лишь точная ее копия, предназначенная для того, чтобы вводить в заблуждение воров. Когда он заметит волнение и беспокойство у тебя на лице, он заподозрит нас в нашем намерении. К тому же я совершу непростительный промах. Я скажу ему, что еще не отправлялся в Переголию, а между тем на мне перголезское платье. Он догадается, что я вернулся из путешествия, и, даже не зная, что я там видел и что узнал, будет настороже. Он притворится пьяным. Я завладею мнимой машиной времени, но буду считать, что выкрад подлинную. Тогда, выхватив ее из своего левого кармана — между тем как мы — вслушайся в эти слова! — не будем знать, что она там находится, — он воскликнет, торжествуя... Но к чему эти предсказания? Ты и сам все увидишь. Что до меня, я не могу избегнуть этого события. Знай только, что при этом я сохраняю свободу воли; таково заключение наших крупнейших ученых; но слишком сложно было бы объяснять тебе все это теперь. У меня остается свободный выбор, но я хочу, я решил теперь свершить предназначеннное и попытаться выкрасть машину времени... Пойдем же, и постарайся напоить его.

Я покорно встал, заплатил официанту и вместе с благородным бадарийцем отправился навстречу судьбе.

Все произошло, как предсказал Амун и как было предначертано. Когда мы разыскали Джинг-Джонга, «Купол» уже закрывался. Я повел своих гостей в небольшой ресторан неподалеку. Мы пили и беседовали о разных фактах из прошлого и будущего. Коротышка-перголезец, посмеиваясь, поглощал любые смеси — все, что я коварно подсовывал ему. Часа в три утра Амун-Ка-Зайлат решил, что тот ньян, и ловко вытащил у него из кармана то, что принял за дьявольскую машину. Но Джинг-Джонг тотчас вскочил и восклинул:

— Жалкий болван! Знай же, что я это давно подозревал. Я провел тебя, как дурака, несмотря на всю твою древность. Ты уверяешь, что не покидал квартала Монпарнас, а я вижу, что на тебе национальный перголезский костюм! Тебе не удалось одурачить меня! Я решил подождать, чем кончатся твои плутни. То, что у тебя в руках, — это кусок безжизненного металла, которому придал форму мастер из божественного города Бала. Я специально взял его в дорогу, ибо знал, что подобное происшествие может однажды случиться. Что до тебя, глупый парижанин, которому я доверял, знай, что мы вскоре снова увидимся... О подлые и невежественные существа, подлинная машина времени — вот она!

И, порывшись в своем левом кармане, он достал оттуда предмет овальной формы и крепко сжал его в ладони.

— А теперь я, Джинг-Джонг, которому ничто не может помешать продолжать путешествие, — я говорю вам: до скорого свидания. Vale!

Внезапно поблек свет ламп, горевших в зале. Вспыхнуло фиолетовое пламя, затем промелькнула белая молния, раздался протяжный свист, и снова наступила тишина. Доктор исчез.

— Уф! — вздохнул Амун-Ка-Зайлат. — Наконец-то с этой мучительной сценой покончено. Слава богу. Как и всякий благородный бадариец, я, конечно же, не могу испытывать удовольствия, когда какой-то далекий потомок обращается со мной как с идиотом и называет меня невеждой. Но теперь с этим покончено. Я испытываю явное облегчение. Выпьем и поразмышляем.

Я сидел один перед стойкой и пытался привести в порядок свои мысли. Было четыре часа. Амун-Ка-Зайлат только что отправился в Бадари, с тем чтобы его соотечественники успели подготовиться к вторжению перголезцев. Бармен с любопытством поглядывал на меня.

— Привет, Оскар Венсан, о коварный парижанин! — проговорил на латыни чей-то пронзительный голос.

Я обернулся — передо мной стоял Джинг-Джонг. Я уже ничему не удивлялся.

— Садись, — сказал я ему. — Ты, вероятно, хочешь мне сообщить, что провел несколько месяцев в Бадари. Я не удивлюсь этому. Надеюсь, ты не в обиде на меня за то, что я помогал нашему предку, который хотел тебя провести. Подобные выходки вряд ли могут занимать твой возвышенный ум. Но что это за наряд на тебе?

Я имел в виду ослепительной расцветки ткань, плотно облегающую тело перголезского ученого.

— Это единственное одеяние бадарийцев. Ты угадал: я длительное время пробыл в Бадари и теперь возвращаюсь на родину. Я прощу тебе твое предательство, парижанин, при одном условии... Но сначала закажи что-нибудь подкрепляющее для меня: я страшно устал, и на душе у меня очень печально. Совсем недавно этот презренный Амун-Ка-Зайлат объявил мне, что заколол меня в Перголии кинжалом; так что совсем не с радостным сердцем и не для удовольствия возвращаюсь я в Перголию...

Он опрокинул стакан и продолжал:

— Мне нужна твоя помощь. План у меня такой. Правда, Амун считает, что он ему известен, но это не совсем так... Кстати говоря, он ничего больше не знает, ибо он мертв. Я покончил с ним незадолго до своего отправления...

— Ну что ж... — пробормотал я. — Но ведь он сам убьет тебя в Перголии!

— Потому-то я и решил предупредить события. Когда он сообщил мне о моей смерти, я рассвирепел и не смог удержаться. Я схватил молот, бывший у меня под

рукой, и раздробил бадарийцу череп. Но все это не важно. Я...

Я обхватил голову руками.

— Не сердись, — взмолился я, — но ведь когда он здесь был, с час тому назад, должен же был он знать, что был уже... что отправляется навстречу своей смерти. Но он ничего об этом не говорил.

— Чему же ты удивляешься? Ведь это событие и мне и ему предстояло в будущем. Теперь-то я знаю об этом и при случае смогу в Перголии сообщить бадарийцу о его смерти; но я предчувствую, что этого не сделаю.

— Ах, так, — проговорил я, глубоко опечаленный смертью своего друга.

— Но хватит об этом идиоте. Мне бы хотелось только, чтобы его и моя смерти освободили меня навсегда от его присутствия. Увы, это невозможно.

— Это невозможно, — повторил я.

— Подумай сам... Впрочем, достаточно болтать. Я хочу, чтобы ты узнал мои планы. Но сначала мне нужно сообщить тебе следующее. В Бадари я проделал несколько экспериментов. У меня были при себе несколько образцов семенной жидкости, полученные от лучших представителей мужского населения Перголии. Я выбрал несколько бадарiek, и мне удалось их оплодотворить. Результат превзошел мои ожидания: дети, родившиеся от перголезца и бадарийки, отличаются прекрасной физической конструкцией и великолепными интеллектуальными данными. Так что есть возможность создать высшую расу...

— Прости, пожалуйста, сколько времени ты проводил в Бадари?

— Я прожил там около двенадцати лет... Я сказал уже, что эти опыты по скрещиванию дали отличные результаты. Но я не ограничился искусственным оплодотворением. Я действовал на свой страх и риск и с тем же успехом. Я не говорил тебе, что бадарийки очень милы? Но это к слову... Я задумал грандиозный проект. Ты знаешь, что настоящим бичом Перголии является ее перенаселенность. А теперь вдумайся: я хочу, чтобы весь, так сказать, излишек перголезского

населения отправился в путешествие во времени. Следом за мной они окажутся в Бадари. Там они осядут, размножатся и смешаются с местным населением. Мало-помалу наши природные достоинства и численное превосходство над бадарийцами приведут к тому, что бадарийская раса станет хиреть, угасать и, наконец, исчезнет совсем. Останется только божественная раса перголезцев, которая в непрерывном своем развитии устремится в будущее... ее потомки ВОССОЗДАДУТ нашу перголезскую расу двадцать тысяч лет спустя. Что произойдет тогда? Я не осмеливаюсь думать об этом. Путешествия против течения времени порождают совершенно необыкновенные ситуации, и нам, вероятно, следует видоизменить и приспособить к ним процесс нашего мышления... впрочем, все это не важно. Пока сфера действия наших машин ограничивается двадцатью тысячами лет. Представь себе тот день, когда мы сможем отправляться в еще более глубокое прошлое! Когда мы сможем достигнуть эпохи возникновения жизни на Земле! Когда сумеем исправлять, да, да, исправлять оплошности природы! Да, друг, это будет, и, стало быть, это уже было. Перголезец станет свидетелем и причиной своего рождения. Мир в том виде, как он есть, был выкован нашим гением. Но мы сможем СТАТЬ ПРИЧИНОЙ ТОГО, ЧТО ОСУЩЕСТВИЛОСЬ. Это величайший триумф науки... Но вернемся к нашим бадарийцам.

Нужно действовать незамедлительно. Этот проклятый Амун, несмотря на свою смерть, способен еще сыграть со мной скверную шутку. Я должен поскорее возвратиться в Перголию. У меня еще останется время перед смертью сделать сообщение своим коллегам. Мы поплем в Бадари авангард, чтобы он занял там какую-то территорию. В этом мне понадобится твоя помощь. Не волнуйся, пока еще речь не идет обо всей армии. Население Бадари не превышает десяти тысяч душ. Чтобы совладать с ними и обратить их в рабство, достаточно пятидесяти перголезцев, вооруженных нашим знаменитым смертоносным лучевым оружием. Достаточно пятидесяти хорошо вооруженных солдат. Они совершают промежуточную посадку в твоем веке. Ты

примешь их. Ты их накормишь и напоишь, с тем чтобы их воинские качества оставались на самом высоком уровне. Вот все, что мне нужно от тебя.

— Но, — возразил я, — как же я, простой книгоиздатель, сумею оказать гостеприимство целому вооруженному отряду?

— Это уж твое дело. Но если вздумаешь отказаться — берегись. Ты и не представляешь, парижанин, как мало значит жизнь человека двадцатого века для того, кто совершил убийство восемь тысяч лет назад и кто, в свою очередь, будет убит своей жертвой одиннадцать тысяч лет спустя.

Мне стало не по себе. Оставалось только склониться перед силой. Так я и сделал, хотя воспоминание о несчастном Амуне делало для меня еще мучительней мысль о помощи перголезцам.

— По крайней мере, — сказал я, — назови мне точную дату прибытия твоих солдат.

— Вот и они, — воскликнул Джинг-Джонг.

Настоящий дождь падающих звезд прорезал потолок ресторана. Пятьдесят лысых перголезцев в черных трико материализовались у меня на глазах. Они заполнили весь зал. Те, кому не хватило места, сели за стойку.

— Вот и они, — повторил Джинг-Джонг. — Я хотел быть уверенным, что ты не предашь меня, и поэтому выбрал именно этот момент. Закажи теперь угощение на всех.

Я оказался в большом затруднении. После ночного угощения мой кошелек стал почти совершенно пуст. Я решил махнуть на все рукой и заказал на всех шампанского. Бармен, бесстрастно наблюдавший за происходящим, начал наливать стаканы. Джинг-Джонг схватил бутылку и опустошил ее в один присест, после чего стал фамильярнее.

— В конце концов, парижанин, — сказал он, — ты неплохой малый. Я сохранию приятные воспоминания о тебе и твоей стране. Но мне пора расстаться с тобой: я должен подготовить к отправлению солдат, которых ты видишь здесь, и принять удар кинжала. Да здравствует Перголия! Прощай.

Он взлетел в свете рождающейся зари и оставил меня среди пятидесяти хрупких и маленьких перголезцев, которые, ухмыляясь, поглядывали на меня. Я не знал, что делать. Бармен уголком рта послюнявил грязный карандаш и написал счет. Я вынул стакан и обратил взор к небесам. Новый ливень падающих звезд прорезал пространство. Я спрятал лицо в ладонях, понимая, что сейчас произойдет нечто неслыханное.

Я открыл глаза. Пятьдесят огромных молодцов с бронзовыми и сверкающими лицами запрудили все пространство у входа в ресторан. Это был отряд благородных бадарийцев. Рядом со мной, облаченный в пышную и яркую ткань, нахмурив мохнатые брови и воинственно подняв голову, еще более величественный, чем всегда, стоял Амун-Ка-Зайлат.

— Ничего не бойся, друг, — сказал он. — Бадарийская мудрость не дремлет. Час битвы наступил.

— Я думал, что и ты мертв, — пробормотал я.

— Так и было. Должно быть, Джинг-Джонг рассказал тебе об этом; но слушай дальше. Несколько минут спустя после того, как этот предатель внезапно раздробил мне череп, один из моих учеников решил попытаться меня спасти. Он вложил в мою еще теплую ладонь машину времени; перед этим он подключил к ней механизм, автоматически ее включающий и выключающий. Механизм был установлен на очень короткое расстояние в прошлое. Опыт удался, и я оказался жив и невредим за четырнадцать дней до этого события. Двух недель мне как раз хватило на подготовку. Я предвидел, что перголезская армия совершил у тебя промежуточную посадку. Я вооружил группу бадарийцев, чтобы встретить врага, и вот мы здесь. Твоя эпоха станет местом грандиозной битвы.

При этих словах я понял, наконец, к чему идет дело, и само отчаяние придало мне сил и смелости выступить на защиту наших собственных интересов.

— О неукротимый бадариец, — вскричал я, — ты, которого даже смерть не в силах остановить, скажи мне: разве так уж необходимо, чтобы это убийственное сражение разразилось именно здесь и сейчас, тогда как у нас царит мир и мы находимся на пути к совершен-

ству? Разве ты не говорил, что это время и место тебе по душе и что ты еще не сумел постигнуть нашей мудрости? Прошу, позовь ознакомить тебя с ней и тем самым отвратить от твоих намерений...

Наиболее характерными признаками этого века являются его наука и его утонченность. В области физики, например, мы доказали, что совокупность законов, выведенных нашими предшественниками, является ложной, более того, мы установили совсем недавно, что таких законов в принципе не может быть и что жизнь вселенной отдана на волю случая. Не в наших силах создавать материю, но зато мы только что научились ее разрушать.

В области наук, именуемых «математиками», мы умеем теперь — чтобы, право же, свидетельствует о нашей незаурядной изобретательности — находить определения неопределенностей, именно в силу того, что они таковыми являются.

Что касается морали, то здесь после долгой эволюции мы пришли к выводу — и в этом ты убедишься, наша неустрашимость не уступает нашей мудрости, — что естественный процесс зачатия, благодаря которому мы воспроизводим себя, сам по себе не является ни абсолютно аморальным, ни абсолютно достойным осуждения. Больше того, с горячностью и ожесточением мы утверждали: сначала — что Добро является Добром, а затем — что Добро — это Зло. Кстати говоря, это дает тебе возможность составить представление о нашей логике. Но как бы то ни было, если на земле или на небе существует еще какая-то другая точка зрения по этому вопросу, будь спокоен, Амун-Ка-Зайлат, она не ускользнет от нас, и однажды мы станем ее приверженцами.

Что касается метафизики, то здесь наши поиски увенчались, пожалуй, наибольшим успехом. Признав поначалу, что бог и мир одинаково непостижимы, мы вслед за этим нагромоздили почти все теоретически возможные философские системы — все это с тем, чтобы привести в соответствие эти две сущности. У меня не хватит времени подробно рассказать об этом. Вкратце дело обстояло так: сначала мы утвер-

ждали, что бог создал мир; затем решили, что мир сам породил себя; вслед за этим то и другое, одинаково непостижимые, слились для нас в нечто единое, но столь же невразумительное; затем мы решили, что существует только одно из этих двух; вслед за этим пришли к выводу, что не существует ни то, ни другое; наконец, совершив наиболее отважное интеллектуальное усилие за всю нашу историю, мы увенчали наши поиски последним решением: мы вообразили мир, порождающий бога. Итак, мы обладаем гением — ты согласишься со мной, — мы обладаем гением, который умеет комбинировать элементы, недоступные нашему пониманию!

Но мы проявили великие достоинства и во многих других областях. Например, в литературе... Увы, время не терпит, и я не смогу рассказать тебе о всех наших достижениях. Но я слезно умоляю тебя, предоставь нашей судьбе исполниться в мире и спокойствии, открай ради бога сражение несколько веков спустя.

Я окончил в рыданиях, настолько меня самого взволновало мое описание наших собственных достоинств. Однако мой друг бадариец прослушал меня в нетерпении.

— Это невозможно, сын мой, — сказал он, — ибо именно твоя эпоха является временем битвы, которую ты оплакиваешь. Но ты должен гордиться тем, что станешь свидетелем битвы, которой нет равных в бесконечности времен... Нет нужды рассказывать тебе о специальной подготовке, которую прошли мои солдаты. Знай только, что каждый из них обладает искусством быстро перемещаться во времени, чтобы узнавать тайные замыслы врага и совершенные им действия. Но ты сам все увидишь.

И, обращаясь к своему отряду, он воскликнул во весь голос:

— Бадарийцы, час настал! Вперед во времени и в пространстве!

Солдаты ответили дружным воплем, вслед за которым прозвучал оглушительный рев перголезцев и насмешливый хохот неизвестно каким чудом возвратившегося Джинг-Джонга. Свидетелями начавшегося

сражения стали я и бармен, который с той же невозмутимостью составлял счет.

Это была ни с чем не сравнимая схватка. Падающие звезды окутали меня настоящим облаком; у меня на глазах они превращались в солдат, облаченных в самые различные костюмы. Я догадался, что каждый из участников сражения, чтобы обмануть противника, ускользает то в прошлое, то в будущее.

Я видел, как бадарийцы исчезли на мгновение, чтобы возвратиться в медвежьих шкурах и с каменными топорами в руках. Должно быть, они допустили оплошность и забрались слишком далеко. В ответ на это перголезцы рассеялись, подобно фейерверку, и тотчас возникли снова, вооруженные длинными копьями; они образовали каре, которое, по-видимому, было македонской фалангой. В то же мгновение бадарийский отряд превратился в моторизованную роту.

Были и одиночные схватки. На Амун-Ка-Зайлате была какое-то время греческая туника; затем он оказался в средневековых доспехах, на боевом коне, покрытом попоной. У меня на глазах он исчез, чтобы сразу же появиться в американской военной форме. Почти в ту же минуту американский солдат превратился в спеленатого младенца: снова, должно быть, произошла ошибка. Ребенок мгновенно улетучился, и на его месте оказался безобразный скелет. Своими крючковатыми пальцами он схватил Джинг-Джонга, на котором была медвежья шапка. Но тот сделал быстрое движение и превратился в огромную обезьяну доисторической эпохи; ее взгляд сверкал точно так же, как глаза перголезского ученого. В ответ Амун-Ка-Зайлат превратился в облако пыли.

Странные трупы валялись у входа в ресторан: они вновь и вновь поднимались, проклинали друг друга на неведомых языках, вступали в схватку, уменьшались до крохотных размеров, снова вырастали, превращались в чудовищ, в младенцев, рассыпались на мельчайшие частицы. Скрецивались лучи. Интерферировались волны. Кровавые ручьи посреди зала текли, высыхали и испарялись одновременно.

Я видел, как... но можно ли описать неописуемое?

У меня больше не оставалось сил выносить все это. Я схватил чудом уцелевшую бутылку и, не переводя дыхания, выпил содержимое, надеясь утопить в нем весь этот ужас.

Буря стихала. Лучи постепенно гасли. Чудовища испарились. В зале было пусто и тоскливо. Молчаливый бармен подметал осколки бутылки. Солдаты исчезли. Один только мой друг Амун-Ка-Зайлат сидел рядом со мной. Он говорил:

— Надей мне вина, сын мой, битва была очень жестокой. К тому же в голове у меня теперь самая ужасная неразбериха. Враг рассеян во времени; мои солдаты тоже. Сам я был убит, должно быть, не меньше десяти раз; но я испытал высшее наслаждение, проломив череп Джинг-Джонгу в сорока различных веках. Слава богу, это не мешает нам теперь наслаждаться прекрасным вином.

— Но чем все кончилось? — спросил я, задыхаясь от волнения.

— О, все это слишком тонко, — проговорил он в смущении. — Я не решаюсь ответить тебе.

Внезапно он показался мне усталым, постаревшим, безнадежно тоскливым. Во внешнем его облике происходили какие-то изменения. Его лицо утратило свое гордое выражение, осанка казалась уже не столь благородной.

— Послушай, — продолжал он не торопясь. — Вот истина, которая начинает мне открываться. Ты знаешь, что план Джинг-Джонга заключается в том, чтобы переселить в Бадари часть перголезского населения. Ну так вот. Мы преградили дорогу их авангарду, но основная часть экспедиции избрала для приземления эпоху, предшествующую моей. Задолго до того, как я появился на свет, Бадари было оккупировано этими людьми, которых я больше не рискну назвать жалкими негодяями.

Наступило молчание. Нет, это не было сном. Он становился меньше ростом у меня на глазах. Он превращался в старика. Морщины поползли у него

по лицу. Какое высшее чудо ожидало меня? Или я начинал сходить с ума? Но где я видел эту дьявольскую усмешку, эти сверкающие злой глаза, эти тонкие губы?.. Он продолжал:

— План Джинг-Джонга увенчается, уже увенчался успехом; произошло то, что проницательный ум смог бы предвидеть. Но эти необыкновенные события повергли меня в настоящее смятение, и я пока не в силах понять всего до конца. Парижанин, опустись на колени перед фантастической загадкой существования! Перголезцы стали бадарийцами; но бадарийцы за время своей истории, в свою очередь, превратились в перголезцев. Они одновременно наши предки, мы сами и наши потомки. Речь идет об абсолютном соответствии и, значит, об идентичности во всех отношениях. Слушай, что я скажу тебе. Они — это МЫ, но мы — это ОНИ, которые процветаем в Бадари.

Оба сражавшихся отряда представляли разные стороны одной и той же реальности. Каждый солдат сражался против своего собственного Я, и сам я, Амун-Ка-Зайлат, не кто иной, как перголезский ученый Джинг-Джонг. Я порождаю себя в будущем, и я воскрешаю себя в прошлом...

Превращение свершилось. Рядом со мной сидел, попивая вино, Джинг-Джонг. Мне вдруг стало некошерно. Мой разум помутился, нервы не могли больше вынести напряжения.

Я вышел из ресторана. Бледный свет зари освещал этот старый квартал, где я вел до этой ночи столь спокойную жизнь. Джинг-Джонг, ухмыляясь, последовал за мной; ему было хорошо. известно, что сейчас произойдет. Его присутствие стало для меня невыносимым. Во что бы то ни стало мне нужно было избавиться от этого кошмара.

Рядом со сточной канавкой я наткнулся на знакомый уже предмет бледной окраски и эллиптической формы. Должно быть, один из солдат выронил здесь свою машину времени. Я подобрал ее и стал с любопытством рассматривать. Я обратил внимание на две кнопки, расположенные рядом. Перголезский ученый с необыкновенной любезностью объяснил мне, что

одна из них служит для отправления, вторая — для остановки.

— Механизм установлен на путешествие в прошлое, — проговорил он убедительным тоном. — Так что можешь попробовать. Совершишь небольшую прогулку. Нажми на первую кнопку и сразу же на вторую. Ты окажешься всего за несколько часов до этого момента. Это совсем нетрудно.

Столь велико было мое желание бежать отсюда, что я не стал размышлять над предложением. Мне и в голову не приходило, что за этой приторной услужливостью кроется поистине макиавеллевский расчет. Я закрыл глаза, и только после того, как совершил роковую оплошность, я проклял все на свете.

Я ощутил сильнейший толчок. Тошнота охватила меня. Передо мной пронеслись звезды, затем последовало новое сотрясение, и я оказался на Земле.

В ту же самую минуту я все понял. Мир стал моложе на двенадцать часов. Был вечер того дня, когда начались мои приключения, и я был в том самом настроении духа. Теперь мне предстояло заново пережить эту дьявольскую ночь; но поскольку все совершилось в той же последовательности и с точностью до малейшей детали, СОВЕРШЕННО НЕИЗБЕЖНО Я ПОДНИМУ НА РАССВЕТЕ МАШИНУ ВРЕМЕНИ И НАЖМУ НА КНОПКУ. Затем я опять возвращусь назад, снова пережив эту ночь — и так без конца...ично. Совершив жалкий промах, я попал в роковой круговорот времени... *

Я открыл глаза и оглянулся по сторонам.

Я сидел на террасе «Купола». У меня уже вошло в привычку сидеть здесь в летние дни, попивая свежее

* Проницательный наблюдатель заметит, что, если события начались точно так, как это уже имело место, значит, каждый раз мне должно было быть известно, что произойдет в следующее мгновение. Именно так и обстоит дело. Мне известна каждая деталь этого круговорота, в котором я существую, начиная от прошлой вечности вплоть до вечности будущей. Если я ничего не делаю явным заранее и сам ни о чем не догадываюсь, то причиной этого чистое любопытство... И потом, надо же было с чего-то начать! — O. B.

пиво и разглядывая прохожих. Так было и на этот раз. Передо мною лежала развернутая газета, и, когда я уставал смотреть на прохожих, я опускал глаза, чтобы прочесть несколько строк.

Я подумывал о том, что все шло не так уж плохо. Именно в этот момент в мою жизнь вошел бадариец...

МАРСЕЛЬ
ЭМЕ

ТАЛОНЫ НА ЖИЗНЬ

*Из дневника
Жюля Флегмана*

10 февраля. По городу пронесся нелепый слух о новых ограничениях: чтобы покончить с нехваткой продовольствия и обеспечить им деятельную, полезную часть населения, якобы решено предать смерти не приносящих пользы едоков — рантье, пенсионеров, старииков, безработных и прочих тунеядцев. Пожалуй, я готов признать эти меры справедливыми. Только что встретил соседа — господина Рокантона. Этот пылкий семидесятилетний старец год назад женился на женщине двадцати четырех лет.

— При чем тут возраст, — воскликнул он, задыхаясь от негодования, — раз моя куколка довольна мною!

В самых возвышенных выражениях посоветовал ему достойно и безропотно принести себя в жертву обществу.

12 февраля. Нет дыма без огня! Сегодня завтракал с Малефруа, муниципальным советником департамента Сены, — мы старые друзья. Развязал ему язык бутылкой «Арбуза» и ловко выпытал все подробности. Как я и думал, никто не собирается умерщвлять «бесполезных». Им просто урежут жизнь. Малефруа объяснил мне, что они будут получать талоны на жизнь

в зависимости от своей «полезности». Оказывается, карточки уже напечатаны. Я нашел эту мысль столь же удачной, сколь и поэтичной. Помнится, мне даже удалось высказать несколько весьма изящных соображений в этой связи. Вероятно, под влиянием винных паров Малефруа растрогался и смотрел на меня добрыми глазами, увлажненными дружеским сочувствием.

13 февраля. Вопиющее беззаконие! Низость! Гнусные убийцы! Декрет появился в газетах, и что же — среди «потребителей, содержание которых не компенсируется производимыми ими ценностями», фигурируют художники и писатели. В крайнем случае я одобрил бы эту меру применительно к скульпторам, музыкантам, живописцам. Но писатели! Это абсурд, безумие, величайший позор нашего времени. Ведь полезность писателей не подлежит сомнению, в особенности моей. Могу сказать это без ложной скромности. Тем не менее получаю право всего на пятнадцать дней жизни в месяц.

16 февраля. Декрет вступает в силу с 1 марта. Списки будут опубликованы 18-го. Все, кого социальное положение обрекает на жизнь по талонам, ринулись искать работу, чтобы перейти в категорию полноправных. Однако правительство проявило дьявольскую предусмотрительность, запретив любые изменения в штатах до 25 февраля.

Я решил позвонить своему другу Малефруа, чтобы он за оставшиеся дни раздобыл мне местечко привратника или сторожа в музее. Я опоздал. Малефруа только что отдал последнее место рассыльного.

— Какого черта вы так долго тянули со своей просьбой?!

— Разве мог я допустить, что это коснется меня? Когда мы с вами завтракали, вы ничего не сказали...

— Напротив, я как нельзя более ясно дал вам понять, что эти меры относятся ко всему «бесполезному» населению.

17 февраля. Должно быть, моя консьержка уже рассматривает меня как полумертвого, как привидение, выходца с того света. Во всяком случае, она не сочла

нужным принести мне утреннюю почту. Проходя мимо, я как следует отчитал ее.

— Вот, — сказал я, — чтобы набить брюхо лодырям, вроде вас, цвет человечества вынужден принести в жертву свою жизнь!

А ведь так оно и есть. Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь в несправедливости и нелепости декрета.

Только что встретил Рокантона с молодой женой. Бедный старик достоин сожаления. Он получает все-гоМавсего шесть дней жизни в месяц. Но еще хуже, что молодость госпожи Рокантон дает ей право на пятнадцать дней. Этот разнобой приводит почтенного супруга в отчаяние. Малютка относится к своей участи философски.

В течение дня видел людей, которых декрет не коснулся. Мне глубоко противны их непонимание, их черная неблагодарность к обреченным. Несправедливое мероприятие кажется им вполне естественным, похоже, оно даже забавляет их. Нет предела человеческой черствости и эгоизму.

18 февраля. Простоял три часа в восемнадцатом округе мэрии, получал талоны. Мы выстроились в шеренги — две тысячи горемык, принесенные в жертву аппетиту «деятельной части населения». И это только начало! Старики отнюдь не составляли большинства. Здесь были и молодые прелестные женщины, осунувшиеся от горя; глаза их, казалось, молили: «Я еще не хочу умирать!» Немало было и жриц любви. Декрет жестоко ущемил их интересы, они получили только семь дней жизни в месяц. Одна из них, стоявшая передо мной, жаловалась, что обречена навсегда остаться публичной девкой.

— Мужчина не может привязаться к женщине за семь дней! — уверяла она.

Я лично не убежден в этом. Не без волнения и, признаюсь, не без тайного злорадства я обнаружил в очереди собратьев — писателей и художников с Монмартра: тут были Селин, Жан Поло, Даранье, Фошуа, Суло, Тентен, д'Эспарбе и другие. Селин был настроен мрачно. Он сказал, что все это очередные

происки евреев. Думаю, на этот раз он ошибся, дурное настроение сбило его с толку. Ведь декрет предоставляет евреям без различия пола, возраста и рода занятий всего полдня жизни в месяц. Толпа негодовала и шумела. Полицейские, приставленные блюсти порядок, обращались с нами презрительно, как с подонками рода человеческого. Когда, истомленные длительным ожиданием, мы начинали бунтовать, полицейские усмиряли наше нетерпение пинками в зад. Я проглотил оскорбление с молчаливым достоинством, но, смеясь, бригадира полиции взглядом, мысленно выкрикнул слова протеста. Ведь теперь порабощены мы.

Наконец мне вручили карточку на жизнь. Голубые талоны, каждый на двадцать четыре часа жизни, нежнейшей голубизны, цвета барвинка. Они так трогательны, что вызывают слезы умиления.

24 февраля. Неделю тому назад обратился в соответствующее ведомство с просьбой пересмотреть мое дело и учесть личные заслуги. Получил прибавку — сутки в месяц. Лучше, чем ничего!

5 марта. Вот уже десять дней веду лихорадочное существование, даже забросил дневник. Чтобы не упустить и мгновения столь краткой жизни, почти отказался от сна. За последние четыре дня исписал бумаги больше, чем за три недели нормальной жизни, и, несмотря на это, слог мой сохраняет прежний блеск, мысли — прежнюю глубину. С былым неистовством предаюсь и наслаждениям. Хотел бы обладать всеми красивыми женщинами, но это невозможно. Стараясь взять от жизни все, а быть может, просто со зла, и плотно обедаю два раза в день по ценам черного рынка. В полдень съел три дюжины устриц, два яйца венетту, четверть гуся, бифштекс, шпинат, салат, сыр, памплемусс, шоколадное суфле и три мандарина. И хотя сознание печальной действительности не покидало меня, кофе доставило мне некоторое подобие счастья. Похоже, я делаюсь стоиком. Выходя из ресторана, столкнулся с четой Рокантонов. Старый чудак сегодня доживает свой последний марсовский день. В полночь, израсходовав шестой талон, он погрузится в пебытие на двадцать пять дней.

7 марта. Посетил юную госпожу Рокантон, в полночь ставшую соломенной вдовой. Она приняла меня очень мило, томность ей к лицу. Мы поболтали о том, о сем, кстати, и о ее муже. Люсетта рассказала мне, как он погрузился в небытие. Оба лежали в постели. За минуту до полуночи Рокантон держал жену за руку и отдавал ей последние распоряжения. Пробило двенадцать, и вдруг она обнаружила, что рука супруга исчезла, рядом с молодой женщиной осталась только пустая пижама, а на подушке — вставная челюсть. Картина, нарисованная Люсеттой, чрезвычайно растрогала нас. Люсетта Рокантон уронила несколько слезинок. Я раскрыл ей объятия.

12 марта. Вчера вечером забрел к академику Перрюку выписать ягодного соку. Чтобы поддержать репутацию «бессмертных», правительство предоставило этим развалинам право на жизнь без ограничения. Перрюк был омерзителен в своем самодовольстве, лицемерии и злобе. Гостей собралось человек пятнадцать. Все мы были обречены и проживали последние мартовские талоны на жизнь. Перрюка это не касалось. Он держал себя снисходительно, считая нас существами низшими, бесправными. Выражал соболезнование, с недобрый огоньком в глазах обещал близости наши интересы, пока мы будем отсутствовать, был счастлив донельзя, что получил хоть в чем-то преимущество перед нами. Хотелось обозвать его старым чучелом, сморчком. Смолчал. Ведь рано или поздно я надеюсь занять его кресло.

13 марта. Завтракал у Дюмонов. Они, как всегда, ссорились. Дюмон восхликал:

— Как бы раздобыть талоны на вторую половину месяца, чтобы никогда не встречаться с тобой!

Это было сказано от души. Госпожа Дюмон зарыдала.

16 марта. Сегодня ночью Люсетта Рокантон ушла в небытие. Она была вне себя от страха, и я решил провести с нею последние мгновения. Поднявшись в половине десятого к Рокантонам, застал Люсетту уже в постели. Чтобы избавить ее от ужаса последних минут, перевел на четверть часа назад стрелки ее ча-

сов, лежавших на ночном столике. За пять минут до ухода в небытие Люсетта залилась слезами. Однако, считая, что она располагает еще двадцатью минутами, стала усердно прихорашиваться. Этот порыв кокетства показался мне трогательным. Я не отрывал глаз от Люсетты, чтобы не пропустить момент ее исчезнения. Она заливалась смехом в ответ на одну из моих острот, как вдруг смех оборвался, и она исчезла, словно по мановению волшебной палочки. Я коснулся постели, еще хранившей тепло женского тела, и меня объяла тишина, сопутствующая смерти. Все это очень тяжко повлияло на меня. Даже сейчас, утром, когда я пишу эти строки, я все еще не могу опомниться. С момента пробуждения не перестаю подсчитывать оставшиеся мне часы жизни. Сегодня в полночь придет и мой черед.

Ночь. Без четверти двенадцать. Только что лег. Принимаюсь за дневник. Хочу, чтобы временная смерть застала меня на боевом посту, с пером в руке. Полагаю, это говорит о некотором самообладании. Храбрость должна быть изящной и сдержанной. А кто поручится, что смерть, которая мне предстоит, действительно окажется временной?! Что, если это просто смерть, настоящая смерть? Не очень-то я верю в обещанное воскрешение. Скорее склоняюсь к тому, что это ловкий ход, попытка позолотить пиллюлю. Допустим, пройдут две недели и никто из обреченных не воскреснет. Кто заступится за них? Во всяком случае, не наследники! А если и заступятся? Ничего себе утешение! Внезапно пришло на ум, что обреченные воскреснут все, скопом, в первый день следующего месяца, а это 1 апреля. Недурной повод для шуточек! Меня охватывает панический ужас, и я...

1 апреля. Жив, курилка! Значит, это не было первоапрельской шуткой. Впрочем, я не ощущал течения времени. Очнувшись в своей постели, я все еще был во власти предсмертной тоски. Дневник лежал на подушке, я решил дописать прерванную фразу, но в ручке не оказалось чернил. Обнаружил, что будильник показывает десять. И только тогда догадался, что все уже позади. Мои ручные часы тоже остановились.

Решил позвонить Малефруа, спросить его, какое сегодня число. Малефруа был явно недоволен, что я среди ночи поднял его с постели, и не проявил особой радости по поводу моего воскрешения. Но мне необходимо было излить душу.

— Вот видите, — сказал я, — различие между временем пространственным и временем пережитым — не измышление философов. Я живой пример тому! Если хотите знать, абсолютного времени вообще не существует...

— Допустим. Но сейчас уже половина первого, и мне кажется...

— Нет, послушайте, ведь это очень утешительно! Пятнадцать дней, которые я не жил, не утрачены. Я рассчитываю наверстать их в будущем...

— В добрый час и доброй ночи! — отрезал Малефруа.

Наутро, часов в девять, я вышел из дома. Меня поразила резкая перемена во всем. Весна бурно вступила в свои права. Деревья заселенели, воздух стал легким, улицы приняли иной облик. Женщины тоже стали какими-то весенними. Мысль о том, что мир обходился без меня, вызывала и сейчас вызывает у меня какую-то досаду. Встретил несколько человек, тоже воскресших этой ночью. Обменялись впечатлениями. Матушка Бордие вцепилась в меня и добрых полчаса повествовала о том, как, расставшись с бренной оболочкой на пятнадцать дней, сподобилась райского блаженства. Но самой забавной была, конечно, встреча с Бушардоном, мы столкнулись на пороге его дома. Временная смерть сразила его во сне, в ночь на 15 марта. А этим утром он проснулся, глубоко уверенный, что избег своей участи. Он как раз шел на свадьбу, считая, что она назначена на сегодня. Между тем ее сыграли уже две недели назад. Я не стал его разубеждать.

2 апреля. Зашел на чашку чаю к Рокантонам. Старикашка наверху блаженства. Не ощущив своего отсутствия, он полагает, что без него не могло произойти ничего особенного. Ему даже в голову не приходит, что за девять дней, прожитых в одиночестве, жена могла изменить ему. Рад за него. Люсетта не пере-

стает смотреть на меня зовущими томными глазами. Не выношу этих страстных призывов, когда муж рядом.

3 апреля. Не могу прийти в себя от бешенства. Но ка я был мертв, Перрюк, изловчившись, перенес открытие музея Мериме на 18 апреля. Старый плут отлично знал, что на этом торжестве мне поручена важная речь, которая приоткроет для меня двери Академии. Увы! 18 апреля я буду витать в небытии.

7 апреля. Рокантон умер вторично. На сей раз он примирился с судьбою и даже любезно пригласил меня на обед. В полночь мы сидели в гостиной за бутылкой шампанского. Перед погружением в небытие Рокантон стоял у камина, вдруг его платье свалилось на ковер. Откровенно говоря, это выглядело довольно забавно. И все же приступ веселья, обувший Люсэтту, показался мне по меньшей мере неуместным.

12 апреля. Сегодня утром ко мне нежданно нарянулся странный посетитель. Это был застенчивый болезненный человек лет сорока, рабочий, отец троих детей. Он хотел продать мне часть своих талонов на жизнь, чтобы как-нибудь прокормить семью. Жена его тоже хворает, он ослабел от лишений, тяжелый труд ему непосилен, а заработка едва хватает на то, чтобы семья не умерла с голода.

Его предложение привело меня в замешательство. Я почувствовал себя людоедом из сказки, одним из тех мифологических чудовищ, которым приносили дань человечиной. Неловко извинившись, я отказался от его талонов и дал ему немного денег. Но он, сознавая величие приносимой жертвы, не захотел принять их, не заплатив хотя бы днем своей жизни. Не сумел переубедить его и кончил тем, что взял у него один талон. Когда рабочий ушел, засунул талон в ящик, твердо решив не пользоваться им. Этот день жизни, отнятый у ближнего своего, все равно не доставил мне радости.

14 апреля. В метро встретил Малефруа. Он сообщил мне, что декрет уже дает положительные результаты. Состоятельные люди ограничены в своих возможностях, и черный рынок потерял основных потребите-

лей. Вздутые цены заметно снизились. В высоких сферах утверждают, что с этой язвой вскоре будет покончено навсегда.

— Население и теперь уже снабжается лучше, — сказал Малефруа. — Посмотрите, как расцвели парижане!

Наблюдения Малефруа вызвали у меня смешанное чувство удовольствия и горечи.

Столь же очевидно, — продолжал он, — что отсутствие «бесполезных» основательно разрядило атмосферу, мы зажили легче и спокойнее. Только теперь отдаешь себе отчет, насколько безработные, интеллигенты и шлюхи опасны для общества; они сеют смуту, вызывают брожение умов, беспорядки и будят несбыточные мечты.

15 апреля. Отклонил приглашение Картере, которые позвали меня на «агонию». Сейчас считается хорошим тоном собирать друзей перед «скачком в небытие». Эту моду ввели любители swing'a. Говорят, их сборища нередко превращаются в оргии. Возмутительно!

16 апреля. Сегодня вечером умираю. Нисколько не боюсь.

1 мая. Ночью, когда я вернулся к жизни, меня ожидал сюрприз. Я воскрес совершенно голый. «Временная смерть» (как теперь принято говорить) застала меня врасплох, на ногах. Такая же история произошла и с гостями художника Рондо, с той только разницей, что он пригласил на «агонию» человек десять, а среди них были и женщины. Воображаю! В этом году май восхитителен, как никогда. Обидно будет лишиться пятнадцати дней.

5 мая. Я и в предыдущем отрезке жизни почувствовал, что между «привилегированными» и «бесполезными» назревает конфликт. Теперь это больше не подлежит сомнению. Недовольство час от часу усиливается. Основная причина — обоюдная зависть. Зависть, легко объяснимая у людей, которым отпускают жизнь по талонам. Меня нисколько не удивит, если недовольство выльется в непримируемую ненависть. Убежден, что «привилегированные», в свою очередь, завидуют

нам, считая нас участниками великой мистерии, людьми, познавшими тайну небытия. «Временная смерть» представляется им своего рода каникулами, тогда как эни по-прежнему влачат свои цепи. Вот отчего они становятся сварливыми, впадают в пессимизм. Напротив, в нас быстротечность жизни, необходимость подчиняться новому ритму поддерживает бодрость. Все это пришло мне в голову, когда я завтракал с Малефруа. Холодно иронизируя, а порой переходя в наступление, он то сожалел о моей судьбе, то подчеркивал свои преимущества, как бы стараясь убедить в них самого себя. Так обращаются с другом, принадлежащим к лагерю противника.

8 мая. Утром ко мне пожаловал какой-то субъект и предложил талоны на жизнь по двести франков за штуку. Хотел сбыть мне пятьдесят талонов. Без церемонии выставил его за дверь. Только благодаря ширине своих плеч он не заработал пинка в зад.

10 мая. Четыре дня тому назад Рокантон третий раз погрузился в небытие. Люсетты не видел. Но до меня дошли слухи, что она спуталась с каким-то хлипким белобрысым юнцом. Представляю себе этого хлыща, сосунка из породы «swing». Что ж! Умываю руки. Крошка никогда не отличалась вкусом. Я знал это раньше.

12 мая. Торговля талонами на черном рынке процветает вовсю. Спекулянты ходят по квартирам и уговаривают бедняков продавать свою жизнь. Старики рабочие, вынужденные существовать на скучную пенсию, женщины, мужья которых арестованы, легко попадаются на удочку. Цена талонов достигла 200—250 франков. Вероятно, это предел. Основные потребители талонов богачи или хотя бы люди с достатком, а их, что ни говори, меньше, чем бедняков. Кроме того, не всячому совесть позволит обращаться с жизнью человека, как с предметом купли-продажи. Я, во всяком случае, не пойду на это.

14 мая. Госпожа Дюмон потеряла свои талоны. Что за невезение! Новые выдадут не раньше чем месяца через два. Госпожа Дюмон обвиняет мужа, говорит, будто он спрятал талоны, чтобы избавиться от нее.

Не думаю, чтобы Дюмон был таким злодеем. Весна в этом году восхитительна, как никогда. Обидно умирать послезавтра.

16 мая. Вчера обедал у баронессы Клим. В числе приглашенных был монсеньер Делабони. Из всех нас он единственный живет без перерывов. Разговор зашел о черном рынке, о спекуляции талонами. Я резко осудил эту постыдную торговлю. Был как нельзя более искренен. Не отрицаю, мне хотелось произвести выгодное впечатление на епископа: он располагает несколькими голосами в Академии. Монсеньер улыбнулся мне с такой добротой, словно выслушал исповедь юного богослужителя, проникнутого апостольским рвением. Заговорили о другом. После обеда в гостиной баронесса вновь принялась докучать мне черным рынком и ценами на жизнь. Она доказывала, что я призван играть видную роль в обществе, что человек большого и неоспоримого литературного таланта обязан отличаться широтой взглядов и, продлив себе жизнь, посвятить ее благу отечества, приумножению духовных богатств. Заметив, что я в нерешительности, баронесса вынесла наш спор на суд гостей. Все они единодушно посмеялись над моими сомнениями и ложной чувствительностью. Тогда спросили мнения монсеньера. Он ограничился притчей, полной глубокого смысла: «У трудолюбивого землепашца было мало земли. Соседи его свою землю оставляли в залежь. Откупив часть нивы у нерадивых соседей, наш трудолюбивый землепашец обработал ее, засеял, собрал богатую жатву, коей поделился со своими близкими». Я позволил блестящему обществу уговорить себя и наутро, убежденный в своей правоте, приобрел пять талонов. Чтобы недаром прожить эти дополнительные дни, удалось в деревню, где не покладая рук буду работать над своей книгой.

20 мая. Вот уже четыре дня, как я в Нормандии. Не считая кратких прогулок, все время посвящаю работе. Декрет о жизни почти не затронул крестьян. Даже старики получили по двадцать пять дней в месяц. Чтобы закончить главу, мне понадобился дополнительный день, и я попросил старого крестьянина

уступить мне талон. Он полюбопытствовал, каковы парижские цены. Я сказал, что там талон продают по двести франков. «Вы что, смеетесь надо мною?! — воскликнул он. — У нас свинья стоит дороже!» Сделка не состоялась. Завтра после обеда вернусь в Париж, хочу умереть в своей кровати.

3 июня. Вот так приключение! Поезд опоздал, временная смерть застигла меня, когда мы подъезжали к Парижу. Я вернулся к жизни в том же купе, увы, нагишом, но вагон уже стоял на запасном пути в Нанте. Сколько неприятностей! Сколько хлопот! Я до сих пор болен. По счастью, ехал с приятелем, который отправил мою одежду домой.

4 июня. Встретил Мелину Баден — актрису из «Арго». Она рассказала мне невероятную историю. Поклонники Мелины во что бы то ни стало хотели отдать ей часть своей жизни, и Мелина к 15 мая стала обладательницей двадцати одного талона. Она утверждает, что использовала все талоны, иначе говоря, прожила в этом месяце тридцать шесть дней. Пришлось отдельаться шуткой:

— Месяц май, который в угоду вам удлинился на пять дней, поистине галантный месяц.

Мелина была возмущена моим скептицизмом. Подозреваю, что у нее слегка помутился рассудок.

11 июня. Драма у Рокантонов. Только сегодня узнал об этом. 15 мая Люсетта принимала своего белобрысого. Ровно в полночь оба погрузились в небытие. Они вернулись к жизни в той же кровати, но не одни — между ними лежал воскресший Рокантон. Люсетта и блондинчик сделали вид, что незнакомы, однако Рокантон считает это маловероятным.

12 июня. Стоимость талонов достигла астрономических цифр, их не купишь дешевле чем по пятьсот франков за штуку. Видимо, бедняки стали больше дорожить жизнью, а богачи и подавно. В начале месяца купил десять талонов по двести франков, а назавтра получил письмо от дядюшки Пьера из Орлеана. В нем лежали еще девять талонов. У бедняги припадок ревматизма, и он решил дождаться облегчения в небытии. Итак, я обладатель девятнадцати талонов. В месяце

тридцать дней. У меня пять лишних. Легко смогу их продать.

15 июня. Меня навестил Малефруа. Он в отличном настроении. То, что люди платят огромные деньги за право жить, как он, — полный месяц, вернуло ему утраченный оптимизм. Наконец-то до него дошло, что судьба «привилегированных» достойна зависти.

20 июня. Работаю не покладая рук. Если верить молве, Мелина Баден вовсе не сумасшедшая. Есть и другие люди, которые воображают, что прожили в мае больше чем тридцать один день. Несколько человек говорили мне об этом. Всегда найдутся простаки, готовые верить подобным небылицам.

22 июня. Желая отомстить Люсете, Рокантон пошел на черный рынок и купил талонов на десять тысяч франков — для себя одного. Его жена вот уже десять дней в небытии. Кажется, Рокантон раскаивается в своей жестокости. Одиночество гнетет его; он так осунулся, что сам на себя не похож.

27 июня. Басня о том, что для некоторых избранников месяц май продлен, подтверждается. Лавердон, человек, заслуживающий доверия, убеждал меня, что в мае лично он прожил тридцать пять дней. Опасаюсь, что паек на жизнь сведет всех с ума.

28 июня. Надо признать, что понятие времени еще не исследовано до конца. Сущая головоломка! Вчера утром купил газету. Она была датирована 31 июня.

— Вот оно что! — говорю я. — Значит, в июне тридцать один день!

Продавщица, которую я знаю много лет, смотрит на меня с недоумением. Просматриваю газетные заголовки: «Господин Черчилль отывает в Нью-Йорк между тридцать девятым и сорок пятым июня», — а на улице слышу, как один прохожий говорит другому:

— Я должен быть в Орлеане не позже тридцать седьмого числа!

Иду дальше, встречаю Бонриважа, глаза его блуждают. Он поделился со мной своими тревогами; я постарался ободрить его. Ничего не поделаешь! К концу дня сделал ценнное наблюдение: те, кто живет не по

талонам, не подозревают, что течение времени нарушено, а люди, сбитые с толку, подобно мне, поверили рассказам о продлении июня. Малефруа, с которым я поделился своими сомнениями, не понял ничего и решил, что я попросту свихнулся. Но что мне теперь до этих отвлеченных мудрствований. Со вчерашнего вечера влюблена, отчаянно влюблен. Познакомился с ней у Малефруа. Любовь с первого взгляда! О несравненная Элиза!

34 июня. Видел Элизу вчера и сегодня. Именно о такой женщине я мечтал всю жизнь. Мы обручились. Завтра она на три недели уезжает в неоккупированную зону. Решили повенчаться, когда Элиза вернется. Я слишком счастлив, чтобы беседовать об этом с дневником.

35 июня. Проводил Элизу на вокзал. Садясь в поезд, она сказала:

— Я приложу все усилия, чтоб вернуться не позже шестидесятого июня!

Поразмыслив над ее обещанием, встревожился. Ведь я сегодня истратил последний талон. Какое число будет у меня завтра?

1 июля. Люди, с которыми я заговариваю о 35 июня, не понимают меня. Эти пять добавочных дней прошли мимо их сознания. По счастью, есть и такие, которые прожили эти дни и в курсе дела. Как занятно! У меня вчера было 35 июня, а у них 32-е или 43-е. В ресторане встретил человека, который дожил до 66 июня. Видимо, у него был неплохой запас талонов!

2 июля. Будучи уверен, что Элиза в отъезде, не напоминал ей о себе. Но какое-то смутное беспокойство все же заставило меня позвонить ей. Элиза заявила, что знать меня не знает и никогда не видела. Я пытался доказать ей, что она провела со мной упоительные дни; пусть она не сомневается в этом! Мои слова ее позабавили, но не убедили. Элиза согласилась встретиться со мной в четверг. Я смертельно встревожен.

4 июля. Все газеты полны «Аферой с талонами». Это самый крупный скандал в нынешнем сезоне. Состоительные люди скупали талоны в огромном количестве, и благодаря этому экономия продуктов сведена

к нулю. Некоторые случаи вызывают законное негодование. Говорят, что мультимиллионер месье Вадэ с 30 июня до 1 июля прожил тысячу девятьсот шестьдесят семь дней — итого: пять лет и четыре месяца — сущая безделица! Беседовал с известным философом Ивом Мироно. Он объяснил мне, что каждый индивидуум живет миллиарды лет, но в этой бесконечности сознание запечатлевает лишь отрывочные, чередующиеся видения, из которых складывается жизнь человека. Он высказал еще много тонких соображений, но я не понял их. Правда, голова моя была занята другим. Завтра увижу Элизу.

5 июля. Видел Элизу! Увы! Все потеряно, мне не на что надеяться! Она не усомнилась в искренности моих слов. Я так взывал к ее памяти, что растрогал ее. Однако мне не удалось разбудить в Элизе ни ответной нежности, ни прежнего влечения. Напрасное красноречие! Подозреваю, что она предпочла Малефруа. Неужели вспышка страсти, овладевшая нами в памятный вечер 31 июня, — только случайная, минутная прихоть? Где же оно, родство душ? Жестоко страдаю. Надеюсь, из этого страдания родится книга, которая сделает меня богатым.

6 июля. Новый декрет. Талоны на жизнь отменены. Но мне все равно.

ВАЦЛАВ
КАЙДОШ

ОПЫТ

Корабль, из которого он был выброшен в пространство, уже затерялся среди звезд, и теперь тут были только он в своем серебристом футляре и холодный простор вокруг. Он скользил по ведущему его незримому лучу, ощущал волнение при взгляде на синеву зеленый шар, закрывающий уже свыше двух третей черного неба. Шар был посредине сплюснут и лучился холодным, жемчужным сиянием. Над темными пятнами океанов плыла разорванная вата облаков. Специалисты говорили, что в атмосфере планеты содержится много кислорода. Мефи закрыл глаза и поддался приятному ощущению падения.

На Коре не одобряли его проекта, но как биopsихолог Мефи не имел себе равных, и ему уступили.

Теперь это был уже не диск, а огромный шар, по краям слегка размытый, неглубоко под ним плыла волна тумана. В герметичном скафандре начало ощущаться слабое тепло. Атмосфера. Он включил охлаждение и погрузился в туман. Со всех сторон его охватили белесые волны, но луч уверенно вел его в непроницаемой мгле. С волнением он размышлял о том, как это произойдет.

...Самые большие трудности были с историками. Мефи мысленно повторял их возражения: «Слишком молодой вид; всего лишь неполных 100 балов прошло с тех пор, как они стоят на двух ногах и с трудом объясняются членораздельно... В общественном развитии они еще не достигли Уровня Сознания, отдельные племена делятся на множество групп и подгрупп... Высший уровень развития — на северном материке,

где живут в гнездах из собранного вокруг материала...»

«Искусственных материалов они не знают, — облегченно сказал он себе, — наконец-то настоящие примитивные существа».

«Они еще не поднялись до уровня мыслящих существ, лишь несколько отдельных особей (здесь следовал ряд с трудом расшифрованных имен, доступных только автоматам) способны к контакту...» И так далее, и так далее.

Мефи вспомнил, что в записях были упоминания о кровавых войнах, о болезнях и о какой-то непонятной организации, которая обладала, по-видимому, очень большим влиянием, а ее главой был какой-то папа.

«Пробовать ускорить развитие этих хищников, — говорил ученый Эфир в бурной дискуссии в зале Мышления близ голубых вершин гор Салбанту, — это все равно, что пытаться изменить направление падающей лавины одним пинком ноги. Пройдет много балов, прежде чем они научатся понимать Мудрость и Красоту... И жаль рисковать жизнью нашего ученого коллеги Мефи ради столь напрасной цели...» Эфир при этом слегка заикался, а Мефи улыбнулся — впервые, вероятно, сухой Эфир так явно выражал свои чувства.

Вверху теперь мерцали звезды, восхитительные мигающие точки на темном фоне. Глубоко внизу плыла поверхность планеты, на которой не бывал еще никто из обитателей Коры. Опасная планета. Он несколько раз прикоснулся к кнопкам на своем широком поясе. Ответом были легкие толчки. На этой стороне планеты была ночь. Он падал во тьму, скользя по незримой нити, направляемый автоматами туда, где была наибольшая надежда на успех. Ибо путь Мефи вел к самому ученому человеку на планете.

На этой планете, на Земле, был в то время год от рождения Христова 1347-й.

Сводчатый потолок комнаты покрывали паутина и мрак. Перламутровые завесы паутины сплетались в се-

рый узор. В поздний, ночной час тьме не было покоя в этом пристанище науки. Ее то и дело снугивали желтые, сине-зеленые или красные вспышки, отблески пламени на сводах над очагом. Перед ним среди тигельков и реторт бегал мелкими шажками старик.

Его тень смешно подражала всем его движениям, живописно изламываясь на многочисленных углах и выступах комнаты. Пахло дымом, старой кожей и пlesenью от беспорядочно разбросанных по разбитому кирпичному полу огромных книг, переплетенных в свиную кожу. Пронзительно пахло и сернистыми парами и ароматными травами — шафраном и лакрицей.

Старик, размешивавший кипящую на огне жидкость, каждую минуту отскакивал, чтобы заглянуть в раскрытую книгу и подсыпать в тигель то или другое вещество из многочисленных коробочек, стоявших на столе. Иногда он щурился и тер себе лоб, иногда принюхивался к бальзамической смеси в тигле, поглядывал на песочные часы и снова обращался к книге.

— Аркана, возвращающая молодость, — шептал он, — эссенция четырех стихий, падающая с утренней росой на цветы, посланная полной луной или зеленою звездой, ты вернешь мне жизнь... жизнь, молодость, красоту... — И его беззубый рот пылко твердил слова заклинаний, тщетных и напрасных, ибо никакая мудрость фолиантов не может остановить течение времени.

Глаза у него были старые, усталые, окруженные веерами морщин. Он все изучил, все узнал, все сохранила его огромная память: древние знания халдеев, смелые открытия Альберта Великого, туманные глубины мистики, безнадежную тоску мавританских учёных по чудесном безоаре... «Ах, — покачал он головой, — все это только мечты. И зачем они вообще, если жизнь безостановочно уходит, как песок в песочных часах?»

— Вагнер! — позвал он, прислушиваясь к ночной тишине.

Трижды окликнул он своего помощника, но никто не отозвался.

— Спит, как животное, этот деревенский купец,

путающий знание с мелочной торговлей, — пробормотал он и шагнул к двери.

Но тут всыхнула ослепительная молния, серые своды превратились в светящийся хрусталь, и в их центре возник фосфоресцирующий туман. Старик ошеломленно замигал, но свет уже постепенно угасал. Узловатыми руками, весь дрожа, старик ухватился за стол, его бледные губы беззвучно повторяли: «Отыди...»

Отблеск огня заиграл на высокой фигуре посреди комнаты, одежда незнакомца мерцала и трепетала, как разлитая ртуть. Самым удивительным было его лицо: свет очага превратил оливковый цвет в темно-серый, и с этой плоской маски смотрели трехгранные зеленые глаза. Лицо было без носа и рта, а металлический голос раздавался из овальной дощечки на груди. Дощечка светилась, в ней волновался красноватый туман.

— Привет, прославленнейший доктор, — прозвучал по-латыни мертвый ровный голос.

— Привет... — прохрипел старик, потом вздрогнул и вскричал: — Отыди, сатана! — И перекрестился.

Но видение не исчезало.

— Я пришел, — продолжал голос. — Пришел к тебе, как ученый к ученому. Я хочу, чтобы ты меня выслушал. Это будет для блага. Тебе и другим...

Старик уже справился с первым волнением и стал рассматривать странное лицо незнакомца. Да, сомнений нет — то, как он появился, как ведет себя, как говорит... Это он, он, тот, чьего имени нельзя произнести безнаказанно, это он!

Металлический голос незнакомца колебал комнату и раззвевал паутину, мурлыкал, как большой черный кот. Хотя голос говорил понятным латинским языком учености, старик не понимал многоного. Незнакомец говорил, что пришел дать свое знание людям этой планеты, смыть кровь с их рук и удалить ненависть из их сердец, рассеять мрак в их мыслях... «Да, да», — кивал головой старик, но слова проходили сквозь него, как игла сквозь воду. Так велик был его ужас и так велик восторг при мысли, что пришел некто, могущий исполнить его самые тайные желания.

— ...а ты мне в этом поможешь, — закончил незнакомец. Дощечка у него на груди заволновалась и подернулась серым.

Старик решился. Крикнул хрипло:

— Хочу молодость, ибо молодость даст мне то, чего не дали знания!

Зеленые глаза незнакомца внимательно вглядывались в него.

— Я хочу быть опять молодым, как много лет назад, хочу жить и познавать все снова, — добавил старик.

— Ценность, — заговорил металлический голос, — ценность заключена в познании. Я предлагал тебе знания, с помощью которых ты избавишь других от болезней и злобы, и вы будете жить... — Голос заколебался. — Как люди...

Старик упал перед незнакомцем на колени, со слезами на старых глазах, со слезами тоски, столь великой, что она заслонила от него все, даже разум.

— Верни мне молодость, господин, и я отдам тебе себя!

Трехгранные глаза смотрели серьезно. Мефи не понимал, чего старик хочет. На Коре жизнь ценили по действиям, не по количеству балов. Группа Убана, изучавшая записи автоматов после возвращения с этой планеты, должно быть, допустила ошибку. Не может быть, чтобы этот болтливый глупец, опутанный собственным эгоизмом, был самым разумным существом на Земле.

Мефи заговорил неуверенно:

— Молодость... Зачем тебе она?

Старик выпучил глаза.

— И ты спрашиваешь, господин? — Лицо у него задергалось. — Молодость — это весна, кипение крови в жилах, будущность... Молодость — это плодородная почва, куда падают семена знаний... А ты спрашиваешь, зачем мне молодость!

Мефи произнес:

— Я не могу остановить время. Но могу придать твоему телу свежесть с помощью веществ, которых

ему не хватает. Это могли бы узнать все, если бы ты захотел, — добавил он.

Но старик уже не слышал его, плясал по комнате, хихикал, хлопал в ладони и вертелся, опьянев от радости. Тишина заставила его очнуться. Он быстро оглянулся.

Незнакомец стоял в конусе лучей, а гребневидное украшение у него на шлеме — аппарат для связи со звездолетом — сыпало фиолетовыми искрами. Глаза у него перестали светиться и словно закрылись. Старик испуганно умолк.

Через минуту Мефи снова открыл глаза и сказал:

— Дай мне своей крови.

— Для подтверждения договора? — в страхе шепнул старик. Но мысль о близком счастье отогнала сомнения.

Кровь Faуста была нужна Мефи для анализов, он кивнул головой, набирая ее тонкой иглой в блестящий шприц.

Планета не нравилась Мефи. Климат был слишком суровый в сравнении с Корой. Душный летний зной сменился осенними дождями, а когда снег покрыл страну белым молчанием, она стала похожей на холодную гробницу. Из лесов выходили стаи хищников и нападали на неосторожных людей, отличавшихся от них только по внешности, так как люди кидались друг на друга по самым непонятным поводам.

Сначала Мефи удивляло, что наименее воинственными были те, которые больше всего страдали от недостатка пищи. А кровожадные вожди сжигали города и села, убивали и на тысячи ладов мучали людей, работающих на них. «Они больны», — подумал Мефи и мало-помалу начал терять надежду на успех опыта.

Однако то тут, то там он находил признаки разума и красоты. Над зловонным мусором и полуразрушенными хижинами, где жили нужда и болезни, гордо возносились к нему великолепные соборы. Хотя по красоте они превышали все прочие здания, но были пусты, никто в них не жил.

Мефи спрашивал объяснений у своего друга — если можно так назвать того, кто смотрит на тебя со стра-

хом и недоверием. Но доктор Фауст отвечал уклончиво и глядел на Мефи так, словно подозревал его в нечистой игре.

Фауст очень изменился. Биоанализаторы провели сложный анализ его соков, а синтезаторы создали ирепараторы, повышившие у старика обмен веществ. Мефи, специальностью которого была скорее педагогика, почувствовал к коллегам из группы Убана безмерное уважение. Вместо трясущегося старика перед ним был статный мужчина, пышущий здоровьем и энергией. «Теперь, — говорил себе Мефи, — настает время, когда он захочет выслушать меня».

— Ваш мир плох, иллюстриссиме, — говорил он. — Император, короли и князья жестоко угнетают вас, обращаются с вами, как с рабочим скотом. Люди трудятся до изнеможения, а плоды их труда идут на войны и уничтожение. Вы гораете на огне собственного неведения, вам остаются только дым и пепел.

— Так велит бог, — легкомысленно отвечал доктор и поправлял бородку. На голове у него красовалась щегольская шляпа, а у пояса висел длинный блестящий меч. — Добрый христианин заботится не о здешней жизни, а о вечном спасении.

— Мне кажется, — медленно произнес Мефи, — что я ошибся, когда отдал им вечное спасение от тебя. — И указал на шприц.

Правая рука Фауста отскочила от бородки и начертила в воздухе крестное знамение. Голос был смиренным:

— Я грешен, знаю, но хочу проникнуть глубоко в корень загадок, потому и просил о молодости.

Мефи улыбнулся.

— Пока что ты проникаешь глубоко в женские сердца. Это нехорошо. Ты говорил, что брату Маргариты не слишком нравятся подарки и ухаживания, которыми ты добился ее благосклонности. Мудрый избегает опасности, а ты ее ищешь.

Доктор положил руку на рукоять меча.

— Я не боюсь. Вот что меня защищает.

— А наука? Почему ты не отдаешь силы устранению зла?

Фауст пожал плечами.

— Потом.

Когда дверь за ним закрылась, Мефи заиграл на клавиатуре своего широкого пояса. Путь тоннелем нулевого пространства был мгновенным. Материя, стены, расстояния таяли перед мощным электромагнитным полем, которым снабдили его на Коре для полной безопасности.. Это был подарок от группы Эфира.

В неприступной пещере, в глубине густых лесов, где раздавались только крики орлов и волчий вой, Мефи устроил себе современное жилище и лабораторию. Тут он собирал сведения от телеавтоматов, невидимые глаза которых носились над городами и селами, светились рядами экранов и жужжали записывающими приборами. С каждым днем он убеждался в обоснованности скептицизма Эфира. Но самой основной чертой у Мефи было упорство. Он не хотел отказываться от своего опыта. Куда его приведет пребывание на этой страшной планете?

Средний экран вдруг засветился.

Экран светился красным. Опасность в лаборатории у доктора. Старт, короткая тьма в глазах у Мефи, потом сумрак, красноватый жар очага, разбросанные книги, а посреди них доктор, бледный, в изорванной, грязной одежде, на сломанном лезвии меча кровь. С улицы донесся крик.

— Господин! — вскричал Фауст, падая на колени.

Мефи брезгливо отступил.

— Господин, спаси, защити меня...

Он ползал у ног Мефи, как раздавленный червяк, слезы текли у него по лицу, по выхоленной бородке. Мефи указал глазами на окровавленный меч.

— Ты убил его?

Доктор кивнул.

— Я не хотел, господин, он бранил меня, грозил мне кулаками, я не хотел его убивать, верь мне, он сам наткнулся на меч...

Мефи ощущал внезапную дурноту. «Гнусные убий-

цы, — подумал он, глядя на распростертое тело брата Маргариты, — упрямые, гнусные убийцы...»

— Ты убил его!

— Спаси меня! — умолял Фауст, и его лицо в отблеске пламени было похоже на маску ужаса. Тоска была такой искренней, что в глубине души у Мефи что-то дрогнуло, и он успокаивающее поднял руку.

В эту минуту на лестнице раздался топот шагов и лязг железа. Дверь на лестницу распахнулась, ударившись о темную кирпичную стену. В свете факелов заплясали тени, отблеск пламени стекал по блестящим латам, как кровавые струи. Усатые, мрачные, смуглые лица.

— Убийца! — вскрикнул кто-то, и женщина с развеивающимся облаком светлых волос и безумными глазами кинулась на Фауста. Валявшийся на полу окровавленный меч говорил яснее слов. Солдаты у двери ошеломленно смотрели на эту сцену.

Тут Мефи выступил из тени и поднял руку.

— Мир! — воскликнул он по-латыни. — Мир!

Никто не понял латинских слов, но они произвели свое действие.

Сначала задрожала группа у дверей. Вонь ужаса, паника, падение тел, шумный, судорожный бой за дверью. Через несколько мгновений от солдат осталось только оружие, да один-два шлема медленно скатывались по ступенькам, разбивая тишину звонкими ударами.

— Мир! — повторил Мефи.

Девушка встала и медленно прижала руку к губам, свирепый огонь у нее в глазах сменился ледяным ужасом. Она медленно отступала шаг за шагом. На лестнице она схватилась обеими руками за волосы и пронзительно закричала:

— Дьявол! Убийца моего брата — в руках у дьявола... Дьявол! — Остальное затерялось в безумном хохоте.

— Ты спас меня, господин... от виселицы.

— И от «жизни вечной», — насмешливо добавил Мефи.

Доктор задрожал.

— Мы не можем оставаться здесь. Если меня не потащит палач на виселицу, то меня ждет костер, — сказал он.

Некоторое время оба молчали.

— Хорошо, — произнес Мефи. — Я спасу тебя. Но ты тоже сделаешь для меня кое-что... Послушай...

Мефи знал, чего он хочет... В городе была чума.

Ее несли на носилках закутанные люди. Ее несли тучи воронов над грудами непогребенных трупов. Заупокойный колокол отбивал такт этому страшному призраку в его кошмарной пляске. Забитые двери были покрыты белыми крестами, отовсюду поднимался запах разложения. Ужас был начертан на исхудальных лицах, и священники в полупустых церквях служили реквием в тишине господнего отсутствия.

Двоих прохожих прошли через покинутые ворота под угасшими взглядами стражников, неподвижные руки которых не выпустили оружия даже после смерти.

Тот, кто был повыше ростом, задрожал от возмущения.

— Я не пойду дальше, — сказал он. — Ты знаешь, что нужно делать, знаешь, как найти меня.

Фауст кивнул: зрелище смерти не волновало его. Он шел дальше по тихим улицам, огибал лужи, отскачивал от голодных собак.

Он постучался в ворота дворца. Долгое время ему отвечало только эхо, потом засов отодвинулся, и ворота приоткрылись.

— Я врач, — быстро произнес Фауст.

— Тут исцеляет только смерть, — быстрым шепотом ответил слуга. — У князя заболела дочь, он никого не принимает. Уходи!

Доктор сунул ногу между створами.

— У меня есть средство против чумы, скажи это своему господину.

Дверь приоткрылась больше, показалась растрепанная голова с острым носом. В глазах было недоверие.

— Ты дурак или... — В руке сверкнула пика.

Доктор отскочил, но не сдался.

— Я думал, князь не захочет, чтобы его дочь умерла, — сказал он и повернулся, словно уходя.

Слуга нерешительно глядел ему вслед, потом окликнул:

— Погоди, я скажу о тебе.

Князь был уже стариком, утомленным, закутанным в длинную парчовую одежду, расшитую золотом. На тяжелом столе стояла чаша, в которой дымилось вино. На лбу у князя лежал компресс, пахнувший уксусом.

— Если ты говоришь правду, — медленно произнес он, — то получишь все, чего пожелаешь. Если нет, тебя будут клевать вороны на Виселичной горе. Итак?

Доктор улыбнулся.

— Я не боюсь.

Князь смотрел на него, медленно гладя бороду, иногда нюхая губку, смоченную в уксусе.

— Дочь заболела перед полуднем, она горит как огонь и бредит... Отец Ангелик дал ей последнее помазание. Ты хочешь попытаться?

— Веди меня к ней, — ответил Фауст.

Тонкая игла шприца слегка прикоснулась к восковой коже; по мере того как по ней струилась серебристая жидкость, под кожей вырастало овальное вздутие. Доктор разгладил его и обернулся к князю.

— Теперь она уснет, — сказал он. — Через час жар у нее прекратится, но до вечера она должна спать. Она выздоровеет.

Взгляды присутствовавших следили за ним с суетливым страхом, его уверенность убеждала. Ему верили, как он верил Мефи, но шаги стражи перед запертой дверью комнаты, в которую его потом ввели, отзывались в душе тревогой. В конце концов у врага есть тысячи путей, и замыслы его коварны. Время шло, а в душе у Фауста угрызения совести сменялись

страхом. Он беспокойно вертел в руках яйцеобразный предмет из голубоватого сияющего вещества; нажав красную кнопку на его верхушке, можно было вызвать Ужасного... но доктор не смел ее нажать.

Когда стемнело, загремел ключ. Слуги внесли блюда с дымящейся пищей и запотевшие бутылки. Они поклонились ему, и это вернуло ему уверенность. Доктор ел и пил, и ему было очень весело.

Потом он снова стоял перед князем, и у старика не было ни компресса, ни губки. Он смеялся и предложил доктору сесть.

— Прости, почтенный друг, тебе пришлось поскульчать... Дочь моя спит, и лоб у нее холодный, тебя, наверное, послал всемогущий.

Священник в черно-белой сутане кивал в такт благодарственным словам. Доктору стало неприятно.

— Ах, нет, нет, ваша светлость. Это долг христианина и врача — помогать страдающим...

— Достоин делатель мзды своей, — бормотал монах.

Князь всхлипнул.

— Ты великий человек, доктор... Но можешь ли ты предохранить перед божьим гневом? Есть ли у тебя средство, чтобы отогнать болезнь заранее? Люди у меня умирают, и поля опустели. Кто их будет обрабатывать?

— А кто заплатит десятину? — спросил монах, перебирая четки костлявыми пальцами.

— Есть у тебя такое средство? — настаивал князь.

— Есть, — ответил доктор, и глаза у них алчно засияли, — но с условием...

— Согласен заранее, — начал было князь, но монах сжал ему руку и спросил:

— С каким, милый сын мой?

— С тем, что вы создадите царство божье на земле.

Молчание. Князь переглянулся с монахом. Доминиканец перекрестился и провел языком по губам.

— Мы не печемся ни о чем другом, сын мой, — тихо сказал он.

Доктор нажал кнопку на яйцевидном предмете и положил его на стол. Они видели это, но ни о чем не спросили.

— Тот, кто примет мое лекарство, забудет обо всем, что было, — сказал он. — Его мысль станет чистой, как неисписанный пергамент. Тот, кто примет это лекарство, не будет знать болезни, и его уста не произнесут слов лжи...

— Когда грозит смерть, то это условие не тяжело, — сказал князь.

Но глаза у монаха сожурились.

— Только бог всемогущий имеет право определять меру страданий, которыми грешники покупают свою долю в царствии небесном. И не человеку изменять его пути, — подчеркнул он. — От чьего имени ты говоришь, доктор? — неожиданно прошипел он.

Доктор окаменел, по спине у него прошел холод. Во что втянул его таинственный посетитель? Иногда он не сомневался в том, что это дьявол, иногда его речи звучали как райская музыка. Но разве сатана не сумеет превратиться в агнца, чтобы скрыть свои волчьи зубы?

Князь поднял руку, и лоб у него стянулся морщинами.

— Ты говоришь, они все забудут... Это значит — забудут и то, кто господин и кто слуга, забудут о податях и десятинах и о ленных обязанностях?..

Доктор наклонил голову.

— Только бог может править судьбами людей, — строго произнес монах, впиваясь взглядом в лицо князя. — А тот, кто своевольно захочет вмешаться в дела божьего провидения, пойдет в адский огонь и в море смолы кипящей.. Так вот, если они забудут, что должны служить тебе, Альбрехт, — насмешливо обратился он к князю, — то кто будет защищать тебя? Кто защитит тебя от мести врагов? Да и ты был бы рад забыть обо многом, правда? — Его аскетическое лицо скривилось в усмешке, и князь скорчился, как под ударом бича.

Монах обратил свой горящий фанатизмом взгляд к доктору.

— А тебе, посланец темных сил, я говорю тут же и от имени божьего, что скорей позволю всему населению города умереть от чумы, чем позволю тебе закрыть им путь к вечному спасению...

Князь опустил глаза и слабо кивнул.

Доктор весь дрожал; он медленно отступал к двери, но сильные руки схватили его и снова подтащили к столу. Мрачное лицо доминиканца не предвещало ничего доброго.

— От чьего имени ты говорил? Кто тебе дал волшебное средство? Кто приказал тебе смущать добрых христиан?

Несмотря на свою молодую внешность, доктор был стар. Убийство, бегство со страшным спутником, угроза костра — все это было слишком много для него. Он знал, что тот, кого инквизитор так допрашивает, уже не сможет оправдаться.

Он кинулся к столу, где пылало голубое яйцо, но монах оказался проворнее.

— А, — вскричал он, — так это и есть дьявольский амулет! — И, сильно размахнувшись, швырнул яйцо о каменный пол так, что оно разлетелось на тысячу осколков. По комнате прошла какая-то волна, слово отзовук далекой музыки.

Доктор упал в кресло, побелев как мел. Он видел, что погиб.

— Это не я, я не хотел, нет, — бормотал он, и по щекам у него текли слезы. — Это он меня соблазнил, он, дьявол!.. Он вернул мне молодость, молодость! А-ах! — Он положил руки на стол и уронил на них голову, горько рыдая. — Я знал, что это обман, и все-таки поддался ему... Он возвел меня на верх горы, а потом сбросил в пропасть...

В голосе у него звучала такая искренняя скорбь, что оба слушателя вопросительно переглянулись.

Монах отпустил стражу движением руки и заговорил:

— Больше радости в небесах об одном обращенном, чем о тысяче праведников... Мне кажется, ты

раскаиваешься в своем проступке... а церковь не жестока, церковь — это мать послушных детей...

Доктор приподнял голову и непонимающе смотрел на него.

— Ты спас дочь его светлости. Быть может, это было делом дьявола, ибо и дьявол противно своему замыслу может иногда творить добро... — Монах выжидающе умолк.

— Добро? — пробормотал доктор.

К князю вернулся голос.

— Ты говорил, что у тебя есть лекарство против чумы?

Доктор кивнул.

— Скольких больных ты можешь вылечить?

— Двух, трех, я не знаю, государь... но, может быть...

Монах жестом прервал его. Взгляды обоих владык встретились, и доминиканец слегка кивнул. Он обратился к доктору.

— Дай нам лекарство, и я забуду обо всем.

— Дай лекарство, — усмехнулся князь. — И убрайся к черту!

Доктор повертел головой, словно желая убедиться, что она еще сидит у него на плечах.

— Ну что же? — спросил князь. — На Виселичной горе общество неважное... и там холодно...

— А костер чересчур горяч, сын мой, — прошептал монах.

Фауст проговорил хрипло:

— Да! — И сунул руку в карман.

Монах остановил его, вышел в коридор и через минуту вернулся.

— Это тебе в награду, — сказал он, подавая ему звонкий кошелек.

Фауст не знал, как он выбрался из комнаты, не верил, что жив и свободен. Он шел, пошатываясь, по коридорам дворца и все еще не верил. Но вдруг его схватили сильные руки и бросили в зловонную подземную темницу.

Когда он упал на гнилую солому, изо всех углов выползли, пища, крысы.

Зеленоватое сияние заставило его очнуться. Мефи стоял посреди камеры, одетый в прозрачный скафандр. Доктор приподнялся, оперся на локоть, захав от боли. Прикрыл рукой лицо, как от удара, и застонал:

— Не моя вина, прости, господин, меня позорно обманули...

Зеленые глаза Мефи потемнели.

— Я все слышал. Слышал, как человек в сутане говорил, что скорее пожертвует всеми. — Мефи отвернулся, помолчал. — Нет, это моя ошибка — еще рано, Эфир был прав... Но я видел тут жизнь, упрямую, сильную жизнь, видел тех, кого угнетают подати, войны, болезни и страх. Они живут в берлогах, а строят соборы, — когда-нибудь будут жить во дворцах, а строить Знание... Они сильные, и их много, и позже они меня примут иначе, чем ты. Я вернусь, наверное. А ты слаб, ученейший доктор, хотя и пожелал иметь молодость.

— Спаси меня, господин, я сделаю все! — умолял его Фауст.

Мефи с минуту оглядывал прочные стены темницы, потом улыбнулся.

— Ты сквозь эти стены не пройдешь. Но возьми вот это. — Он подал доктору продолговатый цилиндрический предмет. — Если направишь его на стену и нажмешь вот эти кнопки, вот тут и тут, то путь перед тобой откроется. Потом выбрось его, это опасная игрушка. Встретимся у ворот. Прощай, иллюстриссиме!

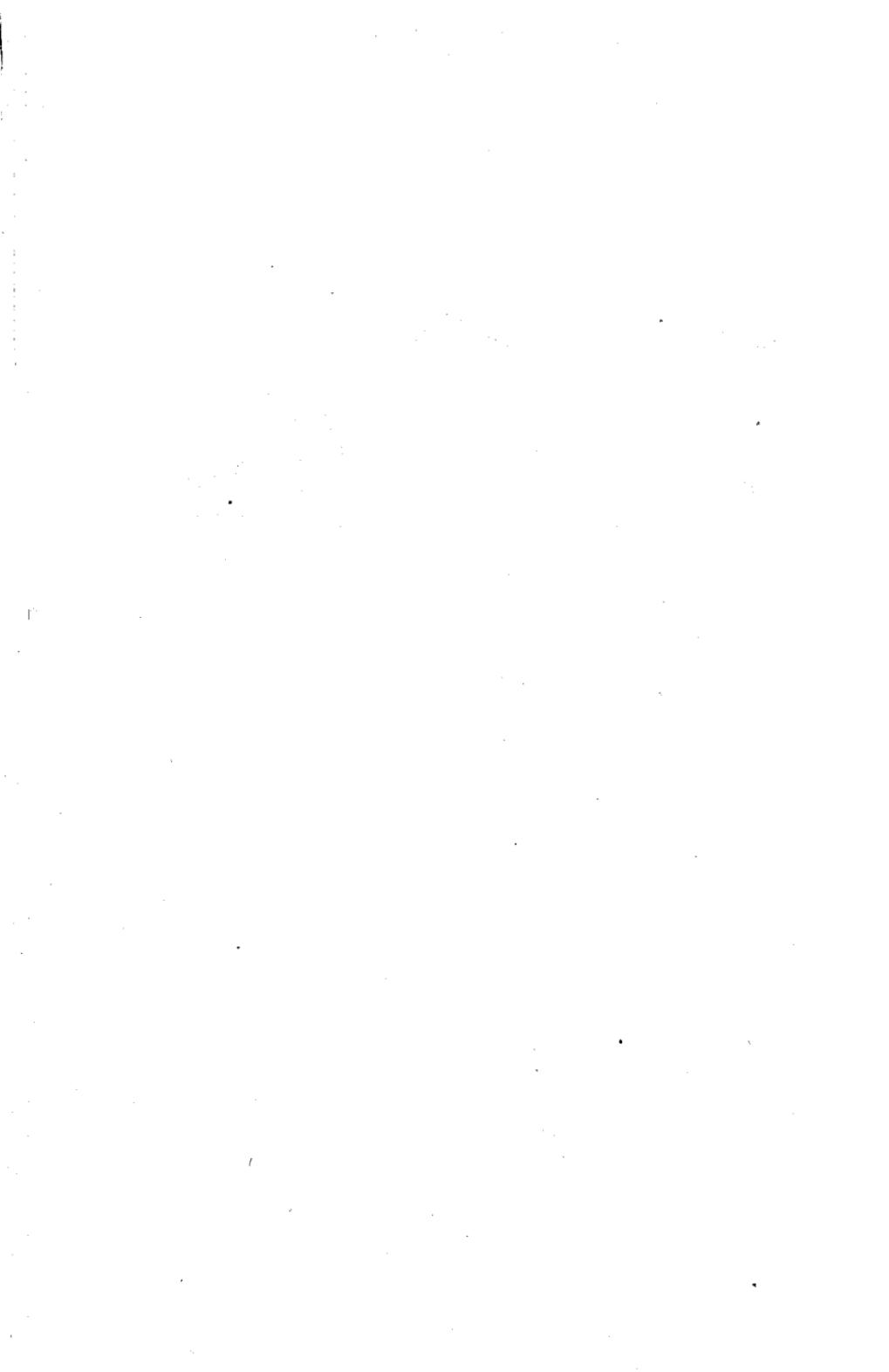
Доктор в отчаянии пытался удержать фигуру, исчезавшую в зеленоватом облаке. После нее осталась только тьма. Потом он сжал губы и направил прибор, как было сказано.

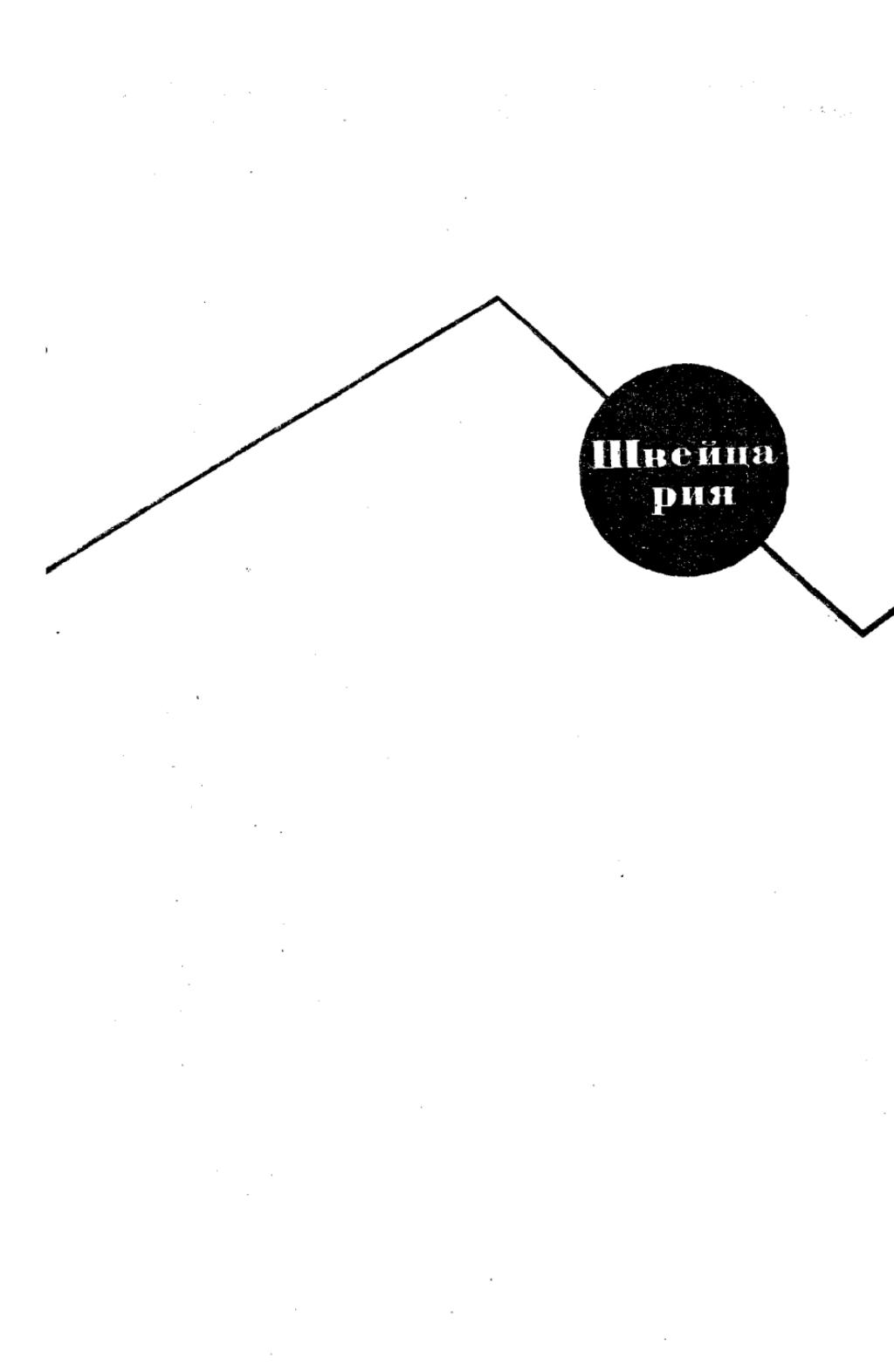
...Ослепительная вспышка, грохот рушащихся камней... и ошеломленные стражи застыли, увидев неправильную брешь в стене, в которой висело облако пыли и каменных осколков, а изнутри выползал бурый вонючий туман.

— Дьявол его унес, — прошептал доминиканец, медленно перекрестившись, когда ему сообщили о необычайном исчезновении узника.

— Сам дьявол, — подтвердил князь и схватился за притолоку двери.

И еще долгие годы спустя они рассказывали людям о том, как ученейший доктор Фауст заключил договор с дьяволом... ибо хотели запугать тех, которые считали науку и знание более важными, чем возвещаемая ими «истина божья».

Швейца
рия

Голоса:

Маннерхайм.

Сэр Хорэс Вуд.

Капитан Ли.

Полковник Камилл Руа.

Военный министр.

Министр внеземных территорий.

Статс-секретарь.

Джон Смит.

Петерсен.

Ирена.

Бонштеттен.

Голос.

**ФРИДРИХ
ДЮРРЕНМАТТ**

ОПЕРА- ЦИЯ «ВЕГА»

Маннерхайм. Господин президент Свободных Соединенных Государств Европы и Америки. Возвращаясь к теме нашей беседы, позволю себе воспроизвести магнитозаписи, которые согласно вашему желанию, господин президент, были сделаны мной во время операции «Вега» и касаются его превосходительства сэра Хорэса Вуда, а также проведенных им переговоров. Остаюсь, невзирая на переживаемое нами смутное время, вашим неизменно преданным и почтительным слугой. Доктор медицины, сотрудник секретной службы Маннерхайм.

Начинаю с записи, сделанной во время старта.

Голос. Пассажиров планетоплана «Вега» просят занять места.

Вуд. Это относится к нам, Маннерхайм. Время покинуть Землю. Все остальные уже на борту.

Маннерхайм. Прошу ваше превосходительство надеть шляпу и темные очки.

Вуд. Разумеется, разумеется.

Маннерхайм. Нас могут опознать шпионы.

Вуд. Этого всегда следует опасаться.

Маннерхайм. Это ваш первый вылет в космос, сэр Вуд?

В у д. Да, первый. Вы, разумеется, удивлены. В наши дни каждый ребенок летает на Луну, совершает путешествие на Марс. Наши мечты стали явью, но я очень люблю Землю и очень не люблю мечтать. К тому же, как я слышал, ни на одной планете нет климата, который и вполовину подходил бы нам так, как земной.

М а н н е р х а й м . Справедливо замечено, ваше превосходительство.

Г о л о с . Пассажиров планетоплана «Вега» просят занять места, пассажиров планетоплана «Вега» просят занять места.

Шаги.

К а п и т а н . Ваше превосходительство...

В у д. Вы капитан корабля?

К а п и т а н . Так точно. Капитан Ли. Разрешите проводить ваше превосходительство в каюту.

В у д. Вы слишком любезны с людьми вроде меня, капитан. С министрами иностранных дел надо быть погрубее.

К а п и т а н . Сюда, пожалуйста.

В у д. Как здесь все непривычно!

К а п и т а н . Доктор Маннерхайм остается в распоряжении вашего превосходительства.

В у д. Благодарю.

М а н н е р х а й м . Разрешите застегнуть на вас ремни, ваше превосходительство?

В у д. Пожалуйста.

М а н н е р х а й м . Так будет надежно?

В у д. Вполне.

М а н н е р х а й м . Я принесу вам корамин. А пока что подам в каюту кислород и гелий.

В у д. Как вам угодно.

Тихое шипение.

М а н н е р х а й м . Не желает ли, ваше превосходительство, наблюдать за взлетом?

В у д. Непременно.

М а н н е р х а й м . Вы видите ракетодром.

В у д. Он огромен. На нем ни души.

Маннерхайм. Все люди в подземных укрытиях.

Вуд. Погожее нынче утро!

Маннерхайм. Красный свет, ваше превосходительство! Через двадцать секунд — старт.

Вуд. Жаль, что улетаем. Я с удовольствием съездил бы сегодня на рыбную ловлю.

Маннерхайм. Осталось десять секунд.

Вуд. А вот и солнце встает.

Маннерхайм. Стартуем.

Негромкое гудение.

Вуд. Я уже вижу внизу столицу и море. Мы оторвались от Земли, Маннерхайм.

Маннерхайм. Перегрузка не слишком велика?

Вуд. Терпима.

Маннерхайм. Она возрастает.

Вуд. Довольно любопытное ощущение, когда испытываешь его впервые.

Маннерхайм. Дышите ровнее.

Вуд. Стараюсь.

Маннерхайм. «Вэга» должна набрать скорость тридцать шесть тысяч километров в час.

Вуд. Печально. В машине я никогда не превышаю семидесяти.

Пауза. Слышишь только гудение.

Маннерхайм...

Маннерхайм. Ваше превосходительство...

Вуд. Вы личный врач президента?

Маннерхайм. Его дорожный врач. Я летал с ним на Марс.

Вуд. И он назначил вас сопровождать меня на Венеру?

Маннерхайм. Это большая честь, ваше превосходительство.

Вуд. Гм!

Маннерхайм. Желтый свет. Взлетная перегрузка достигла максимума.

Вуд. Чувствуется.

Маннерхайм. Зеленый свет. Мы набрали заданную скорость. Притяжение Земли преодолено.

В у д. Предпочел бы остаться на ней.

Гудение прекращается.

М а и н е р х а й м . Мы на высоте в восемь тысяч километров над Землей.

В у д . Пожалуй, слишком высоко.

М а и н е р х а й м . Могу я отстегнуть ремни, ваше превосходительство?

В у д . Да. Так мне лучше. А красива Земля!

М а и н е р х а й м . Правда ведь?

В у д . Она как выпуклый щит. Жаль только, что она так лжива.

М а и н е р х а й м . Лжива?

В у д . Жители ее никогда не говорят правду.

М а и н е р х а й м . Не угодно ли вашему превосходительству проследовать в наблюдательный салон?

В у д . Проводите меня.

Шаги.

М а и н е р х а й м . Разрешите представить вам полковника Руя.

В у д . Полковник Камилл Руя?

Р у а . Так точно, ваше превосходительство.

В у д . Это вы в прошлом году провели налет на Ханой?

Р у а . Так точно, ваше превосходительство.

В у д . А три года назад на Варшаву?

Р у а . У вашего превосходительства хорошая память.

В у д . Профессиональная необходимость, Руя, профессиональная необходимость. А вот и военный министр.

В о е н н ы й м и н и с т р . Вот вы где, Вуд! Толчок, и ты уже в космосе. Колossalно! Я сейчас взволнован не меньше, чем двадцать лет назад, когда впервые проделал это. Теперь полеты в космос — простое дело. Недавно я встретил одного старикашку — его прадед жил еще во времена первооткрывателей. Космонавты порхали тогда по кабине, как ангелочки, а на старте их расплющивало в лепешку: они страдали от невесомости.

ти и лишены были всякой защиты от взлетной перегрузки. Словом, первобытные люди! А теперь летишь да еще Землю видишь. Внушительное зрелище — свободно парящий шар, вроде глобуса на уроке географии! Темно-фиолетовое небо, Солнце и миллионы звезд. Форменная панорама, Буд, форменная панорама! Здесь вы, наконец, приобретете то, что у вас в министерстве иностранных дел именуют широким кругозором.

Маннерхайм. А теперь запись, сделанная три дня спустя, во время совещания, которое состоялось на борту «Веги» под председательством сэра Хорэса Буда при участии всех министров и статс-секретарей.

Вуд. Господа! Позвольте начать с краткой оценки положения. Уясним себе, чего мы хотим и что мы можем. С тысяча девятьсот сорок пятого года у нас не было мировой войны, хотя случались периоды локальных конфликтов: война в Корее, гражданская война в Индии, поражение в Австралии и прочие осложнения. Сейчас, как ни тяжело признавать это министру иностранных дел, новая мировая война стала неизбежна. Дипломатия исчерпала все свои средства. Продолжать «холодную войну» немыслимо, мир невозможен, и необходимость в войне сильнее, чем страх передней. Свободным Соединенным Государствам Европы и Америки противостоят Россия и ее союзницы — Азия, Африка, Австралия. Силы противников приблизительно равны. Таковы печальные обстоятельства, объединившие на борту планетоцлана «Вега» представителей Свободных Соединенных Государств.

Министр внеземных территорий. Ваши превосходительства, господа! Положение наше не совсем благополучно. Мы лишились Луны. Это потеря, которую я лично воспринимаю еще более болезненно, чем утрату Австралии. Договор в Нью-Дели отнял у нас всю обращенную к Земле сторону этой планеты, а ее природные условия, столь враждебные человеку, исключают всякую возможность военных действий против русских лунных цитаделей.

Военный министр. Мы не должны были подписывать Нью-Делийский договор.

В у д. Обращаю внимание военного министра Костелло на то, что и он не видел тогда другого выхода, кроме этого злосчастного договора, который я вынужден был подписать. Это была единственная возможная политика, поскольку мы в тот момент не были готовы к применению иных, неполитических средств. Прошу министра внеземных территорий продолжать.

М и н и с т р в н е з е м н ы х т е р р и т о р и й. Ваши превосходительства, господа! Марс объявил о своем нейтралитете и слишком силен для того, чтобы его можно было принудить к выступлению на стороне русских или нашей. Остается Венера. Прошу представить слово статс-секретарю по венерианским делам.

В у д. Слово имеет статс-секретарь по венерианским делам.

С т а т с - с е к р е т а р ь. Ваши превосходительства! Я полагаю весьма целесообразным обрисовать собравшимся здесь членам правительства положение на Венере. В климатическом отношении оно катастрофично. Эта планета находится в том же состоянии, что Земля сто пятьдесят миллионов лет тому назад. Венера настолько не приспособлена для подлинной колонизации, что России, равно как и нашим Соединенным Государствам, пришлось отзвать оттуда своих комиссаров.

В у д. Я слышал несколько иную версию.

С т а т с - с е к р е т а р ь. Если уж быть точным, сэр Хорэс Вуд, то комиссары сами отказались вернуться на Землю, вследствие чего решили не посыпать туда новых.

В у д. Как звали нашего последнего комиссара?

С т а т с - с е к р е т а р ь. Бонштеттен.

В у д. Когда он подал в отставку?

С т а т с - с е к р е т а р ь. Десять лет тому назад.

В у д. Почему он не вернулся?

С т а т с - с е к р е т а р ь. Неизвестно.

В у д. Продолжайте, господин статс-секретарь.

С т а т с - с е к р е т а р ь. Ваши превосходительства, господа! Хотя планета Венера и не пригодна для заселения, она все-таки приносит известную пользу. Как мы, так и Россия со своими союзниками еще двести лет назад превратили Венеру в место ссылки и поныне

используем ее исключительно в этих целях. Наши планетоиды выгружают на нее осужденных и немедленно улетают, избегая какого бы то ни было соприкосновения с ссылыми.

Вуд. Стало быть, заключенным предоставлена свобода?

Статс-секретарь. В пределах Венеры — да. Для Земли же они мертвы.

Вуд. Политическая ситуация?

Статс-секретарь. Неизвестна.

Вуд. Численность населения?

Статс-секретарь. Неизвестна.

Вуд. Сколько человек мы туда отправляем?

Статс-секретарь. Тридцать тысяч ежегодно.

Вуд. А русские?

Статс-секретарь. Неизвестно.

Вуд. Не понимаю, зачем существует департамент по венерианским делам, если мы ничего не знаем об этой планете.

Статс-секретарь. Ваше превосходительство, задача этого департамента — этапирование туда ссылых. Дальнейшая их судьба не входит в компетенцию департамента. Мы удаляем осужденных с Земли — это главное. Прошу теперь военного министра осведомить нас о своих целях.

Военный министр. Они чрезвычайно просты. Речь идет о превращении Венеры в базу для войны против России и Азии. В стратегическом отношении эта планета обладает тем преимуществом, что облачность ее атмосферы исключает возможность наблюдения за ее поверхностью. Нападение может быть осуществлено внезапно, что немыслимо на Земле, поскольку и у нас и у русских есть искусственные спутники, с которых обе стороны могут наблюдать друг за другом. Считаю, что население Венеры составляет миллиона два человек. Для водородно-cobальтовой атаки против России и Азии мне нужно двести тысяч человек: этого достаточно для изготовления планетоидов и бомб, при условии, что мы оставим на Венере некоторое количество ученых.

Вуд. И вы располагаете ими?

Военный министр. Они на борту.

Вуд. С кем нам предстоит вести переговоры?

Министр внеземных территорий.

С неким Петерсоном.

Вуд. Имеются ли более подробные сведения об этом господине?

Министр внеземных территорий. Он убийца, по национальности немец.

Военный министр. Прелестная перспектива!

Министр внеземных территорий. Затем с неким Джоном Смитом.

Вуд. Что нам известно о нем?

Министр внеземных территорий. Родился на Венере, сын американского коммуниста.

Военный министр. Еще чище!

Министр внеземных территорий. И наконец, с неким Яковом Петровым, о котором мы вообще ничего не знаем.

Военный министр. Похоже, что это русский.

Вуд. Господа! Наша миссия возложена на нас лично президентом. Возложена к всеобщему нашему удивлению и до некоторой степени опрометчиво: как выяснилось, нам известно о Венере очень мало. Руководить осуществлением этой миссии придется мне. Мы стоим перед трудной задачей. Мы не знаем, чего добиваются уполномоченные этой планеты, которые поведут с нами переговоры; не знаем мы и того, с какой формой государственного устройства столкнемся — с диктатурой или парламентарной системой. Положение весьма серьезно. Чтобы не потерять все, мы вынуждены рискнуть всем. Итак, мне остается лишь пожелать успешного завершения операции «Вега».

Маннерхайм. Прежде чем перейти к событиям, развернувшимся на Венере, я воспроизведу еще две беседы его превосходительства сэра Хорэса Вуда. Первую он имел со мной в тот момент, когда в пространстве перед нами угрожающие замаячила Венера, напоминая размерами Луну, но гораздо более яркая и белая.

В у д. Скоро на посадку, Маннерхайм?

М а н н е р х а й м . Через шесть часов, ваше превосходительство.

В у д. Значит, через шесть часов вы приступите к выполнению своего задания.

М а н н е р х а й м . Какого задания, ваше превосходительство?

В у д. Президент поручил вам держать меня под наблюдением. Он боится, как бы я не последовал примеру наших комиссаров и не остался на Венере.

М а н н е р х а й м . Не понимаю вас...

В у д. Вы сотрудник секретной службы.

М а н н е р х а й м . Ваше превосходительство!

В у д. И у вас в кармане машинка, с помощью которой можно записывать разговоры.

М а н н е р х а й м . Не знаю...

В у д. Зато я знаю, Маннерхайм. Как сотрудник секретной службы, вы не имеете права признаться в своей принадлежности к ней. Поэтому не будем углубляться в этот вопрос. Нам ведь обоим известно, что поставлено на карту.

М а н н е р х а й м . Вторая беседа велась с полковником Руа в наблюдательном салоне перед самой посадкой. Запись несколько раз прерывается, так как, боясь возбудить подозрения, я осуществлял ее в крайне трудных технических условиях.

В у д. Один вопрос, полковник Руа.

Р у а . Слушаю, ваше превосходительство.

В у д. Три года тому назад вы атаковали Варшаву с планетоплана «Денеб»?

Р у а . Так точно.

В у д. А в прошлом году Ханой с планетоплана «Альтаир»?

Р у а . Совершенно верно.

В у д. Тогда, мне кажется, я припоминаю...

Далее неразборчиво.

Р у а (*отвечает неразборчиво*).

В у д. Оба планетоплана были замаскированы под пассажирские корабли?

Руа. Военная хитрость, ваше превосходительство.
Вуд. Наш корабль называется «Вега»: я плохо ориентируюсь в небе, но, по-моему, Альтайр, Денеб и Вега — это названия звезд?

Руа. Верно.
Вуд. Не являются ли они также разными названиями одного и того же корабля?

Руа. Вы очень проницательны, ваше превосходительство.

Вуд. Это тоже профессиональная необходимость...

Далее неразборчиво.

Руа (*отвечает неразборчиво*).

Вуд (*неразборчиво*). Вы опасный человек, Руа.

Руа. Я солдат.

Вуд. Вот именно. И вы здесь, на борту...

Руа. По желанию президента.

Вуд. С несколькими... э... бомбами, как в Варшаве и Ханое?

Руа. Назначение их мне неизвестно.

Вуд. Они предназначены для того, чтобы подкрепить предложения, которые мы сделаем обитателям Венеры.

Руа. Не могу ничего сказать вам, ваше превосходительство.

Вуд. И не должны, Руа. Обитатели Венеры ждут мирный корабль. Мы дали им слово, что явимся без оружия. Поэтому я удивился, обнаружив вас на борту, полковник, но, как министр иностранных дел Свободных наций, я не вправе углубляться в этот вопрос. Нет ничего более прискорбного, нежели дипломат, правая рука которого ведает, что творит левая.

Голос. Прошу всех пройти в каюты, прошу всех пройти в каюты. Застегните ремни, застегните ремни. «Вега» входит в атмосферу Венеры, «Вега» входит в атмосферу Венеры.

Вуд. Забудьте о нашем разговоре, Руа.

Руа. Слушаюсь, ваше превосходительство.

Вуд. Будем надеяться, что вы никогда мне о нем не напомните. Я со своей стороны также...

Голос. Прошу всех пройти в каюты, прошу всех пройти в каюты. Прошу застегнуть ремни, прошу застегнуть ремни...

Маннерхайм. К следующей записи мне хотелось бы — поскольку вы, господин президент, просили представить вам возможно более детальный отчет — прибавить только, что впечатление, произведенное на нас Венерой при посадке, трудно передать словами или воспроизвести с помощью тех снимков Венеры, которыми мы располагаем на Земле. Мы совершили посадку в заданной точке, в районе северного полюса планеты, на берегу острова Ньютона. Разумеется, мы сразу же увидели отличительные приметы Венеры, которые знаем со школьной скамьи — гигантский растительный мир и цепь вулканов на горизонте. Но самое страшное было не это, а раскаленный влажный воздух, постоянное сотрясение земли, которое непрерывно вспахивает, изменяет, уничтожает и обновляет ее поверхность; и странный неземной, с трудом поддающийся описанию свет. На Венере не бывает солнца, небо, нависающее как тяжелый свод, представляет собой сплошное месиво туч, в котором ревут ураганы чудовищной силы. Кажется, что оно цвета расплавленного серебра, словно за сплошною стеной паров и дождя бушует всеущитожающее пламя. Впечатление это еще более усугубляется постоянными электрическими разрядами в атмосфере. Уже при высадке мы могли наблюдать километровые молнии, которые с треском взорвались в гигантские первобытные леса папоротников и хвоиц. Мы вышли из «Веги». Почва под ногами колебалась и дрожала. Позади расстипался фантастический первобытный лес, источавший сырость, впереди — красный раскаленный песок, а за ним, в тумане, ревущий океан. Мы думали, что нас ожидают огромная толпа и торжественная церемония. Его пре-восходительство сэр Вуд уже взял в руки листок с кратким конспектом речи и вооружился массивными роговыми очками. Но увидели мы лишь трех человек в поноженной одежде, состоявшей из рубахи и штанов. Они медленно приближались к нам со стороны берега. Мы предположили, что эти люди отряжены про-

водить нас к месту переговоров, но, к нашему изумлению, они и оказались полномочными представителями венериан.

Джон Смит (тихо). Я Джон Смит.

Вуд. Сэр Хорэс Вуд.

Джон Смит. Господин Петерсен, господин Петров.

Вуд. Их превосходительства господа военный министр и министр внеземных территорий, мои главные сотрудники.

Джон Смит. Очень рад.

*Вуд. Господин Смит, господа! Минута, когда мы ступили на почву Венеры, не лишена для нас известного величия. Мы взволнованы тем, что стоим на столь непривычной для нас земле другой планеты. (Гром.) Свободные Соединенные Нации, которые мы здесь представляем, знают, что идеалы (*оглушительный гром*)... что идеалы, которым мы служим и которые пытаемся претворить в жизнь (*долгий раскат грома*)... идеалы (*гром*)... гуманности (*гром*)... и свободы (*оглушительный гром*)... существуют и на Венере, хотя, быть может, в иных формах. (*Бешеные удары грома*.) Поэтому мы явились к вам, движимые не эгоистическим расчетом (*нарастающий свист ветра*)... а искренним порывом, как выражалась еще Элиот... (*оглушительный гром, неистовый вой ветра, шум дождя*.)*

Маннерхайм. К сожалению, его превосходительству не удалось закончить свою речь. Разразилась ужасная буря, которая принудила нас поспешил на судно венерианских представителей, представлявшее собой нечто вроде примитивной подводной лодки, причем мы промокли до нитки, прежде чем добрались до него.

Мы были совершенно растеряны: мы ведь ожидали, что переговоры состоятся в каком-нибудь городе или загородной резиденции. Сейчас я воспроизведу часть выступлений на первом совещании с венерианскими представителями, которое протекало в ужасных условиях. Делегации Свободных Соединенных Государств, состоявшей из двенадцати человек, пришлось втиснуться в крохотный, плохо освещенный трюм суденышка,

которое волны чужого океана по своей прихоти бросали то туда, то сюда.

Джон Смит. Приветствуя на борту нашего корабля представителей Свободных Соединенных Наций Земли. Прошу извинить господина Петрова: он вынужден отсутствовать — кому-то нужно управлять судном.

Вуд. Мы имеем сделать вам весьма важные предложения. Нельзя ли возложить управление судном на другое лицо?

Джон Смит. Нас здесь всего трое.

Молчание.

Вуд. Господа! Я предлагаю избрать местом переговоров столицу Венеры.

Джон Смит. У нас нет столицы.

Вуд. Тогда какой-нибудь крупный населенный пункт.

Джон Смит. У нас нет населенных пунктов.

Вуд. Наконец какое-нибудь помещение на суше.

Джон Смит. У нас нет другого помещения. Суша здесь слишком ненадежна — на ней нельзя строить здания. Мы все живем на судах.

Вуд. Тогда я прошу переждать непогоду.

Джон Смит. На Венере не бывает хорошей погоды. Здесь всегда непогода и обычно пострашнее, чем сегодня.

Вуд. Но ведь должна же кончиться буря!

Джон Смит. На Венере постоянные бури. Эта еще пустяки.

Молчание.

Вуд. Нам нужна атмосфера абсолютной ясности, а мы пока что очень плохо представляем себе политическую обстановку на Венере. Разрешено ли мне в этой связи осведомиться, какое отношение присутствующие здесь венерианские представители имеют к своему правительству и насколько велики их полномочия?

Джон Смит. У нас нет правительства.

Вуд (*удивленно*). Как это понимать?

Джон Смит. Так, как я сказал.

Министр внеземных территорий. Господин Петерсен!

Вуд. Слово имеет его превосходительство господин министр внеземных территорий.

Министр внеземных территорий. Господин Петерсен, если мы правильно поняли господина Смита, население Венеры управляет не постоянным правительством, а чем-то вроде совета или собрания народных представителей, которые на основе подлинной демократии выражают волю народа.

Петерсен. Ничего этого у нас нет.

Министр внеземных территорий. Но на Венере должна же быть какая-то власть!

Петерсен. Венера огромна, а мы малы. Это страшная планета. Мы должны бороться, если хотим жить. Нам некогда заниматься политикой.

Военный министр. Господин Смит!

Вуд. Слово имеет его превосходительство господин военный министр.

Военный министр. Вы именуете себя полномочным представителем населения Венеры?

Джон Смит. Правильно.

Военный министр. Следовательно, вас кто-нибудь уполномочил?

Джон Смит. Я сам.

Пауза.

Военный министр (*с изумлением*). Значит, в тот момент, когда мы наладили с вами радиосвязь, вы говорили с нами от собственного имени?

Джон Смит. Вы связались с нами по радио. То, что вы услышали наш передатчик, — чистая случайность. Мы пытались вызвать соседей, а поймали Землю.

Военный министр. И вы, поддавшись соблазну, выдали себя за представителей Венеры.

Джон Смит. Мы действительно ее представители. И, вступив с вами в переговоры после того, как вы поймали нашу передачу, мы лишь выполняли свой долг. Никто из нас не вправе увиливать от дела; даже если оно его совсем не касается.

Военный министр. Это какой-то бред!

Пауза.

Вуд. Значит, в переговоры с нами могло вступить любое другое лицо, стоило нам только поймать его передачу?

Джон Смит. Конечно.

Вуд. И оно также было бы уполномочено их вести?

Джон Смит. Да.

Военный министр. Сума сойти!

Вуд. Господин Петерсен, информировано ли население Венеры о нашем прибытии?

Петерсен. Мы сообщили об этом на ближайшее судно.

Вуд. А дальше?

Петерсен. А дальше мы сообщим туда, о чем велись переговоры.

Вуд. А если мы заключим какой-нибудь договор?

Петерсен. Мы сообщим туда и об этом.

Вуд. И население Венеры будет соблюдать этот договор?

Петерсен. Я уже сказал: у нас есть полномочия.

Вуд. Можно ли собрать в одно место все суда с населением планеты?

Петерсен. При необходимости можно, но такой необходимости нет.

Вуд. Господа! Как глава делегации Свободных Соединенных Наций Земли, я стою перед лицом несколько неожиданной для меня ситуации. Я предлагаю собравшимся здесь членам нашей делегации возвратиться прежде всего на планетоплан и обсудить положение. Нам необходимо принять решение, допустимо ли с точки зрения правовой вести переговоры с господами Смитом и Петерсеном, поскольку мы не обнаружили на Венере никакого государственного института, который мог бы рассматриваться как юридическое лицо и с которым мы могли бы вступить в договорные отношения, если только я правильно сформулировал свою мысль — я ведь не юрист. Поэтому ялагаю...

Маннерхайм. Воспроизвожу шестую запись: дебаты на борту «Веги». Планетоплан опять вышел из

атмосферного пояса Венеры и находится на высоте в тысячу километров.

Военный министр. Пробудь мы еще хоть минуту в этом климате, и готово, я бы взбесился. Вот бы послать сюда русских! В жизни не видел более нелепой планеты.

Министр внеземных территорий. Здесь невыносимо!

Военный министр. При взлете я видел какое-то животное. Нечто вроде хамелеона в полсотни метров длиной.

Министр внеземных территорий. Какое неприличие!

Вуд. А мне Венера показалась разумной. Всякий раз, когда я упоминал в своей речи об идеалах, грохотал гром.

Военный министр. И перед кем вы держали речь, Вуд? Перед тремя мерзавцами — жалкими рыбаками или чем-то вроде этого, которые на досуге перехватили нашу передачу и заманили на свою паршивую лодку дипломатическую миссию в составе трех министров и шести статс-секретарей с Земли.

Министр внеземных территорий. Наши ученые убили целые годы, чтобы втайне от русских сконструировать аппарат для радиосвязи с Венерой.

Военный министр. Смехотворная история!

Министр внеземных территорий. Как министр внеземных территорий, я постоянно предостерегал против этой авантюры.

Военный министр. Прискорбная история! Пролететь сорок пять миллионов километров — и все впустую! Надо возвращаться на Землю.

Министр внеземных территорий. Не следует продолжать проигрышную игру.

Вуд. Венера произвела на меня сильное впечатление. Люди на ней свободны.

Министр внеземных территорий. Я вынужден вновь выступить с предостережением.

Вуд. Никакого правительства. Каждый волен быть полномочным представителем. Да, каждый.

Министр внеземных территорий. Очень печально.

Вуд. Видеть, как идеал воплощается в действительность, всегда печально.

Военный министр. Я не усмотрел здесь ничего похожего на какие-либо идеалы.

Вуд. Да разве есть политика идеальнее, чем отсутствие всякой политики?

Военный министр. Уж не собираетесь ли вы завязать переговоры с этими голодранцами?

Вуд. Это наш единственный шанс, господин военный министр.

Военный министр. Не понимаю вас, Вуд.

Вуд. Мы должны найти себе союзников.

Военный министр. Но не на Венере же!

Вуд. Именно на Венере. Это еще на первом нашем совещании убедительно доказал нам министр внеземных территорий.

Министр внеземных территорий. Протестую! Напротив, я постоянно предостерегал...

Вуд. Госнода, мы не имеем права терять голову, иначе мы вообще лишимся ее. Мы представляли себе положение на Венере в ложном свете. Мы, конечно, не знали, что нас ожидает, но полагали, что найдем здесь нечто подобное тому, к чему привыкли на земле. А тут все по-другому. Обитатели этой планеты ведут отчаянную борьбу с природой. У них только одна мысль — выстоять в этой борьбе, любой ценой сохранить свою жизнь, как бы безрадостна она ни была. Сейчас мы не представляем для них интереса, но они заинтересуются нами, если мы сумеем пробудить в них надежду на какое-то изменение в их судьбе. А мы сумеем.

Министр внеземных территорий. Вы, однако, оптимист.

Вуд. Мы имеем дело с людьми. Они такие же, как мы: облазнить их не труднее, чем нас.

Военный министр. Вы собираетесь предложить им деньги?

Вуд. Кое-что получше — власть.

Министр внеземных территорий. Что вы имеете в виду?

Вуд. Мы признаем Смита и Петерсена полномочными представителями Венеры и тем самым правительством этой планеты, поскольку на ней пока что нет никакого правительства.

Военный министр. Мы не можем создать правительство из ничего.

Вуд. Нет, военный министр, можем, ибо у нас кое-что есть. Мы гарантируем этому правительству, что оно будет поддержано всей мощью Соединенных Государств свободной части Земли.

Министр в неземных территорий. Считаю своим долгом предостеречь вас. Петерсен — преступник.

Вуд. Ну и что? Многие правительства, с которыми мы связаны на Земле союзными отношениями, тоже состоят из преступников... Далее, мы обещаем всем жителям планеты возвращение на Землю после нашей совместной победы над русскими.

Военный министр. Не слишком ли далеко вы заходите?

Вуд. Преследуя дальнюю цель, поневоле заходишь далеко.

Министр в неземных территорий. Но скажите ради всего святого, где мы их расселим? Я вынужден предостеречь от...

Вуд. На Земле любой климат покажется им райским.

Пауза.

Маннерхайм. Ваше превосходительство....

Вуд. Что вам, Маннерхайм?

Маннерхайм. А вдруг обитатели Венеры не захотят?

Вуд. Чего не захотят?

Маннерхайм. Вернуться, ваше превосходительство.

Вуд (*раздраженно*). Вадор, Маннерхайм! Кто же откажется вырваться из ада?

Маннерхайм. Вспомните Бонштеттена. Он остался. И другие комиссары тоже.

Вуд. Не беспокойтесь, молодой человек. Я знаю

Бонштеттена — мы вместе учились в Окефорде и Гейдельберге. Он всегда был человек сумбурный и не от мира сего. Не сомневайтесь — Венера основательно вылечила его. Вот увидите, он обрадуется возможности улететь с нами на землю.

Маннерхайм. И тогда мы вернулись на Венеру.

Запись второй посадки. Гром, шум ливня.

Их превосходительства направляются на берег, надев военные плащи для защиты от дождя и песка. Дождь горячий, песок раскаленный. Температура достигает пятидесяти градусов. Навстречу нам выходит женщина. На мой взгляд, ей лет тридцать. Одета она так же, как мужчины, и ничем не защищена от потоков дождя.

Гром то вблизи, то в отдалении.

Ирена. Вы господин Буд?

Вуд. Да, я.

Ирена. Я Ирена.

Вуд. Вы намерены проводить нас к господам Смиту и Петерсену?

Ирена. Смит и Петерсен не смогли прийти.

Военный министр. Но мы же условились...

Ирена. Они заметили кита — так мы называем этих животных. Правда, они совсем не такие, как киты на Земле, но есть их можно. А здесь мало животных, которых можно есть. Охота на китов у нас — важное дело.

Министр в неземных территориях (*в полном отчаянии*). Со всем уважением к этим съедобным китам, которые отчасти относятся и к моей компетенции — я ведь министр внеземных территорий, позволю себе спросить: с кем же нам теперь вести переговоры?

Ирена. Со мной.

Военный министр (*изумленно*). С вами?

Ирена. Я новая уполномоченная. Петерсен мне все рассказал. Поговорим в столовой плавучей больницы: я там служу сестрой. Врач разрешил. Но предупредил, чтобы не долго.

Гром.

Маннерхайм. Восьмая запись. Столовая плавучей больницы. Обстановка самая примитивная. Сплошная сырость. Переговорам с медсестрой предшествует обмен мнениями между министрами.

Военный министр. Вернемся-ка лучше обратно.

Министр внеземных территорий. Я всегда предостерегал от...

Военный министр. Ваш план провалился, Вуд.

Вуд. Это еще почему?

Военный министр. Вы хотели признать Смита и Петерсена правительством, а они взяли и отправились на ловлю китов!

Министр внеземных территорий. Никогда еще ни одна дипломатическая миссия не подвергалась таким оскорблением. Нас, как дураков, держат в какой-то вонючей столовой.

Военный министр. Не виси у нас на шее русские, наш долг был бы объявить этим парням войну. У нас в конце концов есть наша земная гордость!

Вуд. Ну и что?

Пауза.

Военный министр. Сэр Хорас Вуд! Не означает ли ваш возглас, что вы намерены объявить правительством Венеры эту медсестру?

Вуд. Разумеется, намерен.

Министр внеземных территорий. Это немыслимо!

Вуд. Пока игроки делают ставки, игра еще не проиграна.

Военный министр. Это слишком высиренно для меня, Вуд. Я больше ничего не понимаю в политике.

Вуд. Если политику можно понять, значит, это политика слов, милейший господин военный министр.

Стоны и крики откуда-то со стороны.

Что там за стоны, Маннерхайм?

Маниерхайм. По-моему, это роды, ваше пре-
восходительство.

Министр внеземных территорий.
Поэтому и исчезла Ирена.

Военный министр. Нам придется вести пе-
реговоры под волни рожениц!

Министр внеземных территорий.
Какая жара!

Военный министр. А вот и наша медсестра.
Наконец-то!

Ирена. Господа, я захватила с собой своего му-
жа. Он глухонемой: здесь это распространенное яв-
ление. Он только поет — у нас нет другого помеще-
ния.

Пауза.

Вуд. Конечно, конечно.

Ирена. Что вы хотите нам сказать?

Вуд. Как руководитель нашей миссии, считаю
своим долгом заявить, что Свободные Соединенные
Государства Земли официально признают вас полно-
мочной представительницей и, следовательно, главой
государства.

Ирена. Не понимаю.

Вуд. Мы полностью отдаем себе отчет в том, что
вследствие изолированности Венеры от остальной солн-
ечной системы население этой планеты не нуждается
в правительстве. Но коль скоро Свободные Соединен-
ные Государства Земли готовы политически признать
Венеру, возникает формальная необходимость в созда-
нии правительства на Венере. Отсюда следует, что пол-
номочный представитель Венеры автоматически отож-
дествляется с правительством этой планеты.

Ирена. Я всего лишь медсестра и не понимаю ни
слов из того, что вы сказали.

Вуд. И не нужно. Это чисто технический прием
дипломатии, позволяющий нам вступить в договорные
отношения с обитателями Венеры.

Ирена (*несколько нетерпеливо*). Хорошо. Раз уж
вам так хочется, я глава государства.

Вуд (*радостно*). Я уже представляю себе торжественный государственный акт. Мы созвовем на него возможно большее количество жителей Венеры.

Ирена. Это зачем?

Министр внеземных территорий. Чтобы они назначили вас главой государства.

Ирена. Вы это уже сделали.

Военный министр. Это должно быть сделано публично.

Вуд. Обитатели Венеры имеют право узнать, что у них, наконец, есть правительство, получившее международное признание. Я убежден, что Марс также признает Венеру.

Ирена. Это никого не интересует.

Министр внеземных территорий (*вспыхиваая*). Сударыня!

Ирена. Я правительство Венеры только с точки зрения Земли. Вы объявили нашего представителя главой государства. Дело ваше. Этим представителем случайно оказалась я — у меня сегодня свободный вечер. Завтра им окажется другой, если только кто-нибудь освободится. Я уже сказала: началась охота на китов.

Министр внеземных территорий. Но нельзя же каждый день менять правительство!

Ирена. Не нам, а вам хочется, чтобы у нас было правительство.

Военный министр. Мы топчемся на одном месте.

Министр внеземных территорий. А тут еще эта жара, удушливая, зловещая жара!

Ирена. Что же вам все-таки от нас нужно?

Вуд. Сударыня...

Ирена. Да перестаньте вы называть меня сударыней! Мое имя Ирена.

Вуд. Речь идет о том, чтобы отстоять свободу.

Ирена. Как?

Министр внеземных территорий (*со стороном*). Сударыня!

Вопль за степной: «Нет! Нет!»

Ирена. Извините. Рядом происходит ампутация, а средств для наркоза у нас нет.

Военный министр. Пожалуйста, пожалуйста.

Министр внеземных территорий. О, эта жара! Я просто изнемогаю.

Вуд. Конечно, Ирена, вопрос о том, как защищать свободу, еще не стоит на вашей счастливой планете — счастливой в смысле ее политического положения. Но он стоит на Земле. Свободным Соединенным Государствам угрожают Россия и ее сателлиты.

Маннерхайм. Так как речь его превосходительства в той ее части, где он излагает медсестре нашу точку зрения, сильно искажена отчасти неудачной записью, отчасти шумом, которым сопровождалась ампутация, переходжу непосредственно к записям дальнейших переговоров.

Министр внеземных территорий. Ах, эта жара...

Стоны.

Вуд. Таким образом, правительству Венеры ясны теперь наша точка зрения, наши пожелания и предложения.

Ирена. Значит, вы хотите, чтобы мы участвовали в войне против русских?

Вуд. Разумеется.

Ирена. Но Россия не угрожает нам.

Военный министр. Хочу задать вам один вопрос, Ирена.

Ирена. Задайте.

Военный министр. Вы русская?

Ирена. Я полька и выслана сюда шесть лет тому назад.

Министр внеземных территорий (слабым голосом). И высланы, несомненно, за то, что исповедовали высокие идеалы свободы, гуманности и частной инициативы?

Ирена. Нет, за проституцию.

Пауза.

Вуд. Дитя мое...

Ирена. Вы забываете, что говорите с главой государства.

Вуд. Сударыня, я еще раз торжественно заверяю вас, что все обитатели Венеры получат разрешение возвратиться на Землю при условии, что они будут нашими союзниками в войне.

Ирена. Мы не хотим возвращаться.

Пауза.

Вуд. Сударыня, не забывайте, что теперь вы говорите от имени всех. Я понимаю, что для вас по личным мотивам возвращение может быть нежелательным, но здесь есть люди, изгнанные на Венеру за то, что на Земле они боролись за свободу и жизнь, достойную человека. Они-то уж наверняка хотят вернуться.

Ирена. Я не знаю никого, кто хотел бы этого.

Министр внеземных территорий. Ах, эта жара, эта жара...

Маннерхайм. Ваше превосходительство, министр внеземных территорий потерял сознание.

Вуд. Осмотрите его, Маннерхайм.

Маннерхайм. Нам следует вернуться на планетоплан, ваше превосходительство. Жизнь господина министра в опасности.

Военный министр. Я тоже больше не выдержу, Вуд. Я весь в поту, да и вы сами бледны, как смерть.

Вуд (*устало*). Хорошо, Костелло. Мы прерываем переговоры. Будет ли передано мое предложение обитателям Венеры, сестра Ирена?

Ирена. Если хотите.

Вуд (*горячо*). Да, хочу. Мне кажется, вы не до конца уяснили себе значение нашей миссии. Сейчас мы возвращаемся на планетоплан, а утром придем снова. Мы не знаем, с кем нам придется вести переговоры. Но мы должны иметь уверенность, что население Венеры будет ознакомлено с нашим предложением.

Ирена. Будет, раз вы на этом настаиваете.

Маннерхайм. Девятая запись. Каюта его превосходительства на «Веге». Высота — полторы тысячи километров над поверхностью Венеры.

Тяжелое дыхание.

Сейчас я впрысну вам кальций...

Вуд. Как вам будет угодно.

Маннерхайм. И подам кислород в каюту.

Тихое шипение.

Вуд. Как чувствует себя министр внеземных территорий?

Маннерхайм. Плохо.

Вуд. Военный министр?

Маннерхайм. Немногим лучше. А со статсекретарем по венерианским делам во время взлета случился удар.

Вуд. Весьма огорчен. В каком он состоянии?

Маннерхайм. Безнадежен.

Вуд. А я сам?

Маннерхайм. Непорядок с белками.

Вуд. Это у меня бывает.

Маннерхайм. Пониженное давление.

Вуд. Пустяки.

Маннерхайм. Повышенная температура.

Вуд. Следствие раздражения, Маннерхайм.

Маннерхайм. Военный министр, ваше превосходительство.

Вуд. Садитесь на мою койку, военный министр.

Военный министр. Благодарю. Я еле держусь на ногах. Сначала мы завязали переговоры с одним убийцей и одним коммунистом, потом с уличной девкою, которую объявили главой государства. Интересно, с кем нам придется иметь дело в следующий раз. Вероятно, с мусорщиком или убийцей-садистом. Нам следовало выбрать себе партнеров получше.

Вуд. На Венере есть только разрозненные суда, которые носит по океану. Нам их не разыскать.

Военный министр. А по радио?

Вуд. Никто не отвечает.

Военный министр. Я оттого и бешусь, что нами никто не интересуется. Этим типам следовало по крайней мере проявить хоть чуточку любопытства.

Маннерхайм. С вашим превосходительством хочет говорить полковник Руа.

Пауза.

Вуд. Прошу.

Пауза.

Руа. Ваше превосходительство!

Вуд (*медленно*). Что вам угодно, полковник Руа?

Руа. Сами знаете, ваше превосходительство.

Вуд (*поколебавшись*). Вы пришли напомнить мне о нашем разговоре?

Руа. Так точно, ваше превосходительство.

Вуд. Сколько... э... зарядов у нас на борту?

Руа. Десять.

Пауза.

Вуд. По приказу президента Свободных Соединенных Государств?

Руа. По приказу президента.

Пауза.

Военный министр. Я понимаю, это неприятно. Особенно после того, как вы столько раз возвзывали к идеалам, Вуд. Поступите просто — пошлите к этим людям кого-нибудь из статс-секретарей с ультиматумом.

Пауза.

Вуд. С ним отправлюсь я сам. Сопровождать меня будет Маннерхайм.

Маннерхайм. Десятая запись. Глухонемой... э... супруг проститутки, провел нас с его превосходительством в полутемную сырую столовую плавучей больницы, где нас ожидал худощавый мужчина лет шестидесяти.

Бонштеттен. Не могу считать тебя желанным гостем, Вуд: ты прибыл сюда с прискорбной миссией.

Вуд. Ты...

Бонштеттен. Я Бонштеттен. Мы учились с тобой в Оксфорде и Гейдельберге.

Вуд. Ты изменился.

Бонштеттен. Изрядно.

Вуд. Мы вместе читали Платона и Канта.

Бонштеттен. Верно.

Вуд. Как я не сообразил, что за всем этим стоишь ты!

Бонштеттен. Я ни за чем не стою.

Вуд. Ты наш бывший комиссар и ты хозяин Венеры.

Бонштеттен. Чепуха! Я теперь врач, и у меня просто выдался свободный часок. Поэтому уполномоченным сегодня буду я и говорить тебе придется со мной.

Вуд. А русский комиссар?

Бонштеттен. Охотится на китов. У тебя найдется сигарета?

Вуд. Маннерхайм, угостите его.

Бонштеттен. Вот уже десять лет не курил. Любопытно, какой вкус у табака?

Маннерхайм. Огня?

Бонштеттен. Благодарю.

Вуд. Значит, ты в курсе дела?

Бонштеттен. Разумеется. Ирена мне обо всем рассказала. И о том, как вы объявили ее главой правительства. Мы теперь зовем ее «вшее превосходительство».

Вуд. Остальные ваши тоже извещены?

Бонштеттен. Мы запросили по радио все суда, не хочет ли кто-нибудь вернуться.

Вуд. Каков ответ?

Бонштеттен. Никто.

Пауза.

Вуд. Я устал, Бонштеттен. Мне надо сесть.

Бонштеттен. У тебя непорядок с белками и повышенная температура. Так здесь в первое время бывает со всеми.

Пауза.

Вуд. Никто из вас не хочет вернуться?

Бонштеттен. Выходит, нет.

Вуд. Не могу этого понять.

Бонштеттен. Ты прилетел с Земли, поэтому и не понимаешь.

Вуд. Но все вы ведь тоже с Земли.

Бонштеттен. Мы об этом забыли.

Вуд. Но здесь невозможно жить!

Бонштеттен. Мы живем.

Вуд. У вас, наверно, страшная жизнь.

Бонштеттен. Настоящая жизнь.

Вуд. Что ты имеешь в виду?

Бонштеттен. Чем был бы я на Земле, Вуд? Дишломатом. Чем была бы Ирена? Уличной девкой. Остальные — преступниками, которых преследовала бы государственная машина.

Пауза.

Вуд. А теперь?

Бонштеттен. Как видишь, я врач.

Вуд. И оперируешь без наркоза.

Бонштеттен. Сигарета теряет всякий вкус в нашем влажном климате: она отсырела и только тлеет.

Пауза.

Вуд. Пить хочется.

Бонштеттен. Вот кипяченая вода.

Вуд. Прохладный лимонно-желтый свет в иллюминаторах! У меня кружится голова от здешнего воздуха, пропитанного миазмами.

Бонштеттен. Воздух здесь всегда такой, а свет меняется: он то лимонно-желтый, то цвета расплавленного серебра, то песчано-красный.

Вуд. Знаю.

Бонштеттен. Мы все делаем своими руками: инструменты, одежду, суда, передатчики, оружие для борьбы с гигантскими животными. Нам не хватает всего: опыта, знаний, привычной обстановки, почвы

под ногами — облик поверхности здесь постоянно меняется. У нас нет медикаментов. Мы не знаем здешних растений и плодов — они по большей части ядовиты. Даже к воде приходится долго привыкать.

Вуд. На вкус она отвратительна.

Бонштеттен. Ее можно пить.

Пауза.

Вуд. Что вы получили взамен кроткой Земли? Туманные океаны, пылающие континенты, докрасна раскаленные пустыни, грозовое небо. Что же искупает все это?

Бонштеттен. Сознание того, что человек есть ценность, а жизнь его — дар.

Вуд. Смешно! Мы на Земле давным-давно пришли к этому убеждению.

Бонштеттен. И живете в соответствии с ним?

Пауза.

Вуд. А вы?

Бонштеттен. Венера принуждает нас жить согласно нашим убеждениям. В этом разница. Перестань мы здесь помогать друг другу, нам всем конец.

Вуд. И ты не вернулся именно поэтому?

Бонштеттен. Да, поэтому.

Вуд. И изменил Земле?

Бонштеттен. Я дезертировал.

Вуд. В ад, который на самом деле рай.

Бонштеттен. Вернись мы на Землю, нам придется бы убивать: помогать друг другу у вас и означает убивать. А убивать мы уже не смогли бы.

Пауза.

Вуд. Будем все-таки благоразумны. Вам тоже угрожает опасность: если русские победят, они явятся сюда.

Бонштеттен. Мы их не боимся.

Вуд. У вас ложное представление о политической ситуации.

Бонштеттен. Ты забываешь, что мы — исправительная колония для всей Земли. Человечество со-

бирается воевать за обладание красивым жильем и тучными полями, а не за всеобщую помойку. Мы никого не интересуем. Если мы вам теперь и понадобились, то лишь как собаки, которых можно запрячь в сани войны. С окончанием ее отпадает и эта необходимость. К счастью, вы можете отправить нас сюда, но не в силах принудить нас вернуться. Вы не властны над нами. Вы вычеркнули нас из числа людей. Венера страшнее, чем вы. Каждый вступающий на ее почву независимо от того, кто он, подпадает под действие ее законов и приобретает лишь ту свободу, которую дает она.

Вуд. Свободу оклеветать?

Бонштеттен. Свободу поступать правильно и делать то, что нужно. На Земле у нас ее не было. У меня тоже. Земля слишком прекрасна. Слишком богата. На ней чересчур большие возможности. Это ведет к неравенству. Бедность считается у вас позором. Здесь бедность естественна. На нашей пище, на наших орудиях только одни пятна — пятна нашего пота. На них нет клейма несправедливости, как на Земле. Поэтому мы боимся вас. Боимся вашего изобилия, вашей лживой жизни, боимся рая, который на самом деле ад.

Пауза.

Вуд. Я обязан сказать тебе правду, Бонштеттен. У нас с собой бомбы.

Бонштеттен. Атомные?

Вуд. Водородные.

Бонштеттен. С кобальтовой оболочкой?

Вуд. Да, с кобальтовой.

Бонштеттен. Я так и думал.

Вуд. А я ничего не подозревал. Это сделано по приказу президента. Я был потрясен, когда вчера узнал об этом, Бонштеттен.

Бонштеттен. Верю.

Вуд. Мне, естественно, очень тяжело. Но мы в отчаянном положении. Не надо сомневаться в нашей добре воле, но свобода и гуманность должны, наконец, восторжествовать.

Бонштеттен. Естественно.

Вуд. Мы просто вынуждены сейчас принять решительные меры.

Бонштеттен. Само собой разумеется.

Вуд. Я действительно огорчен всем этим, Бонштеттен.

Пауза.

Бонштеттен. Если мы откажемся вам помочь, вы пустите в ход бомбы?

Вуд. Вынуждены пустить.

Бонштеттен. Мы не в силах вам помешать.

Пауза.

Вуд. Вы погибнете.

Бонштеттен. Не все, но многие. Кое-кто уцелеет. Когда вы прибыли, все суда были предупреждены. Обычно мы держимся поближе друг к другу, но сейчас рассеялись по всей планете.

Вуд. Вы все предвидели.

Бонштеттен. Мы ведь тоже когда-то жили на Земле.

Пауза.

Вуд. Мне пора.

Бонштеттен. Когда вернешься, хорошенько отдохни. Съезди в Швейцарию. В Энгадин. Я провел там последнее лето, когда был пятнадцатью годами моложе. Никогда не забуду, какое голубое там небо!

Вуд. Боюсь, что... политическое положение...

Бонштеттен. Конечно, конечно. Ваше политическое положение. Я не подумал о нем.

Вуд. У тебя на Земле семья: жена, двое детей. Хочешь им что-нибудь передать?

Бонштеттен. Нет.

Вуд. Будь здоров.

Бонштеттен. Ты хотел сказать — будь мертв. Мой плавучей больнице не уйти от твоих бомб.

Вуд. Бонштеттен!

Бонштеттен. Муж Ирене доставит тебя на сушу.

Вуд. Мы, безусловно, не прибегнем к бомбам, Бонштеттен! Я только пригрозил. Это было бы бесмысленной жестокостью, раз мы все равно не в силах принудить вас. Даю тебе слово.

Бонштеттен. Я у тебя его не прошу.

Вуд. Я не плачу.

Бонштеттен. Но ты человек с Земли. Ты не можешь остановить то, что задумал.

Вуд. Обещаю тебе...

Бонштеттен. Ты нарушишь свое обещание. Твоя миссия потерпела неудачу. Пока что тебе еще жаль меня. Но стоит тебе вернуться на свой плането-план, как жалость твоя ослабеет, а недоверчивость пропадет. «Русские могут прилететь сюда и договориться с ними», — подумаешь ты. Правда, ты знаешь, что это невозможно: мы ведь и с русскими обойдемся так же, как с вами. Но к этой мысли примешивается капелька страха, как бы мы не вступили в союз с вашими врагами, и из-за этой капельки страха, из-за этой смутной неуверенности ты позволишь сбросить бомбы. Позволишь, даже если это бессмысленно, даже если из-за тебя погибнут невинные. И мы умрем.

Вуд. Ты мой друг, Бонштеттен! Не могу же я убить друга.

Бонштеттен. Когда не видишь жертву, убивать легко, а ты не увидишь, как я буду умирать.

Вуд. Ты говоришь так, словно умереть легко!

Бонштеттен. Легко все, что необходимо. А смерть — самое необходимое, самое естественное на этой планете. Она всюду и всегда. Чрезмерная жара. Слишком сильное излучение. Радиоактивно даже море. Повсюду черви, которые проникают под нашу кожу, в наши внутренности; бактерии, которые отравляют нашу кровь; вирусы, которые разрушают наши клетки. Континенты полны непроходимых болот, повсюду озера кипящей нефти, вулканы, гигантские воюющие звери. Нам не страшны ваши бомбы, потому что мы окружены смертью и поневоле научились не бояться ее.

Пауза.

Вуд. Близость смерти и нищета делают вас неуязвимыми.

Бонштеттен. А теперь уходи.

Вуд. Бонштеттен, ты изумляешь меня. Ты прав, а я не прав. Сознаюсь в этом.

Бонштеттен. Очень любезно с твоей стороны.

Вуд. Я глубоко взволнован тем, что ты рассказал о вашей бедности, о вашей полной опасностей жизни.

Бонштеттен. Очень мило с твоей стороны.

Вуд. Не будь я министром иностранных дел Свободных Соединенных Государств, я остался бы с тобой.

Бонштеттен. Очень благородно с твоей стороны.

Вуд. Но, конечно, я просто не могу покинуть Землю в опасную минуту.

Бонштеттен. Ясно.

Вуд. Как трагично, что я в этом смысле не свободен!

Бонштеттен. Не огорчайся.

Вуд. Бомбы не будут сброшены.

Бонштеттен. Не надо больше об этом.

Вуд. Даю слово.

Бонштеттен. Прощай!

Маннерхайм. Одннадцатая запись. Плането-план «Вега» возвращается на Землю.

Руа. Звали, ваше превосходительство?

Вуд. Переговоры оказались безуспешными, полковник Руа.

Руа. Значит, я должен сбросить бомбы, ваше превосходительство?

Пауза.

Решайтесь, ваше превосходительство.

Пауза.

Президент приказал.

Пауза.

Вуд. Раз приказал президент, сбрасывайте бомбы, полковник Руа. Постарайтесь только как можно равномернее распределить их по поверхности Венеры.

Р у а. Приготовиться к старту.

Г о л о с. Есть приготовиться к старту.

В у д. Проводите меня в каюту, Маннерхайм.

Шаги.

Маннерхайм. Разрешите застегнуть на вас ремни, ваше превосходительство?

В у д. Пожалуйста.

Маннерхайм. Так будет надежно?

В у д. Вполне.

Маннерхайм. Красный свет, ваше превосходительство. Через двадцать секунд старт.

Пауза.

Осталось десять секунд.

В у д. Полный провал.

Маннерхайм. Стартуем.

Негромкое гудение.

В у д. Маннерхайм.

Маннерхайм. Ваше превосходительство?

В у д. Русские могут прилететь сюда и заключить с ними соглашение.

Маннерхайм. Совершенно верно.

В у д. Это почти невероятно, но все-таки возможно.

Маннерхайм. К сожалению.

Р у а. Бомбы готовы?

Г о л о с. Готовы.

В у д. Такая возможность, как ни мало она вероятна, вынуждает нас сбросить бомбы.

Р у а. Открыть люки!

Г о л о с. Есть открыть люки!

В у д. Нам нужна уверенность.

Маннерхайм. Совершенно верно, ваше превосходительство.

Р у а. Бомбы вниз!

Г о л о с. Есть бомбы вниз!

В у д. На какой мы высоте?

Маннерхайм. Сто километров.

Р у а. Полный вперед!

Г о л о с. Есть полный вперед!

В у д. Как чувствует себя министр внеземных тер-
риторий?

М а н н е р х а й м. Оживает.

В у д. Военный министр?

М а н н е р х а й м. Опять стал прежним.

В у д. Мне тоже лучше.

М а н н е р х а й м. Завтра заседание кабинета ми-
нистров.

В у д. Политика продолжается.

Р у а. Бомбы накрыли цель?

Г о л о с. Накрыли.

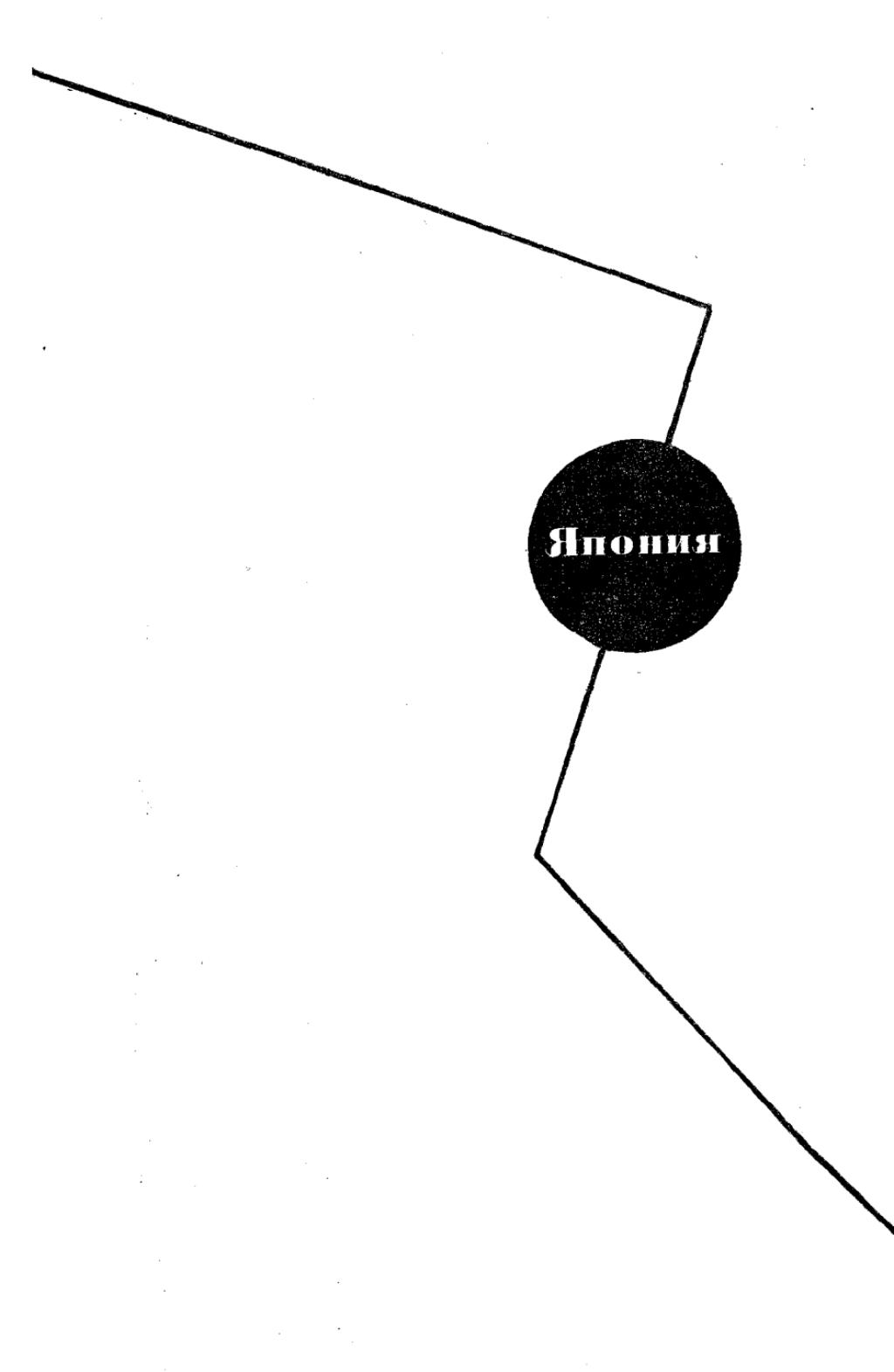
Пауза.

В у д. Препротивная история. Но эта Венера ужас-
на, а люди на ней в конце концов всего лишь преступ-
ники. Уверен, что Бонштеттен хотел союза с русски-
ми. Они ломали перед нами грязную комедию.

М а н н е р х а й м. Я того же мнения, ваше превос-
ходительство.

В у д. Но теперь бомбы сброшены. Вскоре они по-
сыплются и на Землю. Очень рад, что у меня под ру-
кой оказалась такая коллекция атомных игрушек. Рад с
точки зрения ведомственной: война для министра
иностранных дел все равно что каникулы. Только вот
от рыбной ловли придется отказаться. Буду читать
классиков, особенно Элиот — она лучше всего меня
успокаивает. Нет ничего более вредного, чем книги,
которые захватывают.

М а н н е р х а й м. Золотые слова, ваше превосходи-
тельство.

Япония

САКЁ
КОМАЦУ

ЧЕРНАЯ ЭМБЛЕМА САКУРЫ

Мелькнула человеческая тень. Он машинально спустил предохранитель, прицелился и затаил дыхание. Впереди тихо покачивался колос мисканта. Высокая пожелтевшая трава зашуршала, заколыхалась, и оттуда высунулся крестьянин плутоватого вида с обмотанной грязным полотенцем головой и вязанкой хвороста за плечами.

Тогда он поднялся и шагнул навстречу старику, держа наготове карабин.

Старик в ужасе шарахнулся. Испуганное лицо на миг исказилось злобой, но тут же стало непроницаемым. Тот подошел вплотную.

— Жратва есть? — спросил он. — Я голоден!

Тусклыми, точно высушенная солнцем речная галька, глазами крестьянин смерил его с головы до ног. Под гноящимися веками снова вспыхнул злобный огонек.

Перед крестьянином стоял исхудалый мальчик в рваной, висевшей клочьями одежде. Его шею и тощие, как куриные лапки, руки покрывала чешуйчатая пыль.

— Ты чего карабином тычешь! — сердито пролаял старик. — Не японец я, что ли?

Парнишка опустил карабин дулом вниз, но на предохранитель не поставил.

— Ты где живешь? — спросил мальчик.

— Недалеко... за горкой, — ответил крестьянин.

— Мне жратва нужна! Сейчас поесть и на дорогу.

Лицо крестьянина снова нахмурилось. Он злился.

Еще бы не злиться! Какой-то мальчишка ему угрожает, карабином в грудь тычет. Еще покривляет. Героя из себя строит. Добро бы действительно солдат был, так не так уж обидно, стерпеть можно, а то сопляк какой-то!..

— Ты что, один или с дружками? — спросил крестьянин.

Мальчик покачал головой. Огляделся по сторонам.

— Один я. Меня в разведку послали. Вернулся. А наших всех перебили. А кто жив остался, видать, в горы подался.

— Всех поймали! — со злорадной усмешкой сказал старик. — Вои по той тропиничке спускались, задрав руки. Их лупили, подгоняли прикладами... даже раненых...

— Не может быть, чтобы всех... кто-нибудь уцелел.

— И ты зря прячешься... Все одно — рано или поздно схватят.

Щелкнул затвор. Крестьянин прикусил язык и взглянул на мальчика затравленными, налитыми кровью, как у быка, глазами.

— В Синию проберусь к нашим, — упрямко проговорил мальчик, поджав губы. — Там еще крепко держатся.

— В Синию? — ехидно переспросил крестьянин. — А знаешь, сколько туда добираться? Все дороги охраняются.

— Ничего, без дорог, лесами, горами проберусь.

— Все одно сцарапают, — тихо пробурчал старик и тут же, спохватившись, искося взглянул на мальчика; потом добавил с осторожностью: — Сдавайся в плен... тебе же лучше будет.

Мальчик вскинул карабин.

Ну вот! Слова им не скажи — сразу на рожон лезут. Бешеные какие-то! Такому ничего не стоит нальнуть. И дают же им оружие в руки!

— Пре-датель! — прошипел парнишка сквозь зубы. — Из-за вас проиграли!

— При чем тут мы? — пробормотал старик и торопливо добавил: — И вы не виноваты... На их стороне сила. У них всего вдоволь. А у нас что? Ни одного самолета, ни одного...

— Это не поражение, — упрямо повторил мальчик. — Умереть в бою, не сдавшись врагу... Наши в Синию будут держаться до конца!

— Тогда всех японцев перебьют.

— А что, по-твоему, лучше холуем быть, лишь бы в живых остаться? — Он говорил таким тоном, точно отчитывал первоклассника. — Даже ребята вроде меня сражаются в смертном бою. Эх, ты!.. А еще взрослый!..

— Старуха у меня парализованная да дочка на шее, — ворчливо ответил крестьянин, — а вы-то что жрать будете, если крестьяне работать перестанут?

Но, увидев, что мальчик снова приходит в ярость, старик повернулся и, сказав: «Пойдем!», зашагал прочь.

Одинокий дом в долине. Тощая, с торчащими ребрами корова ициплет траву, на морде у нее выражение полного безразличия и покорности. Поля вдоль ущелья давно убранны, всюду, как великаны, высятся скирды рисовой соломы.

— А их нет? — подозрительно спросил мальчик.

Старик отрицательно покачал головой.

— Все до одного ушли... тут неподалеку... в соседней деревне, кажись, остался отряд...

Голос крестьянина заставил мальчика еще больше насторожиться. С этим старым пугалом надо держать ухо востро.

— Мать, это я! — крикнул крестьянин.

Вблизи дом казался большим. По двору бродили куры. Пахло перегноем и свежей соломой.

От одной мысли о яичнице рот переполнился слюной.

В доме кто-то заворочался. Старик вошел внутрь и с кем-то заговорил вполголоса. Парнишка разгля-

дел уставившиеся на него выцветшие старческие глаза. Старик успокаивающе говорил: «Ничего, обойдется», а старуха требовала гнать оборвыша в щею.

Он сел, вытер пот. Еле сдерживался, чтоб не уснуть. Сон одолевал его.

— Сейчас приготовлю поесть, — сказал старик приветливым голосом. Он прошел в кухню, неслышно ступая по земляному полу. — Дочери дома нет, я дам тебе пока холодного рису.

— Ладно, все равно.

Урчало даже в горле. Шутка ли сказать: вторые сутки ничего в рот не брал. Так и спятить недолго.

— Замори покамест червячка, а к вечеру курочку зарежем. Переноочуешь у нас, утром уйдешь себе...

— Оставь! Ни к чему это, — сказал мальчик, недоверчиво вслушиваясь в елейный голос старика. — Съем рис и на дорогу возьму немного. Курицу резать жалко!

— Чего ее жалеть. Старенькая. А то еще им достанется.

— «Им» достанется не за так, а в обмен на что-нибудь.

Старик расхаживал по кухне и сладко ворковал:

— Ты наедайся, наедайся, а то до Синсю не доберешься.

Рисовая каша, тушеные овощи, яйца, вяленая рыба.

Он знал, много есть опасно — расстроится желудок, так и умереть не долго, но остановиться не мог. Он отхлебнул зеленого чая, с трудом подавив в себе желание есть еще, набить желудок до отказа. Голод в нем сидел, как бес. Проклятый червь скребся не только в кишках, но и во всем теле, до кончиков пальцев.

Послышались шаги. Мальчик машинально схватил карабин. Старик глянул икоса и прощедил: «Это дочка моя!» Потом вышел во двор. Не выпуская из рук карабина, мальчик подкрался к окну. Со двора доносился женский голос и торопливый глухой голос старика. Говорили на местном диалекте. Казалось, о чем-то спорили.

Вдруг на миг к окну прижалось плоское женское лицо и тут же исчезло. Легкие удаляющиеся шаги затахли за домом. Тяжелой поступью в комнату вошел старик, насупленный, мрачный, но, встретившись глазами с мальчиком, деланно улыбнулся.

— Не слушает дочка отца... Да ты ложись, ложись, поспи...

Даже из упрямства не было сил держать глаза открытыми. Желудок отяжелел, усталость сковала ноги, руки.

— Поспи, а я пока баньку приготовлю.

— Какую еще баньку? — нахмурился мальчик.

— Помыться тебе надо, смотри, какой потный, грязный.

— Ничего не надо. Понял?

Веки слипались сами собой. Последним усилием воли он крепко сжал одной рукой карабин, другой — пистолет и заснул тяжелым свинцовыми сном там, где сидел.

Проснулся от боли в животе: это было возмездие за обжорство. Солнце зашло, в полумраке комнаты при свете угасающего дня виднелись очертания предметов. В кухне — никого, в комнате — темнота. Мальчик окликнул старика, хотел спросить, где уборная. Никто не отозвался, только в глубине комнаты заворочалась парализованная старуха.

Мальчик, взяв карабин, поплелся во двор. Обогнул дом. В глубине заднего двора нашел отхожее место. Пронесло страшно.

«Если старик к ужину зарежет курицу, все равно буду есть. Подумаешь, понос! Идти, правда, будет не-легко, но ничего, от курятине не умирают. Куда же делятся этот старик?»

Мальчик вышел. Вдали слышался гул. Не придав этому значения, мальчик обследовал дом с задней стороны. В пристройке горел свет. Проходя мимо, мальчик взглянул в окно. Мелькнуло что-то розовое и красное. Он задержал на минуту взгляд. На стене висели два платья: розовое и красное.

Сидевшая перед зеркалом девушка испуганно повернула голову. Сильно напудренное лицо, подведен-

ные брови, накрашенные губы. Девушка смущалась, точно застигнутая врасплох, отвела взгляд. Она хотела улыбнуться, но при виде его сурового лица еще больше смешалась.

В углу комнаты стояла раскрытая коробка. А в ней аккуратно сложенные вещи: пачки сигарет, лимонная ассеция, печенье. Из довольствия врага.

— Вы... — девушка запнулась, голос у нее был хрипловатый.

— Так вот кто сюда шляется! — прошипел парнишка.

Девушка, точно приняв какое-то решение, прервала его:

— Уходите! Сейчас же!!! Сегодня они не собирались приходить, но отец... мог...

Не докончив фразы, она прислушалась.

— Значит, ты любовница врага! — вырвалось у него.

Он был слишком молод, чтобы делать различие между мужчинами и женщинами. Его мать покончила с собой, перерезав горло. Сестра скорее всего погибла при бомбежке. Единственное исключение он делал для солдат, попавших в плен ранеными. Ведь с ним это могло случиться. Но женщина, позволившая врагу осквернить себя, ничего с собой не сделавшая после этого, не наложившая на себя руки... Он выхватил пистолет, сам не зная еще, решится ли на что-нибудь. Девушка побледнела, глядя, как он судорожно и бездумно ищет пальцем предохранитель. И вдруг она разразилась гневом:

— Дурак! — крикнула она.

Эта неожиданная вспышка заставила его отступить. Он дрожал от ярости, однако, натолкнувшись на ответную ярость, на секунду поколебался. На миг он сопоставил светлый образ матери, по его мнению, идеал женщины, с этой девкой, которая, точно взбесившаяся корова, обрушила на него свой гнев.

Вдруг послышался шум мотора. Парнишка испуганно оглянулся. Затарахтели выхлопы, заскрипели тормоза, и машина остановилась. Чужая, режущая слух речь смешалась с тяжелой поступью многих ног. Де-

вушки одним прыжком очутилась в углу комнаты, схватила коробку с довольствием и сунула мальчику.

— На! Беги! — сказала она. — Леском можно пробраться в горы!

Он побежал. Сзади раздался крик. Мальчик обернулся: возле окна пристройки стоял старик, указывая рукой ему вслед, другой рукой старик держал за шиворот дочь и тряс ее. Прежде чем прожектор нашупал мальчика в темноте, он обернулся и разрядил пистолет. Девушка, словно мешок, осела рядом со стариком. Тут же ударила автоматная очередь. Мальчик спрыгнул в неглубокую ложбинку и пополз в сторону. Он сунул пистолет в кобуру и сдернул с плеча карабин. Сорвал гранату, подвешенную к плечу, зубами рванул предохранитель.

— Come out! *

В промежутках между очередями автомата орали чужие сытые глотки.

— Не уйдешь! Стой! Сопротивление бесполезно! Выходи!

Он знал английский настолько, чтобы разгадать значение слов, хотя у преподавателя в гимназии было скверное произношение. Не переставая ползти, мальчик на глаз измерил расстояние до солдата с прожектором. Расстроенный желудок выматывал силы. Улучив момент, когда прожектор направили в другую сторону, он размахнулся и швырнул гранату. В тот самый момент, когда прогремел взрыв, он спрыгнул с небольшого обрыва и бросился бежать к лесу у подножия горы. По ту сторону холма бешено застремко-тали автоматы. Добежав до леса, он юркнул в бурьян. Перевел дыхание. В животе урчало, началась резь. Коробку с довольствием он где-то обронил. Голоса и выстрелы отдалились, воздух наполнился гудением насекомых.

...Ни одного утешительного сообщения. Ни на одном участке ничего не обнаружено.

* — Выходи! (англ.)

— Участок 1805! — вызвал начальник департамента.

Из усилителя послышался неясный голос:

— Пока никаких новостей.

— Поторопитесь! — приказал начальник, стиснув зубы. — Надо спешить, пока не случилось беды. Трагедия может повториться!

— Есть спешить!

— Людей вам подбросить?

— Нет, обойдемся.

Голос умолк. Начальник первно похрустел пальцами. Сумасшедший продолжает нагромождать одно преступление на другое. А они даже не знали, где он, этот бешеный.

Вдруг вспыхнул сигнальный огонек вызова. Начальник вскочил с места.

— Важное сообщение, начальник! — объявил голос.

Послышался нарастающий гул мотора. Парнишка уткнулся в траву. Здесь, в горах, она редкая, короткая — ничего не стоит заметить человека сверху. Он выпрямился и одним махом юркнул за выступ скалы. Из сырой расщелины выползла огромная сколопендра. Схватив ее двумя пальцами возле головы, парнишка размозжил ей голову камнем. Жаль, масла нет, из нее получилось бы отличное лекарство.

Над головой с диким ревом пронесся темно-зеленый самолет. До него было метров пятьдесят, не больше. Выхваляется, сволочь! На крыльях четко вырисовывались белые звезды, рыло тупое, точно лоснящийся жирный нос. Самолет сделал круг над вершиной и повернул обратно. Неужели засек?

Пролетая над вершиной, самолет накренился, вот-вот коснется скалы. Был виден летчик в желтом шлеме, он смотрел вниз, высунув за борт сияющее розовое лицо. Казалось, до него можно дотянуться. Руки крепче сжали карабин. У, гад! Пальнуть бы по нему! Но если промах, тогда конец! На голой горе нигде не укроешься. Вспомнилось, как обучали стрельбе из карабина по самолетам. Можно со смеху лопнуть!..

Целься в небо — ха! — точно по воробьям стрелять учили...

Самолет с авианосца педантично готовился сделать новый круг. Тонкий стройный корпус, уходящие назад, как у чайки, крылья — самолет класса «корсика». У изгиба крыла устрашающе чернело дуло двухдюймовой автоматической пушки, а под брюхом висела бомба килограммов на двести пятьдесят... Гад, гад, гад!.. Хоть бы один свой истребитель... Самолет, круто задрав нос и сверкнув ярким лезвием фюзеляжа, взмыл вверх, туда, где плыли перистые облака. Вдруг отчетливо донеслось пение птицы. Мальчик поднялся и сделал шагов сто к седловине вершины. В горле пересохло, кружилась голова. Стоял ясный, погожий день бабьего лета. Даже зло брало, какая тихая погода!

Достигнув вершины, мальчик присел на камень, вытер нот, сделал последний глоток из фляги. Болел живот, все еще неслось. Интересно, сколько осталось до Синсю? Мальчик сдвинул брови, прикинул в уме. Он случайно взглянул за седловину, перед глазами блеснуло море. Откуда море? Верно, озеро?

Нет. Все-таки море; чуть ниже горизонта скользил черный длинный силуэт — авианосец!

Разумеется, вражеский. Все японские военные корабли, и «акаги», и «танкаку», и «сёкаку», и «синано», давно пущены на дно. У островов японского архипелага не осталось и следа от боевых кораблей императорского военно-морского флота, некогда приводившего в трепет весь мир. Ходили слухи, что несколько покалеченных легких крейсеров скрывается в Японском море, но их тоже потопят — это вопрос времени.

Что за чушь! Откуда здесь море?.. Неужели он сбился с дороги? После того как его чуть не накрыли в доме крестьянина, он шел только с наступлением темноты. Ночи стояли безлунные, ориентироваться приходилось по звездам, но какой они ориентир в горах: он постоянно сбивался с пути. Горы тянутся на восток, значит море на юге. Что же это за море? Придется поискать какое-нибудь человеческое жилье и узнать. Пожалуй, на этот раз лучше припрятать карабин и прикинуться бездомным сиротой. Обидно все-

таки! Прятаться в своей собственной стране! На петликах его формы еще имеются черные эбонитовые знаки отличия — цветок сакуры. А это значит, что он боец императорского отряда обороны. Он потрогал значок рукой и посмотрел на небо.

Стояла осень. В воздухе носились паутинки. Кончался октябрь. Еще месяц, и все покроется инеем. До этого необходимо добраться до Синсю. Это самая гористая местность Японии. Там еще сражаются десять дивизий. Главная ставка уже давно перенесена туда, в город Нагано, и его величество там.

— Все равно доберусь! — сказал мальчик вслух.

Слова тут же унесло ветром. Вдруг его охватило чувство дикого одиночества. Желтые, соломенные лучи солнца, горные массивы, расцвеченные багряными клепнами. И уходящая в бесконечную даль горная цепь с поблескивающим в проемах морем. И он один, сбившийся с пути, голодный, измученный, между небом и землей, на вершине какой-то безымянной горы, открытый солнцу и ветру.

— Обнаружен! — кричал начальник департамента в трубку всем членам поисковой группы, рассеянным по разным участкам.

— Всем бригадам, начиная от бригады DZ и до бригады MU включительно, переправиться на участок LSTU-3506! Остальным бригадам оставаться на местах и продолжать поиски. Как только все бригады, от DZ до MU, прибудут на место, установить взаимную связь и объявить осадное положение.

— Докладывает бригада QV... — раздался едва слышенный голос. — Участок XT-6517 реагирует на сигналы.

— RW! Алло! RW! Окажите помощь QV! Повторяю, окажите содействие QV!

— Говорит RW, говорит RW! Вас понял!..

Итак, дело подвигается. В двух местах уже засекли. Интересно, есть ли еще где-нибудь? На участке LSTU обнаружили совсем случайно, благодаря сообщению внеучасткового сотрудника. Кто мог предполо-

живь!.. Значит, надо искать всюду... Этот психопат черт его знает что может натворить, если не обнаружить его самого.

— До сих пор никак не найдут! — уже вслух проговорил начальник.

Примерно 10 августа пронесся слух, что война проиграна. О применении нового смертоносного оружия — сверхмощной бомбы — слышали все. Об этом с осторожностью сообщалось в газетах. Говорилось, что такую же бомбу бросили в Хиросиме, но она не взорвалась и теперь изучается военным ведомством.

14 августа налета не было. Под палиющими лучами солнца мальчики шли из общежития на завод, где производилось новое оружие. Ребята гордились, что участвуют в создании нового оружия, хотя ничего о нем не знали, кроме названия: человек-торпеда. К вечеру пошли слухи, что завтра в двенадцать часов ожидается важное сообщение и выступление по радио самого императора. Газеты подтвердили этот слух, и учитель с подобающей такому случаю торжественностью сообщил им об этом.

15 августа опять выдался жаркий день. Снова ни одного налета. Незадолго до двенадцати часов возле огромного станка в цехе собралась толпа: под станком находилось бомбоубежище, правда не очень надежное. Радиоприемник трещал, ничего нельзя было разобрать.

В двенадцать часов две минуты голос диктора произнес:

— Назначенное на двенадцать часов выступление его императорского величества, — тут защелкали каблуки: все вытянулись по стойке «смирно», — ввиду особых обстоятельств переносится на четырнадцать часов. Не отходите от приемников — сейчас будет передано важное сообщение.

Все ждали. Минуты три длилось молчание, потом в приемнике снова затрещало, и из него полились бравурные звуки «Песни ударного отряда»: «Врагов десяток тысяч я выведу из строя и жизнь отдам вза-

мен». Потом исполнили «Песню мобилизованных студентов» и «Марш победы».

— Простите, что заставили напрасно ждать. Передача важного сообщения переносится на четырнадцать часов. Просим в четырнадцать часов включить радио.

Все взмолнивались. Работа не ладилась. О предстоящем сообщении высказывались самые противоречивые мнения. Учитель ходил по рядам, подгоняя мальчиков, но и это не помогало. Все вдруг поняли: работать бессмысленно. Это было страшнее всего. Сборочный цех разбомбили, токарный засыпало битым кирпичом. Правда, из литейного потоком шло литье, но в станочном не было станков: ни двенадцатифутовых токарных, ни фрезерных, ни револьверных, так что обрабатывали одну мелочь. Обработанные детали складывали прямо во дворе, ведь сборочного цеха больше не существовало.

Передачу перенесли с двух часов на три.

В три почему-то заиграли «Марш скорби»: «Выйдешь в море — трупы в волнах...» Все растерялись. Перед тем как высочайший голос прозвучит в эфире, надлежало исполнять государственный «Кимигайо».

— Простите за вынужденное ожидание. По особым обстоятельствам выступление его величества отменяется. Слушайте важное сообщение. Сегодня на расвете во время экстренного заседания Тайного Совета в результате несчастного случая погибли и получили тяжелые ранения члены кабинета министров, старейшины: премьер-министр генерал Кантаро Судзуки...

Далее следовали имена погибших и раненых.

— Это конец! — тихо произнес кто-то.

Все обернулись. Сзади стоял призванный по трудомобилизации рабочий лет сорока, он был бледен.

Погибли министр военно-морского флота Йонай, министр двора Кидо, председатель Информационного бюро Ситамура и многие другие. Остальные были тяжело ранены.

— На заседании присутствовал его величество император, — продолжал диктор, — но благодаря милости небес высочайшая плоть не пострадала.

Все заволновались. Самые легкомысленные восторженно закричали «бандзай», человек десять подхватило, но без воодушевления. Потом голоса стихли.

— Полномочия премьер-министра временно взял на себя военный министр Анами. Сегодня ночью будет сформировано новое правительство... Через минуту вы услышите речи временного премьера генерала Анами, а также начальника Главного штаба военно-морских сил Тоёта.

Премьер-министр Анами заговорил скорбным голосом. Священная родина богов непобедима, послужим ей, исполним свой великий сыновний долг, дадим решительный отпор врагу на нашей территории. Поданные, сплотитесь еще теснее, будьте готовы принять смерть у подножия трона высочайшей особы его величества.

Выступивший вслед за премьером Тоёта сказал: для того чтобы дать врагу решительный бой, необходимы сплочение всех сил, мобилизация всех ресурсов. Все данные и расчеты свидетельствуют о неукоснительной и обязательной победе войск его величества.

По выступлениям можно было догадаться, что именно произошло. Не случайно ведь остался невредимым военный министр. Не случайно уцелел и император. Почти весь народ догадывался о причине происшедшего. Догадывался, о чем сказал бы в своей речи его величество. Народ, приученный не протестовать, как всегда, молчаливо принял новый кабинет министров. Народ запел «Реформа Сёва». Песня эта была в моде лет десять назад. Теперь ее вспомнили и запели. Ее можно было понять двояко: и как одобрение нового правительства и как осуждение его. И свыше был дан указ запретить петь эту песню. И все же пет-нет да кто-нибудь замурлычет ее в перерывах.

16 августа возобновились бомбежки. Массированные и длительные. Весь промышленный район приморья был полностью уничтожен, шесть крупнейших

городов Японии, за исключением Киото, превратились в руины.

Работать было негде. Заводов не стало.

Ребят погнали строить укрепления на побережье. Тем временем Советская Армия ураганом пронеслась с севера на юг Маньчжурии и отрезала Квантунской армии путь к отступлению у маньчжуро-корейской границы. Через несколько дней из гимназистов сколотили особый отряд обороны империи, и началась муштра. Каждому хотелось, чтобы отряд назывался «Бяккотай», но так назывался отряд юношей, выступивших за сёгунат, против императора *. И назвали его отряд Черной Сакуры.

В отряд брали только добровольцев от пятнадцати до восемнадцати лет. Большей частью тут были пятнадцатилетние. Ведь им представлялась возможность принять участие в настоящей войне, с настоящим оружием.

— Иди! — решительно сказала ему мать. — Сын военного должен быть достоин имени отца.

В эвакуации они жили в чьем-то доме, на втором этаже. В полумраке комнаты на фоне домашнего алтаря лицо матери казалось особенно торжественным. Отец погиб на войне, не дослужившись даже до майорского чина, но зато мать была дочерью генерал-майора.

— Сын мой, за меня ты можешь быть спокоен.

Она достала меч, оставшийся после отца, изделие древних мастеров Сосю.

— В критическую минуту... я думаю, ты и без меня знаешь, как тебе следует поступить с собой.

В первом же ночном бою из восьмидесяти человек вернулись живыми семнадцать. Меч так и не пришлось ни разу вытащить из ножен: его разнесло

* Речь идет о событиях 1868 года, так называемой «Революции Мейдзи», японской буржуазной революции. Сёгунат, военно-феодальная диктатура, столп феодализма в Японии, был свергнут, «восстановлены» права императора. К власти пришла буржуазия, договорившаяся с крупными аристократами-землевладельцами.

«Бяккотай» («Отряд белых тигров») — один из отрядов добровольцев-юношей, выступивших на стороне сёгуната. (Прим. ред.).

в щепки осколками снаряда. На душе полегчало, словно с нее свалился камень. К тому же этот чертов меч уже давно не воспринимался как память об отце. Видимо, еще раньше в нем самом что-то умерло. Единственное, что осталось в душе, это нежелание свыкнуться с мыслью о поражении, — думать об этом было слишком уж горько.

В начале сентября между полуостровом Сацума и южным побережьем Сикоку показались американские корабли. Значительно раньше, чем их ожидали. В «нихякутока», в двести десятый день года, время, когда над Японией проносятся ураганы, уничтожающие посевы, на корабли противника налетели истребители-смертники. Однако под защитой превосходящих воздушных сил вражеские корабли спокойно отступили на запад, затем, когда опасность для них миновала, вернулись.

В середине сентября у города Тёси появились другие корабли американцев, пришедшие с Гавайских островов. Они разделились на две группы: одна направилась в Токийский залив, другая — к берегам Идзу.

Ребята молча смотрели, как истребитель с иероглифами «као» на фюзеляже поднялся в воздух и исчез в южном направлении. Вероятно, в этой машине, словно специально предназначеннной для самоубийства, их старший товарищ, уже безразличный ко всему, шел навстречу смерти. Всякий раз с появлением в воздухе этих самолетов-смертников с авианосца противника в небо взмывало звено истребителей. И на глазах мальчишек японский сигарообразный самолет, изрыгая рыжее пламя, накренялся и падал вниз. Прежде чем он врезался в воду, раздавался взрыв, поднимался высокий столб воды.

Иногда со стороны моря доносился далекий гул орудий, похожий на отдаленный гром.

— Должно быть, бомбардировка с кораблей, — произносил кто-нибудь в окопе.

Остальные молчали, сжавшись в комок.

Они были вооружены карабинами устаревшего образца да двадцатью патронами. Окопы были защищены мешками с песком. Но останется ли что-нибудь

от этих позиций? В какую кашу превратятся эти десять шестидюймовых гаубиц, пять восьмидюймовых полевых орудий да несколько станковых пулеметов и противотанковых ружей, если по ним шарахнут шестнадцатидюймовые корабельные орудия «Миссури» или «Айовы»?

Мальчишки сидели, скавшись в комочек, не высказывая своих опасений. Говори не говори — ничего от этого не изменится. Они потеряли всякое представление о войне, о смерти, о возможных потерях, и не было у них сил представить себе все это. Знали одно: сегодня обед состоит из комочка риса с соевым жмыжом да двух ломтиков горькой редьки.

Тупо, равнодушно смотрели они, как на небесной глади поблескивали эскадрильи Б-29, направлявшиеся бомбить города. Забыв жару, усталость, голод, ребята упивались этой суровой и строгой красотой. Вдруг небо прорезала полоска белого дыма. Дым еще таял в небесной лазури, когда донесся глухой отдаленный треск и один бомбардировщик Б-29, перекувырнувшись в воздухе, стал падать. Началось сдержанное ликование. Кто-то сообщил, что это и есть ракетный снаряд «слюсай». Всем хотелось узнать о нем поподробней, но толком никто ничего не знал.

А как-то раз, когда над ними кружили вражеские самолеты с авианосца и мальчики, прижавшись к земле, сидели в замаскированном окопе, вдруг кто-то завопил:

— Самолет задом наперед летит!

Все посмотрели вверх. Самолет с уходящими далеко назад крыльями, с ярко-красным изображением солнечного диска на фюзеляже скользил в воздухе, почти касаясь земли. Долетев до моря, он круто взмыл вверх. Имея преимущество в скорости и маневренности, он в одиночку вступил в бой со звеном «грамапов». И тут же сбил двоих. На этот раз все завыли от восторга. Все в один голос повторяли одно слово: «Классически!» Сбив две вражеские машины, этот невиданный самолет, словно подразнивая врага, отказался преследовать остальные машины и исчез.

Некоторое время только и было разговоров, что

о новом самолете. Каждый день ждали его появления в воздухе. Думали, вот-вот мелькнет его быстрая, стремительная тень. Но вместо этого пришли вести о флотилии неприятеля, продвигающейся на север к Суйдо.

Как всегда, эскадрилья шла под прикрытием истребителей. Возле Суйдо навстречу им поднялись два истребителя-смертника. Вероятно, тыловой аэродром был уже основательно разгромлен.

Все застыли в своих береговых укреплениях, когда вражеские корабли проходили мимо. Затаив дыхание, побледнев от страха, смотрели они на линкоры класса «Айова», тяжелые крейсеры и суетливо вертевшиеся вокруг них эсминцы.

«Кто же атакует вражеские корабли, какие самолеты — «сакурабана», «татибана» или «кайтэн»? Но атаки не было: флотилия беспрепятственно прошла мимо и исчезла. Вскоре издалека донесся глухой грохот, к небу поднялось множество белых облачков. Корабли бомбардировали город О.

Когда вражеская флотилия на обратном пути проходила мимо, с холма по ней ударило орудие. Кто-то крикнул: «Идиоты! Что делают!»

Вытянувшись в цепь, корабли развернулись бортом к берегу. От первого же залпа двух линкоров батарея умолкла. Корабли врага, точно забавляясь, повернулись другим бортом и ударили двумя перекрестными залпами: слева направо и справа налево. Снаряды легли где-то сзади, но от взрывной волны мальчишки оглохли и ослепли. Когда они подняли свои землисто-серые лица, флотилии и след простыл. Стояла гробовая тишина. Лишь слышно было, как кто-то, не то раненый, не то тронувшийся от пережитого, заунывно плакал высоким детским голосом.

Не успели передохнуть, как был получен приказ выступать: километрах в пятидесяти на безлюдном побережье высадился вражеский десант и теперь находился в тридцати километрах от них.

Мальчик поднялся и стал спускаться по выступу седловины. Должна же где-то быть тропинка! Надо

было найти человеческое жилье и набить желудок. Солнце клонилось к закату, но жара не унималась. Коснувшись ногой выступа скалы, парнишка случайно взглянул на свои башмаки и похолодел от ужаса: они вот-вот развалятся. Долго им не выдержать!

— Второй, третий, четвертый взводы, вперед!
— Третий взвод, в цепь!

На холмы, возвышавшиеся по обеим сторонам белеющего шоссе, втащили станковый пулемет и противотанковое орудие. Трясущимися руками спешно машировались. Прорвав линию фронта, большой вражеский отряд пехоты продвинулся вперед и находился в двадцати километрах. Японский танковый батальон застрял где-то глубоко в тылу. Было неясно, зачем оказывать сопротивление противнику именно здесь, почему не отойти на более выгодные позиции, прикрывая отход артиллерией. Но так решило командование: дать бой именно здесь. Казалось, ими жертвовали как пешками. У всех были бледные лица, воспаленные глаза. Но еще хуже пришлось ребятам из второго, третьего и четвертого взводов. Те должны были окопаться у самой обочины шоссе, чтобы встретить врага гранатами. И не только бросать гранаты, но и самим бросаться в обнимку с противотанковыми минами под вражеские танки. Тощие, изможденные гимназисты спускались по откосам холма, еле волоча ноги. С землистых, серых лиц градом струился пот. Что-то мягко шлепнулось: один из гимназистов упал, потеряв сознание. Командир взвода, старшеклассник, подбежал и ударил упавшего по лицу.

Какое счастье, что он не попал в эти подразделения: всего за два человека перед ним стоял последний, отобранный в это подразделение.

У обочины показалась тень.

— Не стрелять! — раздалась команда. — Свои!

Еле волоча ноги, приближался отряд. От пыли и грязи люди казались черными. Даже издали было видно, что они вконец измотаны. Двух раненых несли на спине. У одного из них голова была перевязана

окровавленным бинтом. Вдруг из последнего ряда выскочил солдат и, выбежав вперед, истошно завопил:

— Танки!

Несколько человек бросились на него. Но солдат продолжал отчаянно вопить:

— Танки! Танки! Танки!

Издалека донесся нарастающий гул. Внезапно застремотали кузнечики и тут же умолкли. Он прижал к плечу приклад ручного пулемета и вдруг почувствовал, как под штаниной вниз по ноге поползла теплая липкая жидкость.

— Докладывает группа FT. Цель запеленгована! Долгожданная весть, наконец, пришла.

— FT! Алло! FT! Слушайте внимательно! Координаты цели сообщите в Главный штаб и по всем участкам.

— FT понял. Передаю координаты цели.

Вскоре раздался свист вычислителей. Весь аппарат Главного штаба пришел в действие.

— Говорит Главный штаб. Бригадам от DZ до MU направиться в помощь FT. FT! FT! Вам посланы две боевые машины. Они в пути. Сообщите свое местонахождение в течение ближайших сорока минут. Бригадам из группы Е и G, находящимся вблизи от бригады, оказать содействие в установке переключателя. Остальным продолжать поиски на своих участках.

— DZ, MU поняли.

— FT понял. Разрешите выслать разведывательный отряд для проверки.

— Разрешаю. Высылайте, — сказал начальник. — Не забывайте докладывать обстановку. Переходите на прямую связь.

Хватаясь за стволы, мальчик спускался с крутого склона, поросшего криптомериями. Глазам открылась крохотная поляна с одинокой крышей. Мальчик лег на живот и оглядился по сторонам. Там, где кончался лес, виднелась скалистая площадка. Он пополз на жи-

воте к краю обрыва. Внизу показалось несколько домишек, между которыми, петляя, бежала дорога. Перед домишками стояли палатка и два грузовика. По дороге, поднимая клубы пыли, приближалась колонна грузовиков с пехотинцами и боеприпасами. Мальчик выждал, пока грузовики поравняются с палаткой, и достал из вещевого мешка бинокль. Этот бинокль достался ему от студента, его начальника, когда тому размозжило голову снарядом. Мальчик давно зарился на этот бинокль. Из-за него у них с мальчишкой из другой гимназии даже выпала потасовка. Тот тоже имел виды на бинокль, но ему тогда так досталось, что даже вспомнить страшно. Не начнись тогда атака, мальчишка наверняка применил бы оружие. А ведь двоих ребят расстреляли за применение оружия в драке. По приказу старшего лейтенанта, этой старой развалины. В гимназии он преподавал муштру. Там над ним вдоволь потешились, над этим лейтенантишкой...

В бинокль мальчик увидел немолодое багровое лицо американского офицера. Тот без умолку болтал, держа в зубах сигару.

Потом в глаза бросилась походная кухня. Она стояла рядом с большим сараем, перед которым прохаживался часовой. Очевидно, там хранились какие-то припасы. Из сарая вышел другой солдат без оружия. Он что-то нес, вероятно, продовольствие. Да, склад охраняется слабо, можно обойти его сзади и оттуда пробраться.

Мальчик отполз от края обрыва и лег навзничь, дожидаясь темноты.

Первый танк подбили одновременно двумя выстрелами из гранатомета и противотанкового ружья. Но заплатили за это гибелью второго, третьего и четвертого взводов: их в упор расстреляли снарядами и огнеметами.

Сжав зубы и захлебываясь от слез, мальчик стрелял из пулемета. Четыре танка, повернув башни, ударили из орудий по сопке. Гимназисты не кричали, сидели молча. Только некоторые вдруг высакивали из

укрытий и тут же падали замертво. Один с оторванной рукой тихо скрипел. Кричать уже не было сил.

Танки отступили. Дали команду прекратить стрельбу, и тогда стали слышны стоны раненых.

— Нужно отходить, — сказал младший сержант, уже побывавший на войне.

Боевых солдат среди них было только тридцать человек, включая артиллеристов.

Командир колебался, не зная, на что решиться.

— Заминируем шоссе и отступим. А то сейчас начнется артиллерийский обстрел, вот увидите, — уверенно сказал младший сержант.

Не успел он договорить, как на шоссе разорвался первый снаряд. Взвалив на спину раненых, стали отступать. Но было поздно. Плотная огневая завеса поднялась спереди и сзади. Лейтенант, стоявший на небольшом бугорке, взмахнул руками и исчез. Поднятые взрывами снарядов тучи песка и пыли мешали дышать.

Ничего не соображая, мальчик перебрался на ту сторону холма и стал скатываться вниз, на равнину.

Положение резко ухудшилось. Довольно быстро их отрезали от главных сил, и им оставалось только одно — отступать. Иногда, натолкнувшись на своих, устраивали ночной привал, но ненадолго: приходилось снова отходить. По шоссе на север тянулись нескончаемые потоки беженцев из самого большого в этом районе города О. Старики и старухи едва плелись, нагруженные домашним скарбом. Женщины с грудными младенцами за спиной вели за руку детей, поддерживали самых дряхлых и больных. Молодые мужчины при виде вооруженных людей опускали глаза, старались затеряться в толпе.

К концу сентября союзные войска создали предмостные укрепления на острове Сикоку, на юге острова Кюсю, на берегу Кудзюкури-хама и на полуострове Кий. В начале октября провели десантную операцию у Йоцукаити. Почти в то же время у бухты Цуру высадились две советские дивизии. 7 октября западнее долины Сэкигахара был сброшен американ-

ский парашютный десант. Американские линейные корабли, появившиеся в заливе Исэ, открыли огонь по району Нагоя. Было совершенно очевидно, что враг намеревается вклиниться в самый центр острова Хонсю и разделить его на две части.

Предугадав замысел противника, центральный и западный военные округа мобилизовали все силы, чтобы сорвать эту операцию. Сомкнувшись было части неприятеля удалось разъединить, но ненадолго. В то же время вражеские войска, высадившиеся в районах Канто и Кинки, шаг за шагом продвигались в глубь страны, а флот, обстреляв и разрушив форты Юра и Авардзи, очистил водные пути Кий, проник в Осакский залив, и вся береговая линия обороны оказалась под ударом. Войска, обороняющие Кинки, терпя поражение за поражением, быстро откатывались под натиском врага.

Две дивизии засели в горах Кий, у верховья реки Есино. В конце октября враг повторил попытку проникнуть в глубь страны с помощью парашютно-десантных войск.

К тому времени отряд Черной Сакуры уже состоял всего лишь из одного взвода и, отрезанный от главных сил, скитался в горах.

Наконец-то!.. Получена радостная весть: сумасшедший схвачен на участке VOOR 6877. Его задержали как раз в тот момент, когда он готовился совершить третье преступление. Он довольно быстро и легко признался, что назначил для своих преступных действий три основных пункта. В двух из них он орудовал беспрепятственно, в третьем его задержали.

— Благодарю тебя, боже! — произнес начальник департамента нелепую фразу. — Благодарю тебя за то, что ты оградил его от совершения еще больших преступлений.

Сумасшедший! Но полно — сумасшедший ли он? При таком-то уме! При такой энергии! Разве не знания высшего порядка толкнули его на изыскание особых средств для осуществления своих преступных за-

мыслов?.. А если так, то можно ли назвать это преступлением? Разве он виноват, что его открытие определило духовный рост человечества? Всякое великое открытие есть предвосхищение духовного роста человечества и требует жертв. Только экспериментируя, то есть ошибаясь и исправляя ошибки, можно способствовать духовному росту человечества... Как это ни печально.

Наступила глубокая ночь. При тусклом свете звезд он соскользнул со скалы. Днем он заметил, что задняя стена сарая находится под обрывом. Если туда удастся пробраться, то, вероятно, нетрудно будет проникнуть в сарай. А если обнаружат — справа от шоссе тянется лесок, — со всех ног броситься туда. Главное, перебежать шоссе.

Затаив дыхание мальчик сполз с обрыва. В палатке горел свет, порой мелькали зажженные фары «виллизов». В темноте по площадке взад и вперед расхаживал часовой с автоматом. Когда часовой удалялся в противоположную сторону, мальчик осторожно, часто останавливаясь, полз к сараю. Наконец рука коснулась задней стенки сарая. Доски прибиты крепко. С трудом удалось отодрать конец одной доски, но сквозь узкую щель рука не пролезала. Часовой перестал ходить, закурил. Воспользовавшись шумом проезжающего грузовика, мальчик изо всех сил рванул доску на себя. Часовой насторожился, прислушался — ничего. В образовавшееся отверстие легко прошла рука. Попаршила. Нащупала деревянный ящик, руку ожгло прикосновение холодных металлических глыб. Видно, снаряды. Парнишка попаршил в другой стороне. Кончики пальцев прикоснулись к гранатам. Он с трудом вытащил две штуки — больше рука не доставала. Жратвы никакой! Полный злости и отчаяния, он сунул гранаты в мешок и пополз назад. Взираясь на обрыв, обрушил камень.

— Кто идет? — окликнул часовой.

При тусклом сиянии неба блеснули черное лицо и белые зубы — негр. Не давая противнику опомниться

ся, мальчик выстрелил. По нелепой случайности пуля угодила в цель. Солдат-негр вскрикнул высоким, как флейта, голосом и, словно для молитвы, воздев руки к небу, рухнул. Его автомат упал, полоснув темноту ночи огненной очередью. Возле палатки заметались черные тени. Съежившись в комок, мальчик швырнул обе гранаты: одну — в сарай, другую — в палатку, и перебежал на другую сторону шоссе. Раздались два глухих взрыва. Надо было убраться подальше, пока не взлетел на воздух сарай с боеприпасами. Сверху хлестнули пресекающиеся струи огня.

— Стой!

Очередью из автомата ему раздробило плечо. В тот же миг за спиной раздался оглушительный треск. Взрывной волной его подбросило кверху. Сознание застало туманом. Его тело, ударившись обо что-то, глухо шлепнулось на землю.

Веки тяжелей свинца. Мальчику казалось, что глаза открыты, но он ничего не видел. Мельтешили белые точки света.

Вернулось сознание. Небо было усеяно звездами. С двух сторон в небо вздымались рваные линии горизонта. Все тело ныло. Зудящая, обжигающая боль в плече. В горле пересохло. Левую щеку и лоб стягивала засохшая грязь, а может, и кровь.

Воздух звенел от неугомонных стенаний насекомых.

Мальчик лежал навзничь на крутом склоне обрыва, зацепившись за что-то. Сердце бешено колотилось. Ощущив тупую боль в правой ноге, попробовал пошевельнуть ею и не мог. Крик разорвал гортань. Сломана! Сломана! В затылке появилась тупая, холодная, приковывающая к земле тяжесть. Он глубоко вздохнул и снова устремил глаза в небо. И только теперь отчетливо осознал, что вот он, Ясую Коно, пятнадцати с половиной лет от роду, погиб, защищая родину. При этом он уничтожил склад боеприпасов и вражеского офицера. Эта мысль явно доставила ему удовольствие, он усмехнулся. Для пятнадцати с половиной лет не так

уж и плохо. Отец у него погиб, и мать погибла, и старший брат, и старшая сестра — все погибли. Теперь пришла его очередь — в этой горной глухи в единоборстве с противником погибнет и он. Японцы будут драться до последнего. Горы, леса и реки исчезнут под грудой трупов, земля пропитается кровью.

Левой здоровой рукой он потрогал раненое плечо. Оно было мокрое, липкое, но боли уже не чувствовалось. Эта сковывающая слабость тоже скоро пройдет. Мальчик пошарил у себя за плечами, рука нащупала последнюю гранату. Он зажмурился и весь покрылся потом. Вздохнул. В рюкзаке, под ним, был еще и пистолет, но до него не дотянулся.

Не открывая глаз, мальчик зажал зубами предохранитель. «Должен же я что-то чувствовать», — подумал он, но в голову ничего не лезло. Сжимая зубами предохранитель, он в последний раз открыл глаза и взглянул на звездное небо. И вдруг, ощутив чье-то присутствие, последним усилием воли повернулся голову.

Шагах в двадцати от себя он увидел тень. Судя по росту и облику, это был враг. Оружия у него не было.

— Подожди! — крикнул он мальчику. — Не бросай!

Странный акцент, с каким были сказаны эти слова, вызвал определенный рефлекс. Мальчик знал, что на двадцать шагов ему гранату не кинуть, и все же кинул. Граната упала рядом, шагах в пяти-шести от него. Он снова зажмурился в ожидании — сейчас его разорвет в клочья. Однако взрыва не последовало. Мальчик потерял сознание.

— Докладывает номер пятнадцатый из первого отряда бригады FT... — затрещало в звуко приемнике, телеприем был невозможен из-за страшных искривлений во времени-пространстве. — Говорит номер пятнадцатый... Алло, Главный штаб, как слышимость?

— Слышимость нормальная, сообщите, как дела?

— Страшнее не придумаешь... — голос пятнадцатого стал затухать. — В десантной операции с обеих сторон погибло сто пятьдесят тысяч... Слышите?

— Слышу, продолжайте.

— Потери повсюду огромны. В рядах японцев сражаются и гибнут подростки, почти дети. Алло, Главный штаб, примите срочные меры. Остатки японских частей сосредоточиваются в центральных районах острова Хонсю... Алло, вы слышите? С каждой минутой растет число самоубийств среди женщин и детей... Лежи, лежи, не шевелись... Что, больно?.. Алло, Главный штаб! Докладывает номер пятнадцатый из передового отряда бригады ФТ. Партизаны в западном и центральном районах продолжают бои без всякого расчета на победу.

— Алло! Пятнадцатый! — с беспокойством прервал начальник департамента. — Вы не один? Что это значит?..

— Видите ли...

— Вы нарушаете первый пункт устава!

— Но он ранен...

— Докладывает номер шестнадцатый из передового отряда, — перебил другой голос. — В промышленном районе Хансин восстали рабочие. Вы меня слышите? Восстанием руководят японцы, пользующиеся покровительством Советской Армии. Начались вооруженные стычки между разного рода рабочими группировками, а также выступление против японских и американских солдат. Поторопитесь, пожалуйста, с Д-переключателем.

— Алло, докладывает номер пятнадцатый из передового отряда... — на этот раз голос был едва слышен. — Часть японских войск перешла на сторону союзников. Давайте Д-переключатель.

Да, бесспорно, положение казалось хуже, чем можно было предположить. Что это? Неужели такая крохотная страна намерена бороться против всего мира? Это же самоубийство!

— Транспортная бригада! — вызвал начальник департамента. — Слышите? Транспортная бригада, немедленно сообщите свои координаты! Поторопитесь

с переключателями! Дорога каждая секунда, а то эти психопаты и в самом деле уничтожат себя!

— Докладывает транспортная бригада. — ответил бодрый голос. — Оба Д-переключателя доставлены в полюса указанных зон, приступаем к их установке.

— Группа Е! Группа G! Всем бригадам вернуться и оказать помощь бригаде FT. Поторопитесь с установкой переключателей.

На участке ХТ-6517 действие разворачивалось в девятнадцатом веке, масштабы соответствующие, так что управится одна бригада QV. К счастью, третья попытка сумасшедшего осталась нереализованной. Так что можно сконцентрировать все свободные силы на участках LSTU и ХТ. В особенности в LSTU...

— QV, RW, — вызвал начальник. — Докладывайте, что у вас?

— Говорит QV. Переключатель получен. Пока изменений никаких!

— Ладно, действуйте по своему усмотрению, полагаюсь на вас! — Начальник обратился ко всем бригадам: — Всем отрядам поисковых групп перебраться на участок LSTU-3506. Помогите бригаде FT установить переключатель!

— Болит? — спросил незнакомец.

Мальчик открыл глаза. При свете звезд он увидел светлое прекрасное лицо незнакомца. Плечо было плотно забинтовано, но когда мальчик дотронулся до него, нашупал что-то упругое, похожее на резину.

— Хорошо бы тебе принять болеутоляющее, но я не медик: у меня с собой только средства первой помощи.

Мальчик с удивлением прислушался к странному акценту незнакомца. Происходило что-то необъяснимое. То незнакомец разговаривал с мальчиком, то пропадал, словно превращаясь в невидимку, потом опять появлялся. Мальчик вспомнил, что незнакомец пропал и в тот момент, когда он бросил гранату. Потом возник совсем рядом с ним и снял шлем.

Из-за скалы выглянул месяц. При его свете мальчик увидел красивые золотистые волосы незнакомца. Он посмотрел мальчику в глаза и улыбнулся.

— Убей! — пробормотал мальчик.

Лицо незнакомца вытянулось от удивления.

— Убей меня! — повторил мальчик.

Боли он не чувствовал, но все равно жить не хотелось, особенно после всего случившегося.

Незнакомец склонился над ним и ласково сказал:

— Я же тебя спас.

Мальчик пристально взглянул на незнакомца, и лицо его осветилось догадкой.

— А-а-а, понимаю: вы немец. Верно? А то думаю, зачём вы меня спасли?

Мужчина слегка покачал головой.

— Нет, я не гитлеровец.

— Кто же вы?

— Я из Службы времени, — ответил тот. — Хотя тебе этого все равно не понять.

Послышались голоса. По небу скользнул луч прожектора.

— Плохо, — пробормотал незнакомец. — Придется отступить. Не сочтут же нарушением устава перемещение с одного места на другое.

— Махни на это рукой, — сказал чей-то тихий голос.

Мальчик повернул голову и посмотрел туда, откуда донесся голос, но никого, кроме золотоволосого незнакомца, вблизи не было. Незнакомец взял мальчика за руку. Раздался щелчок, похожий на звук откупориваемой бутылки. Взор застлало серой пеленой.

— Хочешь знать, кто я? — спросил незнакомец.

Они очутились над обрывом и смотрели сверху на то место, которое только что оставили. Это произошло в мгновение ока, точно во сне, мальчика даже слегка потащивало.

— Скажи тебе — ты все равно не поверишь...

Мальчик задумался, не в силах понять, почему это он не поверит, и только сказал:

— Главное — друг вы или враг?

Мужчина задумчиво почесал в затылке. Вопрос был настолько наивен, что он просто пришел в умиление.

— На это ответить еще труднее. Дело в том, что я никакого отношения не имею к вашей эпохе.

Мальчик, видимо, решил, что у того мозги не в порядке.

— Почему ты не дал мне умереть? — сурово спросил он.

— Мог ли я поступить иначе? — ответил тот. — Если бы мы обнаружили ваше время часа на два раньше, тебя бы вообще не ранили. Разумеется, при условии, что мы с тобой встретились.

— Что ты собираешься со мной делать? — снова спросил мальчик. — У меня сломана нога, пленя мне не избежать. Сделай милость: убей меня!

— Почему ты так торопишься умереть? — спросил мужчина, в недоумении разведя руками. — Я не понимаю, что вы тут затеяли, но через пять часов этот мир все равно исчезнет.

Мальчик тряхнул головой. Какая ерунда! Мальчику было наплевать, исчезнет мир или нет, — так или иначе его ожидала смерть.

— Пожалуй, я выразился неточно. Мир не исчезнет, а войдет в свою историческую колею.

— А мне плевать! — запальчиво выкрикнул мальчик. — Помоги мне добраться до своих или убей. А впрочем, можешь оставить меня здесь!

— Ну и оставлю! — всхлипнул мужчина. — Безумный мальчишка!.. А я-то думал, что японские гимналисты этой эпохи смысленнее. Я и так нарушил устав, вступив с тобой в контакт! Прощай! Я ухожу.

— Стой! — крикнул вдогонку мальчик и, проведя рукой по воротнику, нащупал на петличке значок черной сакуры, оторвал его и протянул мужчине: — На, возьми! Если встретишь по дороге наших, скажи, что Ясую Коно из 1077-го отряда Черной Сакуры был тяжело ранен и не мог покончить с собой, но живым в плен не сдастся.

Мужчина поглядел на мальчика долгим проникновенным взглядом и мгновенно исчез. Значка черной са-

куры он не взял. На глазах у мальчика выступили слезы. Какой позор — не суметь умереть! Собрав последние силы, преодолевая боль, мальчик перевернулся на живот, орудуя одной здоровой рукой и одной ногой, пополз к краю обрыва и бросился вниз. Если упасть на скалу с десятиметровой высоты, вполне можно разбиться... Но его подхватили в воздухе.

— Брось свои дурацкие штучки! — взмолился мужчина. — Не дам я тебе умереть у меня на глазах. Послушай, я тебе все объясню, только дай мне слово, что перестанешь искать смерти... Пойми: сражения, в которых тыучаствуешь, ненастоящие.

— Как это ненастоящие?

Ясую, снова водворенный на скалу, со злостью накинулся на мужчину:

— Мы участвуем в исторической битве! Что же тут ненастоящего? Мы сражаемся против этих хищников, американцев и англичан, и погибнем все до одного — сто миллионов человек. Знаешь, как разбивается яшма? Вдребезги! Так же и мы. С нами его величество... Подданные японской империи до конца дней своих останутся верны чувству долга и справедливости. Что же тут ненастоящего?..

— Пожалуй, «ненастоящее» — это не то слово, — неторопливо прервал мужчина и тряхнул головой. — Я хотел сказать — все это неправильно. Потому что на самом деле в ваше время Япония безоговорочно капитулировала. Пятнадцатого августа. По рескрипту, подписанному императором.

— Что? Что ты сказал? — У Ясую загорелись глаза. — Япония капитулировала?!

— Но ведь так было на самом деле — это история.

Мужчина снял шлем и пригладил золотистые волосы.

Далеко в небе мерцала Полярная звезда, она переместилась. Стояла глубокая ночь. Мальчик взглянул в лицо мужчины. Оно было необыкновенно добрым.

— Ты хочешь сказать, что наша война невсамдешняя? — с издевкой спросил мальчик. — Моя мать проткнула себе кинжалом горло. Все мои товарищи погибли. Все японцы — женщины, старики, дети —

сражаются до последней капли крови. Я убил много американских солдат, теперь сам умираю... И после этого ты осмеливаешься говорить, что все выдумка?

— Я не сказал — выдумка, — с состраданием взорвал мужчину. — Я хотел сказать — придуманный ход истории. На самом деле все у вас было совсем не так.

— Ну что ты понимаешь в нашей истории? Потому что лучше было капитулировать, да? — почти крикнул Ясuo.

Вдруг над обрывом всхлинула ракета и упала, просвистев над головой.

Мужчина ладонью прикрыл мальчику рот.

— Подлец! Шпион! Рыжая сволочь!.. Что ты понимаешь!..

— Молчи! — сказал мужчина. — Какой ты бесстолковый мальчишка! Неужели тебе не ясно, что лучше всего было капитулировать пятнадцатого августа?

— Чем же лучше? — заскрежетав зубами, гневно спросил Ясuo. — Кто тебе дает право так говорить?!

— Никто. Просто история должна быть такой, какой была на самом деле. Ход истории един. А если история выходит из своего правильного русла, наш долг ее туда вернуть, иначе это нарушит ход всемирной истории.

— Но кто вам дал на это право? — злобно повторил Ясuo. — Разве ты поймешь, за что я воюю, за что умираю?.. Я горжусь тем, что умираю за императора... А ты готов все это разрушить!

— Почему «разрушить»? Исправить! — горячо взорвал мужчину. — Пойми, что с ликвидацией неправильного хода истории исчезнет и неправильное осмысление событий. Понимаешь? Человек не может ратовать за собственное уничтожение. Он не ищет уничтожения. Наоборот, боится его.

— Значит, в то, другое время Япония капитулирует?.. — с сарказмом произнес мальчик. — А я что же? Я-то ведь все равно покончу с собой!

Мужчина взглянул на него строго, точно намереваясь принять какое-то важное решение.

— Не все ли равно, покончишь ты с собой или нет, — ответил он немного погодя. — Пусть так. Но ведь то, что ты называешь «другим временем», все равно существует, а это время, где ты собираешься умереть в пятнадцать лет, само умрет через четыре часа. И ты ничего не вспомнишь, что было здесь. Эх, так и быть, сделаю еще одно нарушение: покажу тебе твою настоящую жизнь.

Мужчина взял мальчика за руку и сказал:

— Я не уверен, что разыщу тебя, но попробую. Где ты жил? Где учился?

Мальчик сказал. В следующий миг его глаза снова застлало туманом. Когда туман рассеялся, он увидел перед собой мрачную картину. Черные и коричневые развалины — следы пожарищ и бомбёжек. Он сразу узнал местность — это были здания, прилегающие к гимназии. Рядом высился и ее обгорелый корпус.

Ясую не помнил, чтобы когда-нибудь перед станцией железной дороги слонялось столько грязных оборванцев. Расстелив на голой земле рогожки, они торговали едой и всяkim хламом. Тут были бататы, ириски, галеты, кастрюли, сковородки. Неопрятно одетые мужчины с землистыми лицами сновали взад и вперед, держа в руках дырявые мешки. Вдруг появились ребята с гербами их гимназии на фуражках. Разговаривая между собой, гимназисты с жадностью поглядывали на еду.

И среди ребят — он! Без обмоток на ногах, в таком затрапезном виде! Промчался «виллис». Ребята помахали ему вслед. Водитель, американский солдат, бросил им пакетик жевательной резинки. Гимназисты набросились на нее.

— Подлец! — крикнул Ясую. — Разве такое можно терпеть!

— Ты не торопись, — утихомирил его мужчина. По улице, едва прикрывшись каким-то тряпьем, расхаживали под руку с американскими солдатами японки... Издалека надвигалась толпа. Впереди несли красное знамя. Мужчины с решительными лицами пели: «Вставай, поднимайся, рабочий народ!»

— Разве Японию заняли красные? — спросил мальчик.

Мужчина покачал головой. Картина снова сменилась. Над потоком демонстрантов реяли полотнища лозунгов. «Эй, взяли! Эй, взяли!» — раздался дружный крик, и демонстранты побежали зигзагами. И вдруг впереди демонстрантов мальчик снова увидел себя, на этот раз студентом.

Не вынеся этого, он закричал:

— Это подлость!

И вновь картина сменилась. На этот раз он гулял с девушкой вечером в парке. Он не поверил собственным глазам. Вдруг все исчезло.

— Это преступление! — сказал светловолосый. — Нельзя сидеть сложа руки! Мне сообщили, что Америка приготовила третью атомную бомбу. С Марианских островов уже вылетел самолет Б-29.

Он появится над Синсю. Начальник департамента приказал переключить установку преобразователя времени через полчаса. Надо устраниТЬ этот мир до взрыва третьей атомной бомбы. Нельзя нагромождать одну трагедию на другую. Прощай!

— Постой! — крикнул мальчик ему вслед. — Перенеси меня в Синсю. Я хочу умереть там, где его величество...

Мужчина в недоумении пожал плечами и взял мальчика за руку. Глаза застлало серой пеленой тумана... На этот раз мальчик почувствовал резкий толчок. Он шлепнулся в траву, тронутую первым налетом инея. Перед его мутным взором поплыли уходившая вдаль горная цепь с ее острыми зазубренными вершинами на фоне безоблачного неба. Сознание медленно угасало.

Он понял, что умирает. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног. Только ощущал зудящую легкую боль в ране, точно по ней водили волоском. Этот зуд все удалялся, удалялся и отступил куда-то далеко, за много километров. Холод смерти подступал снизу — от ног, подбирался к животу, полз выше, готовясь завладеть сердцем. Мелькнула мысль: человек начинает умирать с ног. Раза два-три волна мрака захлесты-

вала сознание, а когда в промежутках оно возвращалось, мальчик видел горы и небеса, безмятежные, словно поверхность огромного озера. Он лежал на траве и глядел, как там, наверху, точно примерзшие к небосводу, сияют тусклые звезды.

Из горла вырвался предсмертный хрип. И Ясую понял — конец. И вдруг он вспомнил, что забыл исполнить последний долг: собрав последние силы, хотел крикнуть: «Его величество бандзай», как вдруг перед глазами пронеслись недавние видения. Япония потерпела поражение! Нет! Глупости! Этого не могло быть... Но страшные мысли о возможности такого исхода, словно призраки, роились в сознании. И он опять собрал последние силы, чтобы бороться уже с этими мыслями. Ведь это же чудовищно — на пороге смерти потерять веру в Японию! Нет, нет, это невозможно! Иначе его смерть и смерть всех японцев окажется бессмысленной... Эта внутренняя борьба поглотила все его силы. Он уже не мог крикнуть: «Его величество бандзай!» Он решил провозгласить эту здравицу в душе. Однако им завладела еще более неуместная и дурацкая мысль: «Куда я дел значок черной сакуры? Я держал его в руке и...»

Перед Ямамото, начальником департамента особого управления по розыску во времени, сидел сумасшедший, доставленный из далекого иномерного времененного пространства. Желтая кожа, орлиный нос, черные волосы... Из-под нависающего лба класса «экстра-1» умственных способностей глядели глаза страстного, почти одержимого человека. Бросало в дрожь при мысли об умственном потенциале этой феноменальной личности. Безумие и власть при исключительной гениальности — истинный князь тьмы!..

— Как вы решились на такой чудовищный поступок? Во имя чего? — начальник департамента говорил вежливо: сидящий перед ним человек все же был доктором наук. — В практике нашего департамента особого розыска во времени вы — первый настоящий преступник против истории. Будем надеяться, что и последний тоже... Так ответьте, зачем вы это сделали?..

В департаменте особого розыска было зарегистрировано немало нарушений во времени. Большой частью преступники пытались своим вмешательством изменить ход истории. Однако чаще всего это были ма- ньяки, фанатики и люди, умственно неполноценные. Фантазии у них хватало только на то, чтобы отпра- виться в прошлое, убить какую-нибудь историческую личность... Например, один из преступников, начитав- шись Паскаля, решил изуродовать нос Клеопатры. Он даже понятия не имел о том, что Клеопатр может быть несколько. Или, скажем, другой, который убил Наполеона ребенком. А ведь еще в XIX веке Жан Батист Перес отрицал существование Наполеона. Ну что дало убийство Наполеона? Ровным счетом ни- чего: появился другой Наполеон, который и стал им- ператором. Свойство Неопределенности Частных Фак- тов (коэффициент НЧФ Симса) при неизменяемости исторических событий прошлого исключало возмож- ность преступлений против истории.

Однако открытие субпространственного способа кос- монавигации, позволяющей скачкообразно передвигать- ся в разномерные пространства, дало такую возмож- ность. Соединение установки переключения измерений с машиной времени допускало создание желаемого числа ходов истории одной и той же эпохи. Первым указал на эту возможность доктор Адольф фон Кита, молодой ученый из Института истории. Однако по- скольку это открытие сделал человек гуманитарной специальности, физики не придали ему значения и тем самым не учли той опасности, которую оно в себе таило.

Лишь инспектор департамента особого розыска Ири Вовазан заинтересовался этим открытием. И тотчас подал о нем рапорт, где, между прочим, ука- зывал, что доктор Адольф фон Кита — натура импуль- сивная, склонная к действиям ативистического харак- тера — состоит членом некоей тайной организации; в области исторических наук доктором открыта весь- ма оригинальная теория о возможности изменения хо- дов истории...

И вдруг из галактики Поллукса, откуда с давних

пор велись наблюдения за иномерными пространствами, было получено сообщение о появлении в иномерном пространстве Солнечной системы. Благодаря бдительности инспектора Вовазана департамент принял все меры предосторожности.

— Ответьте, пожалуйста, на вопрос, — снова сказал начальник департамента. — Вас не удивило, что мы вас так быстро нашли?

— Я предпочел бы, чтобы меня не тревожили, — спокойным голосом проговорил сумасшедший.

— Увы, простите, это невозможно, — возразил начальник департамента. — Нельзя нарушать основной ход истории.

— Ну вот еще! — закричал сумасшедший. — По какому праву вы судите?

Пятиадцатый, стоявший возле начальника, вздрогнул. Это были слова того мальчика.

— Скажем... — начальник на мгновение прикрыл глаза, задумался — ...с нравственной позиции.

Сумасшедший расхохотался.

— Теперь мне ясно, — сказал он. — В деле, которое вы на меня завели, написано: маньяк, поклонник тиранов и героев-разрушителей. Опьянен самурайской моралью, существовавшей в Японии примерно с десятого века. Темы научных работ: Калигула, Нерон, сын Люй-цзы император Ши, Цезарь Борджа, Робеспьер, Наполеон, Гитлер. Последняя тема работы из истории Японии.

— Почему вы выбрали Японию? — спросил начальник департамента. — Принесли победу войскам сёгуната в реформации Мейдзи, применили тактику выжженной земли в войне сороковых годов двадцатого века... Были у вас какие-нибудь особые основания для такого выбора?..

— Первый опыт, так сказать, проба сил, — ответил маньяк. — И потом я хорошо осведомлен об этом времени... Но, главное, во мне течет японская и немецкая кровь. Хотелось проэкспериментировать здесь, потом приняться за другое...

У начальника департамента потемнело лицо. Если бы этому психу удалось создать несколько ходов исто-

рии, то в корне изменилась бы мораль и система современного мира.

— В мои планы входило: принести победу нацистам на европейском фронте с помощью атомных бомб и ФАУ; в Америке принести победу на президентских выборах не Франклину Рузвельту, а более прогрессивному кандидату — Уоллесу; а в послевоенной Франции и Италии предоставить власть коммунистам...

Доктор фон Кита перечислял, загибая пальцы.

— Ну, зачем вам это! — не выдержав, крикнул пятнадцатый. — Для чего столько перемен в двадцатом веке? Вы знаете, сколько это породит новых трагедий? Я вам могу рассказать про одного пятнадцатилетнего мальчика, которого там встретил...

— Трагедия?! — у доктора загорелись глаза. — А разве бывает история без трагедий? Вопрос в том, что человечество получает, пройдя через эти мучительные испытания. Во второй мировой войне погибли десятки миллионов людей, почти половина из них — зверски замученные евреи. Но ведь вы не знаете, каким стал бы мир, если бы тогда действительно были уничтожены десять процентов людей! Понимаете ли вы, к чему привела тогдашняя половинчатость? Вот тысяча лет прошло с тех пор, а ведь человечество еще не освободилось от своих язв.

Доктор стукнул кулаком по столу и вскочил — теперь это был действительно сумасшедший. Его воспаленные глаза дико горели, в уголках губ выступила пена.

— Жертвы принесены, а я вас спрашиваю: где польза? Такая история бессмысленна. Двадцатый век оказал влияние на последующие века именно своей половинчатостью. Оппортунизм в мировых масштабах. Короче говоря, жертвы, принесенные во второй мировой войне, оказались бесполезными. Человечество, испугавшись ужасов, которые само изобрело, побоялось идти путем трагедий и попало на компромисс. В Японии рескрипта императора оказалось достаточно, чтобы все подняли руки. А что они в результате получили?

Инспектор Вовазан переглянулся с начальником департамента, и тот понимающе кивнул.

— Японии следовало понести большие жертвы, но все же вырвать у истории что-нибудь по-настоящему дельное. Ведь на протяжении долгих веков она только и делала, что страдала. Какая же разница! Так не лучше ли пойти на самоуничтожение, применить тактику выжженной земли? Не лучше ли, чтобы государство, именуемое Японией, вовсе перестало существовать? Погибло бы одно государство, зато родился бы новый Человек, проникнутый сознанием космической солидарности. В истории есть такое положение: «Превратить империалистическую войну в гражданскую». Когда вы меня обнаружили, в Японии как раз вспыхнуло восстание рабочих.

— Доктор... — тихо вмешался инспектор Вовазан, — насколько нам известно, вы несколько раз побывали в Японии той эпохи, чтобы изучить ее историю?

— Ну и что? — воскликнул сумасшедший.

— Разве вам неизвестно, что пункт первый правил водительства машины времени запрещает ездить в одну и ту же эпоху несколько раз подряд? В результате длительного пребывания в иновременных условиях наступают нежелательные мозговые изменения. Возможна потеря памяти и даже психическое заболевание.

— Вы хотите сказать, что изучение японской истории сказалось на моей психике? — спросил сумасшедший, ослабившись.

— Нет, я хочу сказать, что вы рассуждаете, пожалуй, как некоторые японцы той эпохи.

— При чем тут та эпоха? Мой метод годится для любой эпохи и любой страны, — раздраженно возразил доктор. — Почему бы не изменить ход истории, если это осуществимо? Можно же создать несколько параллельных и независимых друг от друга ходов истории? Это принесет только пользу! Если человечество может испробовать безграничное число возможностей, зачем ему ограничиваться одним-единственным историческим вариантом? Право всегдадается возможностью. Если мы можем, мы вправе выбрать лучший

вариант исторического события. — Сумасшедший воздел руки к небу. — Я освободил человечество от неизбежности истории!

— Вы ошибаетесь, — спокойно возразил начальник департамента. — Ваша мания сама есть продукт исторической обусловленности.

— Мания?! — с издевкой переспросил сумасшедший. — Да где вам это понять!

— Наша эра давно отказалась от такого подхода к истории, — спокойно возразил начальник департамента, барабаня пальцами по столу. — Человечеству он не нужен, ибо, только живя в истории, которая едина и неизменяема, человек остается человеком. Человек отказывается от многих исторических перспектив в интересах самосохранения, — начальник департамента усмехнулся. — Даже таких рационалистических, как, например, поедание друг друга... Человек отказался от хирургической операции, дающей ему вечную жизнь. Отказался от пересадки человеческого мозга в машину...

— Вы консерваторы! Вы и есть преступники против истории! — закричал сумасшедший в гневе. — Вы лишили человечество его безграничных возможностей!

— Для того, чтобы сохранить вид, именуемый человеком, — отвечал начальник департамента. — История — это монолитный процесс, она не нуждается в различных вариантах. Только при сохранении ее монолитности каждая данная эпоха будет иметь свою, соответствующую ей культуру. В условиях же многообразия исторических течений человек перестанет понимать самого себя. — Начальник обернулся и взглянул на хроноскоп. — Нравственность нашей эры заключается в том, чтобы сохранить существующий порядок вещей. Она сильно напоминает мораль, существовавшую несколько десятков веков назад... Очевидно, возврат к стариинной нравственности происходит в силу исторической необходимости...

— Идемте, — сказал инспектор Вовазан, беря доктора за локоть.

— Итак, в Суд Времени?

— Нет, в больницу, — спокойно поправил инспектор. — На психиатрическую экспертизу. Я уверен, что вам удастся избежать судебного наказания.

— Вопреки очевидности вы подозреваете меня в идиотизме?

— Мне неприятно говорить вам об этом. Но, вероятно, в связи с частыми путешествиями во времени у вас произошло смещение исторического сознания.

— Ну, знаете ли! Я же историк. Я просто увлечен конкретной исторической эпохой.

— Не в этом дело, доктор, — мягко улыбнулся инспектор. — Дело не только в том, что вы рассуждаете как человек двадцатого века. Это можно было бы отнести за счет сильной впечатлительности... А вы действительно считаете себя нормальным?

— Что за вопрос?

— Вот это мне и хотелось знать. В разговоре с начальником департамента вы обмолвились, что раны двадцатого века сказываются на современности даже теперь, спустя тысячу лет. То есть вы мыслите и чувствуете как человек тридцатого века... Но ведь со времен второй мировой войны прошло не тысяча... а пять тысяч лет...

— Яч-яя-ян!.. Ясухико-чян! — прозвучал женский голос.

Жена звала ребенка. Ясую закрыл книгу. Он как раз прочел «Обнаруженное время», главу из книги Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Он мечтал об этом еще со студенческой скамьи. Ясую развалился на траве.

Над головой простипалось бездонное голубое небо. Веял прохладный осенний ветерок. От его прикосновения по телу пробегал озноб. Это было плоскогорье Сига.

Послышались голосок трехгодовалого сынишки и звучный альт жены. Голоса приближались. Ясую слушал, прикрыв глаза.

Мир на земле! Свет в небе!..

Сейчас к нему направятся маленькие ноги и в ли-

цо, уткнутся нежные, пахнущие молоком губы. Притворившись спящим, он ждал.

Впервые после шести лет работы в фирме выдался спокойный отдых. Но завтра он снова пойдет на работу. Кончилось лето.

Опять послышались голоса жены и сына.

— Брось! Ясухико-чян! Фу! Бяка! Брось! Ты слышал, что я сказала?

— Не-е-ет! — ответил упрямый ребенок.

Упрямством мальчик пошел в него. Ясую невольно улыбнулся. Послышался топот ножек, из травы вынырнула круглая головенка, и сынишка разжал кулаком.

— На, папочка!

Улыбаясь, Ясую взял из рук мальчика какую-то круглую маленькую пластинку из эbonита.

— Ясухико-чян нехороший! Не слушается маму... Ясую, что он там нашел?

Ясую стер с пластинки присохшую грязь, появился рисунок.

— Какой-то значок, — ответил он жене. — Значок в виде цветка сакуры.

— Не может быть! Какой сакуры? — рассмеялась жена. — Разве сакура черная?

И вдруг он сжал в кулаке значок, точно вспоминая о чем-то. На мгновение, всего лишь на мгновение, темные глубины сознания сковал ледяной холод. Все кругом потускнело, словно небо заволокло тучами. И все, что его очаровывало: высокое чистое небо, отдых в кругу семьи, он сам и все окружающее — показалось таким серым, темным, позорным, словно от него исходило зловоние.

Но это длилось всего лишь мгновение. Ясую вернул значок малышу, поднял мальчика высоко в небо.

— Ну, пошли в гостиницу. Пора обедать.

— Я хочу есть, — торжественно произнес малыш.

— А завтра поедем домой. Хорошо?

— Папочка... красное, красное...

Вдали опускалось огромное багряное солнце.

Муж, жена и ребенок — все втроем запели: «День кончается пламенем алой зари... Мир — земле!..»

— Ясухико-чян, дай мне, я это выброшу!..

— Это бяка... Выброшу...

Маленький черный значок, брошенный детской рукой, полетел в траву, пересекая багровый диск заходящего солнца.

— Бай-бай! — кричит малыш.

«Звонит колокол в храме на горе...»

МИР — ЗЕМЛЕ!

СИНИТИ
ХОСИ

КОГДА ПРИДЕТ ВЕСНА

Словно игла, ракета произает черную ледяную космическую ночь. Ракета... Изящные линии... Рыба в струях потока... Пантера, распластавшаяся в стремительном прыжке... Длинное лезвие остро отточенного ножа....

О, ее форма совершенна! Но раскраска! Какой диссонанс! Ее корпус и хвостовое оперение размалеваны рекламами.

На носовой части красуется бутылка с яркой этикеткой: пейте прохладительные напитки! По соседству — улыбающаяся красотка с алыми губами и подведенными глазами. Да здравствует косметика! Хвост гордо несет похожую на герб торговую марку электротехнической компании. И рядом — другие рекламы: оптических приборов, готового платья, продуктов питания.

Нет, рекламы исполнены неплохо. Совсем неплохо, если взять каждую в отдельности. А вот все вместе... Не поймешь, что это — космическая ракета или рекламная колонна в увеселительном парке. Сияющие краски, разгоняющие мрак, мигающие и мерцающие буквы...

— Как работают осветительные установки?

Это спросил профессор Эй, командир корабля. Ему ответил пилот, его ассистент:

— Отлично... Но, профессор, мне и не снилось, что нашу ракету так разукрасят.

— А что я мог поделать? Профессор Эн горько усмехнулся. Он был основоположником оригинальной теории высоких скоростей. Применив ее на практике, он создал проект этой замечательной ракеты. Но работа над проектом поглотила все его состояние. Денег на постройку не осталось. Нетрудно представить, какое разочарование он пережил.

Конечно, можно было бы продать проект, не только окупились бы все расходы, но и прибыль бы выразилась в кругленькой сумме. Но продай он проект — и конец всем мечтам: ракету уже не используешь по собственному желанию. А он и думать об этом не мог — отказаться от всего после стольких лет работы! В конце концов ему в голову пришла хорошая идея. Профессор Эн обошел многие фирмы и везде делал одно и то же заявление:

— Не угодно ли ознакомиться с моим проектом? Я изобрел сверхскоростную ракету. Да, да, совершенно новый принцип. Что? Говорите, мы освоили уже достаточно много планет? Но это же детские игрушки! Моя ракета полетит гораздо дальше! Я готов рекламировать и продавать продукцию вашей фирмы... только не думайте, что я заинтересован именно в вашей фирме. Многие торговые компании просто ухватились за мое предложение. Еще бы! Такие возможности...

Успех был необычайный. Профессор сам не ожидал такого. Деньги потекли к нему рекой. Ракета стала реальностью. И теперь она поднялась в космос. Зато пришлось расписать ее корпус рекламами, все отсеки завалить товарами. Профессор смог взять с собой только своего ассистента. Для других не хватило места.

— Вижу планету! Вижу планету! Недалеко от красного солнца! — прерывающимся от волнения голосом доложил ассистент.

Профессор попросил:

— Дайте характеристику планеты!

— Включаю видеоскоп... Атмосфера похожа на земную... Пейзаж тоже... И люди...

— Определите уровень цивилизации населения!

— Сейчас... Уровень цивилизации несколько ниже, чем у нас...

— Ну, слава богу! Хороши бы мы были, если бы попали на планету с высокой цивилизацией! С нашими-то товарами! Местные жители померли бы со смеху. А мы бы зря притащились в такую даль... Возьмите курс на планету!

Отдав приказание, профессор нажал кнопку на специальном щите. Все рекламы вспыхнули еще ярче. О, профессор был честным человеком! Он дал слово фирмам и собирался добросовестно его выполнить.

Ракета пошла на сближение с планетой и, постепенно сбавляя скорость, совершила посадку на широком лугу, недалеко от маленького городка. Профессор нажал на другую кнопку, из мощного громкоговорителя полилась рекламная песенка. Ее легкая веселая мелодия расплеснулась над неведомой страной.

Время года на планете, по-видимому, соответствовало земной осени. Желтые листья тихо падали с деревьев. Глядя на этот чужой, но такой знакомый пейзаж, профессор пробормотал:

— Как бы собрать население?

— Да вы не беспокойтесь, профессор. Вон сами уже бегут к нам. Смотрите, смотрите! — ассистент указал рукой. — Какие добродушные!..

Действительно, население выглядело мирным. Все были безоружны и отнюдь не походили на дикарей. Они приветливо улыбались.

Профессор понаблюдал еще некоторое время, убедился, что им не грозит никакая опасность, и вышел из ракеты. Ассистент и профессор завели разговор, вернее, это был не разговор, а своеобразная пантомима, где два человека жестами, мимикой и замысловатыми телодвижениями старались объяснитьaborигенам, что они прибыли с планеты другой солнечной системы, с планеты, называемой Земля.

— Вот так-то... — заключил свое выступление профессор. — Мы хотим установить с вами дружбу на вечные времена. Понятно? Дружбу! Навсегда!

Аборигены одобрительно закивали и объяснили, в свою очередь:

— Мы очень рады. У нас только что кончился сбор урожая. Надо это дело хорошенько отпраздновать. Мы вас приглашаем.

Профессор и ассистент, радостно улыбаясь, переглянулись. Они поняли, почему так веселятся аборигены: закончен сбор урожая! Как раз то, что надо для торговли! Им неслыханно повезло. Прилети они на полмесяца раньше — все было бы зря. Кто станет заниматься с гостями в страдную пору!

— Великолепно! Великолепно! — возбужденно, сказал профессор и тут же заговорил о торговле: — Господа, не думайте, что мы приехали с пустыми руками. У нас на борту много отличных, первоклассных товаров. Мы заранее предвидели, что встретим здесь друзей, а быть полезными для друзей — таков закон нашей Земли. Надеюсь, наши товары вам понравятся и мы установим торговые отношения. Понимаете? Торговые отношения на многие годы! Это я беру на себя! Не беспокойтесь, гарантия полная!

Профессор приказал ассистенту пошире открыть люк ракеты и пригласить всех внутрь, на своеобразную выставку.

Какое великолепие! Готовое платье, добротное, красивое. Предметы домашнего обихода, незаменимые в быту. Пищевые продукты высокой питательности и отличных вкусовых качеств. Конечно, здесь было много вещей, давно вышедших на Земле из моды, и товаров, не имевших сбыта из-за перепроизводства. Но жителям планеты они казались сказочными драгоценностями. Они смотрели, не скрывая восхищения, широко открыв глаза, и время от времени осторожно трогали эти диковинки и тихо переговаривались между собой.

— Ну как? Нравится? Все самого лучшего качества!

Профессор важно прохаживался взад и вперед и без устали расхваливал товар. Он уже не сомневался в успехе своего предприятия. Но реакция аборигенов была совершенно неожиданной.

Они, качая головами и размахивая руками, объяс-

нили, что им ничего не нужно. Профессор и ассистент пришли в полное замешательство. Что происходит? Ведь видно, что жители планеты просто умирают от желания иметь эти вещи... Так почему же они ничего не покупают?.. Надо это выяснить.

— Что вы медлите?! Да вы не сомневайтесь, за качество я ручаюсь головой!

— М-м-да... Видите ли, нам очень хочется купить. Очень. Но сейчас мы не можем... Придется подождать до будущего года...

Таков был их ответ.

— До будущего года?! Но, милые мои, какая вам разница — сейчас или через год? Зачем тянуть?

— На нашей планете скоро начинается зима. А зимой... зимой нам все это ни к чему. Вот когда наступит весна, тогда другое дело.

Но профессор был не такой дурак, чтобы подобные доводы сбили его с толку. Он начал горячо уговаривать:

— Зима начнется? Ну и прекрасно! Тут как раз много зимних вещей... Вот, например, электроодеяло. В подкладке атомная батарейка. Работает безотказно. Всегда будете в тепле. А косметические средства? О, некоторые из них незаменимы при больших холодах. Взгляните! Я предложил бы вам...

Но аборигены опять замахали руками и отрицательно затрясли головами.

— Видите ли, когда на нашей планете наступает зима, мы все погружаемся в спячку. Так что на это время все эти вещи нам ни к чему.

— Ах вот в чем дело! Как странно! У нас на Земле нет такой привычки... Вы уж извините, я никак не мог подумать. Хотя... отчего бы вам не закупить все необходимое заранее? А? Ведь это будет просто великолепно: проснетесь — и все под рукой, ни о чем не надо заботиться.

— Да мы бы с удовольствием... Еще бы — так удобно! Но, готовясь к зиме, мы уже убрали весь урожай на склады. А чтобы расплатиться с вами, пришлось бы все открывать и вытаскивать. А это нам не под силу — уж очень это большой труд.

Понимающе кивнув, профессор посоветовался с ассистентом:

— Ну, что же нам делать? Как быть? Мне кажется, народ здесь честный, добропорядочный.

— Пожалуй, им можно довериться, — согласился ассистент.

— Я тоже так думаю. Ведь планета, планета-то какая! С большим будущим. Второй такой не сыщешь! И потом — не везти же нам все обратно на Землю! Такая уйма товаров! Ладно. Пусть расплатятся весной. На самом деле, не убегут же они от нас вместе со своей планетой!

— Вы правы, профессор. Симпатичный народец. И совсем не воинственный. Да и цивилизация у них не на том уровне, чтобы они за такой короткий срок развязали войну и истребили друг друга...

Профессор Эн обратился к аборигенам со следующим предложением:

— Господа, мы вам верим, — важно сказал он, упиваясь собственным великолукшием. — Мы решили передать вам товары сейчас. А вы расплатитесь потом. Мы подождем. Будущей весной мы опять прилетим к вам. И тогда вы дадите нам в уплату долга основные продукты вашей планеты.

— О, благодарим, благодарим! Как это замечательно! На будущий год, как только придет весна, мы обязательно расплатимся! Не сомневайтесь.

Как они обрадовались! О, эти открытые честные сердца не способны лгать! Растиленное влияние высокой цивилизации еще не коснулось их! Их слово твердо. При такой договоренности все будет в порядке. Фирмы останутся довольны. И профессор открыл все отсеки и отдал товары аборигенам. Он сказал:

— Вот, пожалуйста! Получайте! Берите! Встретимся в будущем году. Я привезу вам еще больше товаров!

— Спасибо, спасибо! Привезите обязательно! Будем ждать вас. До свидания!

Счастливые аборигены радостно махали руками. Прозвучали прощальные возгласы. Ассистент закрыл люк, нажал кнопки на пульте управления, и легкая,

опустевшая ракета взвилась в небо. Вот она уже снова несется в космическом пространстве...

Профессор подошел к иллюминатору и бросил последний взгляд на гостеприимную планету.

— Какой удивительный народ! Приятно будет встретиться весной... Да, кстати, рассчитайте-ка период обращения этой планеты. Чтобы зря не ездить. А то еще попадешь не в сезон. Вдруг у них еще не кончится эта самая зимняя спячка... Это будет очень обидно.

— Слушаюсь, — ответил ассистент и погрузился в вычисления. Он копался что-то уж очень долго.

— В чем дело? Почему вы не докладываете? Или расчеты очень сложны?

— Да как вам сказать... Сложного-то ничего нет... Но и приятного тоже... Пожалуй, следовало рассчитать период обращения планеты до посадки на нее.

— Да в чем дело?

— Видите ли... Орбита этой планеты образует очень вытянутый эллипс. Как и планеты нашей Галактики, она в настоящий момент удаляется от своего солнца... и скоро окажется в космическом мраке и холода, на ней все замерзнет. Конечно, без зимней спячки тут не выжить...

— То есть вы хотите сказать, что зима на ней длинная?

— Да, получается так...

— А сколько потребуется времени, чтобы планета приблизилась к солнцу и на ней вновь наступила весна?

— Гм... В пересчете на наше, земное, время примерно пять тысяч лет...

Содержание

ГЕОГРАФИЯ ФАНТАСТИКИ. <i>M. Емцев, Е. Парнов.</i>	5
Лино Алдани.	
ОНИРОФИЛЬМ. <i>Перевод с итальянского А. Вильеева и Л. Вершинина.</i>	15
Кшиштоф Борунь.	
ВОСЬМОЙ КРУГ АДА. <i>Перевод с польского Е. Вайсброта.</i>	45
Пьер Буль.	
БЕСКОНЕЧНАЯ НОЧЬ. <i>Перевод с французского В. Козового.</i>	155
Марсель Эме.	
ТАЛОНЫ НА ЖИЗНЬ. <i>Перевод с французского Т. Исаевой.</i>	194
Вацлав Кайдош.	
ОПЫТ. <i>Перевод с чешского З. Бобырь.</i>	211
Фридрих Дюрренматт.	
ОПЕРАЦИЯ «ВЕГА». <i>Перевод с немецкого П. Мелковой.</i>	231
Сакё Комацу.	
ЧЕРНАЯ ЭМБЛЕМА САКУРЫ. <i>Перевод с японского З. Рахима.</i>	269
Синити Хоси.	
КОГДА ПРИДЕТ ВЕСНА. <i>Перевод с японского З. Рахима.</i>	311

АНТОЛОГИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ. М., «Молодая гвардия». 1966. 320 с. (Б-ка современной фантастики. В 15-ти т. Т. 5). И. Редактор *Б. Клюева*. Художественный редактор *А. Степанова*. Технический редактор *И. Егорова*.

Подписано к печати 17/І 1966 г. Бум. 84×108^{1/32}. Печ. л. 10(16,8). Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 215 000 экз. Цена 97 коп. Зак. 2012. Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

ЭТЮДЫ

ЛЮСИАН ПАУЛИН